
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бригадир монтажников П. С. Пугачев.

Бригада Прокофия Пугачева.

БРИГАДИР МОНТАЖНИКОВ

Ранним утром автобус, словно удивленный, замер на вершине холма. Внизу, окутанный легкой дымкой, освещенный алым утренним солнцем, лежал весь из серебра огромный завод.

Перед нами — строящийся и уже действующий Новогорьковский нефтеперерабатывающий завод — одно из детищ семилетки.

...К главному инженеру Л. В. Карасеву подошел рабочий:

— Леонид Викторович, профессора не видели?

— Профессор на битумной...

Затем, уже на битумной установке, появилась целая группа людей с чертежами в руках. Инженер сказал:

— Идите к профессору, он разберется...

Конечно, ничего удивительного не было в том, что на заводе мог оказаться профессор. Но слишком уж часто его разыскивали люди, одетые в рабочие спецовки!

На битумной установке работали монтажники. Сварщики тут и там строчили голубоватым огнем.

— Прокофий Степанович! — крикнул главный инженер и помахал рукой.

Через минуту по лесенке спустился приземистый, крепкий человек. Обветренное лицо, добродушная улыбка. Сильная ладонь.

— Бригадир монтажников, Прокофий Степанович Пугачев,— сказал инженер и, чуть помедлив, добавил: — Наш профессор.

История трудовой жизни Прокофия Пугачева богата событиями. Всю страну от Москвы до Хабаровска прошел. Тут и горьковский «Нефтегаз», и Люберецкий нефтезавод, и Новокуйбышевский, и Оренбургский, и Хабаровский, и, наконец, Новогорьковский...

У монтажников закон такой: четверть века отработал, сколько бы тебе ни было лет,— на пенсию. Работа сложная, опасная, вредная. Пугачев работает уже больше тридцати лет. Иногда утомится, утрет выступивший на лбу пот, устало скажет:

— Ничего, еще какой-нибудь годик и... на отдых.

Но начнут поднимать установку, стянут к ней разную технику: трактора, подъемники,— опутают огромную металлическую гильзу со всех сторон канатами, и тут бригадир, будто дирижер, указывает рукой налево, направо — регулирует.

— Повоюем, ребята, а? Рановато в запас?

Образование у профессора не ахти: несколько классов. Написать письмо — настоящая мука. Но дай ему чертеж — тут он как рыба в воде. Начнет читать чертежи, ни одному инженеру не угнаться. Вот откуда у него профессорский титул. Но не только чертежи его стихия. Еще лучше, чем их читать, он умеет претворять их в жизнь.

О беспокойном характере Пугачева на заводе рассказывают и с шуткой и с уважением. Испытывали недавно битумную установку. Работа, конечно, ответственная. И ребята опытные, проверят все, как надо. Но не такой характер у Пугачева, чтобы надеяться на других. Ведь трое суток не отходил от своей битумной. Приткнется где-нибудь, подремлет и снова за работу. Пришлось уводить домой силком. Да и это удалось сделать лишь тогда, когда профессор убедился, что установка выдержала, прошла испытания с честью.

Свою профессию Прокофий Степанович прочно укрепил за фамилией Пугачевых. Старший сын, Иван,— сварщик-паспортист. Это значит, что шов на металле, сработанный искусной рукой Ивана Пугачева, не подлежит проверке. Шов — сам удостоверение, паспорт. Второй сын, Евгений, сейчас в армии. Он тоже монтажник. Пошел по слесарной части.

В небольшом городке Кстово появился финский домик Пугачевых. Возле домика небольшой участок земли. Хозяина часто можно увидеть с лопатой в руках. Сажает деревья, цветы. Остановится, расправит плечи, перекинется словами приветствия с соседом. Устал, конечно. Ведь позади смена. Но жизнь трудового человека — это смена одного труда другим. Без этого ему нельзя.

Г. БЕЛЯКОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

43-й год издания

№ 22 (1979)

30 МАЯ 1965

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

А мы монтажники-высотники.

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР — ОРДЕН ЛЕНИНА

Радостный праздник пришел на азербайджанскую землю: на знамени Азербайджанской ССР золотом вспыхнул второй орден Ленина, которым республика награждена за успехи, достигнутые азербайджанским народом в хозяйственном и культурном строительстве, и в ознаменование 150-летия вхождения Азербайджана в состав России. Этому знаменательному событию было посвящено торжественное заседание ЦК КП Азербайджана и Верховного Совета республики.

Столица Азербайджана — Баку. Фото А. Ляпина.

Сотни благодарных читателей собрались в этом зале.

К. А. Федин открывает торжественный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения М. А. Шолохова.

Певец, летописец революции

Многие тысячи людей, сидевших 24 мая перед экранами телевизоров, всем сердцем присоединились к горячей овации, которой был встречен в Колонном зале Дома Союзов Михаил Александрович Шолохов. Поздравить любимого писателя в день его 60-летия прибыли его друзья из самых разных городов, республик и стран. Открывая торжественный вечер, К. Федин сказал о двух особенных качествах прозы Шолохова: он никогда не избегал свойственных жизни противоречий. Его книги показывают борьбу во всей полноте прошлого и настоящего. К. Федин подчеркнул и другую особенность шолоховской прозы — благотворную преемственность национальных традиций русской эпики.

Свое вступительное слово о Шолохове критик Ю. Лукин назвал «Большое сердце художника».

Юбиляра поздравили министр культуры СССР Е. Фурцева, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по печати П. Романов, заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник М. Калашник. От Советского комитета защиты мира Шолохова приветствовал Н. Тихонов.

Любовью и благодарностью дышали выступления собратьев по перу — писателей Москвы, Ленинграда, Ростова, Киева, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Об огромном уважении к таланту замечательного писателя говорили зарубежные гости: Пабло Неруда, Фаиз Ахмад Фаиз, И. Добози, Мартти Ларни, Я. Ивашкевич, Д. Димов, И. Шотола.

Отвечая всем, М. А. Шолохов сказал: разрешите поблагодарить всех тех, тепло чьих сердец согревало меня во время этого довольно долгого 60-летнего пути. Я приношу мою глубокую благодарность родному Советскому правительству за высокую награду.

В этот же день в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян вручил Михаилу Александровичу Шолохову орден Ленина, которым писатель награжден за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и в связи с 60-летием со дня рождения.

•

Верному сыну Испании Рафаэлю Альберти вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Приветствуя поэта-патриота, председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын охарактеризовал Рафаэля Альберти как замечательного мастера слова, несгибаемого борца за счастье угнетенных, человека, объявившего беззаветную войну врагам мира.

На снимке: Рафаэль Альберти и Долорес Ибаррури.

Фото А. Устинова.

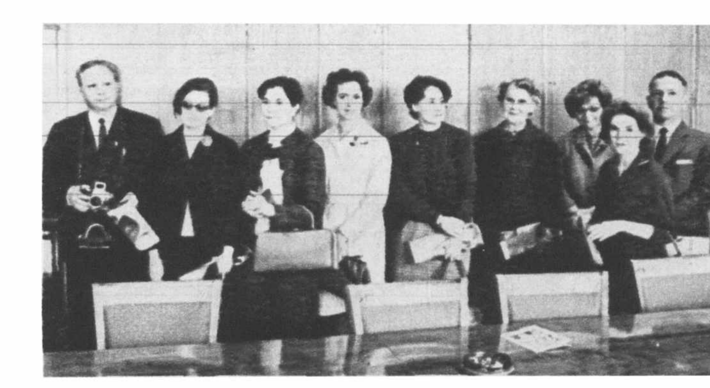
ГОСТИ С СЕВЕРА

В гостях у «Огонька» побывали писатели и журналисты из соседних северных стран.

Группа финских редакторов с большим интересом ознакомилась с работой «Огонька». Во время дружеской беседы была достигнута договоренность об обмене журналами.

Давний друг «Огонька» Мартти Ларни остался весьма доволен тем, что его роман «Об этом помалкивают», который скоро начнет печатать журнал, будет проиллюстрирован В. Горяевым. Ведь этот художник уже иллюстрировал его роман «Четвертый позвонок».

Советский читатель давно полюбил книги Халлдора Лакснесса. Талантливый исландский романист обещал написать для журнала «Огонек» несколько рассказов.

Финские журналисты в редакции «Огонька».

Халлдор Лакснесс на московском вокзале. «До новой скорой встречи, друзья!»

Мартти Ларни с супругой.

Фото Ю. Кривоносова.

КОНКУРС

ЗАВЕРШЕН

Больше трех тысяч писем с пометкой «На конкурс» пришло в редакцию. Среди участников конкурса — рабочие и генералы Советской Армии, архитекторы и инженеры, художники и студенты, профессиональные литераторы... Все они написали о том, что близко и дорого сердцу советского человека,— о дружбе и братстве с людьми Чехословакии.

Разные судьбы, удивительные истории встают со страниц писем. И хотя конкурс закончился, работа продолжается. Письма, полученные «Огоньком», станут основой очерков, рассказов, фильмов.

В посольстве Чехословацкой Социалистической Республики в Москве состоялось торжественное закрытие конкурса «Навеки вместе!».

Чрезвычайный и полномочный посол Чехословацкой Социалистической Республики в СССР товарищ Олдржих Павловски отметил в своем выступлении, что конкурс «Огонька» стал большим событием, привлекшим внимание общественности Советского Союза и Чехословакии, вкладом в дело дружбы между нашими народами.

Главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов поблагодарил за доброе сотрудничество товарищей из чехословацкого посольства, принявших активное участие в организации конкурса. Он также выразил благодарность чехословацкому внешнеторговому объединению «Рапид» и коллективам заводов и фабрик Чехословакии, подготовившим премии для победителей.

В заключение состоялось вручение премий.

Рентгенотехнику из города Ефремова, майору запаса А. Г. Глебову присуждена первая премия конкурса «Навеки вместе!» — мотоцикл «Ява-250».

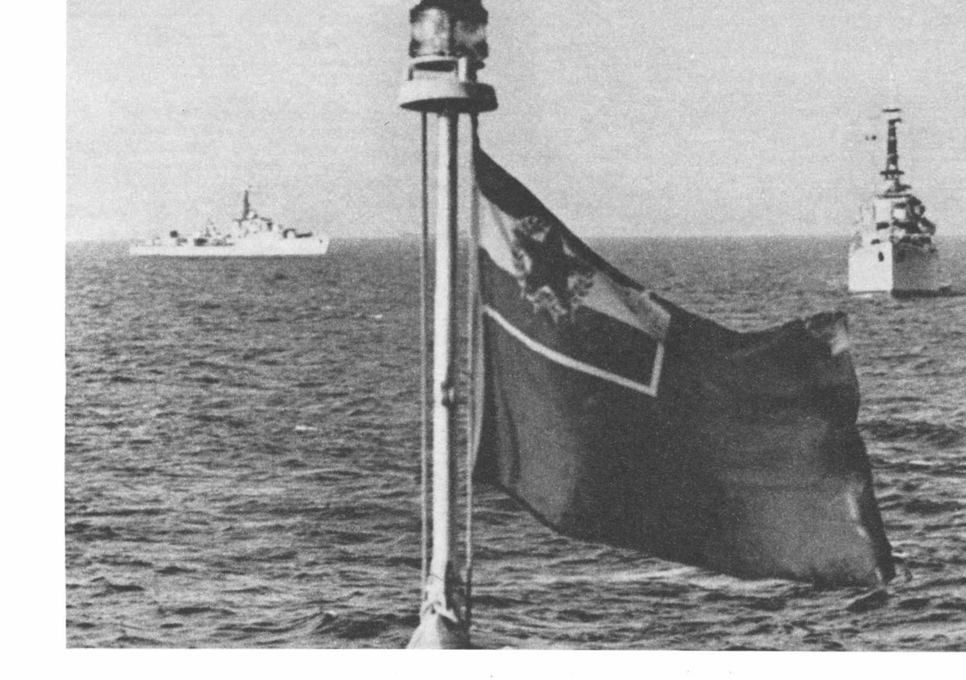

Челябинский инженер Н. Г. Чиж получил третью премию — чехословацкий фотоаппарат «Флексаретта».

Фото Ю. Кривоносова.

ПОД ФЛАГАМИ ДРУЖБЫ

А. ГОЛИКОВ, О. КНОРРИНГ, спецкоры «Огонька»

С визитом дружбы.

— Чувствуйте себя как дома,— радушно встречает нас капитан первого ранга Велко Докманович, командир учебного судна «Галеб» — флагмана отряда югославских военных кораблей, прибывших в Севастополь с дружественным визитом.

Из Севастополя отряд направится в Одессу, и мы примем участие в этом походе.

«Галеб» — «Чайка». На этом судне не раз плавал товарищ Иосип Броз Тито. Сейчас здесь проходят практику курсанты военно-морского училища и держит свой флаг командующий Адриатическим флотом СФРЮ вице-адмирал Любо Трута.

Отношение к нам по-настоящему братское. Идем в матросский клуб. Здесь фотографии рассказывают о совместных боевых действиях югославской и советской армий против фашистских войск.

— Во время войны я встречался с советскими солдатами,— рассказывает старшина Байо Симович.— Сначала я был партизаном, а потом солдатом 3-й дивизии народной югославской армии. В Загребе мы встретились с Красной Армией. Сколько было радости! Встреча оказалась очень короткой. Мне хотелось непременно побывать в Советском Союзе. Моя мечта сбылась, и я счастлив.

На югославские военные корабли пришли севастопольцы. Возле орудий замелькали цветастые платья девушек. Вездесущие мальчишки забрались на мостик, в установки зенитных пулеметов. Югославские моряки были любезными хозяевами. Они занимали гостей. Завязывались знакомства, обменивались адресами, сувенирами. Находили друг друга и старые соратники.

На миноносце «Пула» знакомимся с капитан-лейтенантом Емилем Грубишичем. В разговоре один из нас упомянул, что в 1944 году служил в авиации и бывал в итальянском городе Бари. Оттуда наши транспортные самолеты летали к югославским партизанам. Возили им оружие, боеприпасы, медикаменты. Обратными рейсами забирали раненых. Вдруг Емиль Грубишич говорит:

— А ведь я тебя знаю. Меня авион вывозил раненого. Ты мне свою шинель отдал.

В честь такой встречи Емиль тащит нас в кают-компанию. За бокалом вина вспоминаем события двадцатилетней давности. Посадочную площадку возле местечка Верховина в Хорватии, сигнальные костры, которые выкладывали партизаны, близкий грохот боя и раненых. Одни из них садились в самолет сами, других вносили на руках. Раненые были босиком, в одном белье — одежду оставляли тем, кто сражался: одежды у партизан не хватало.

...Солнце зашло. Черноморский флот тепло провожает дорогих гостей. На боевых кораблях подняты сигналы «Счастливого плавания». Моряки выстроены на палубах. Дружные взмахи бескозырок, прощальное «ура». Синие сумерки опускаются на город. «Галеб», плавно рассекая потемневшую воду, идет к выходу из порта. И здесь нас провожает последний севастополец — рыбак. Видимо, старый матрос, он встает в лодке и семафорит, желая доброго пути югославским морякам.

Вице-адмирал Любо Трута приглашает нас к себе в салон посмотреть фильм о параде югославских военно-морских сил. На экране, вспенивая синие волны Адриатики, безупречным строем мчатся торпедные катера, идут эскадренные миноносцы, подводные лодки, низко пролетают эскадрильи реактивных боевых самолетов.

— А знаете, с чего мы начинали? — говорит Любо Трута.— Югославские партизаны, вооруженные винтовками и ручными гранатами, на рыбачьих лодках нападали на итальянские суда. Потом у нас появились моторные боты, катера. Их стали вооружать крупнокалиберными пулеметами и даже пушками. Эти первые боевые корабли наносили врагу чувствительный урон.

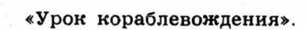
Любо Трута говорит о боевой дружбе военно-морских сил наших стран, вспоминает визит кораблей Черноморского флота в Югославию.

— Теперь мы наносим ответный визит,— говорит он,— и нас встречают тоже по-братски. Дружба народов Югославии и Советского Союза имеет глубокие и прочные корни.

...Отряд югославских кораблей точно в назначенное время заканчивает переход из Севастополя в Одессу. Гремит салют наций, и «Галеб» ошвартовывается у причала. Прекрасный южный город широко раскрывает югославским морякам свои крепкие дружеские объятия.

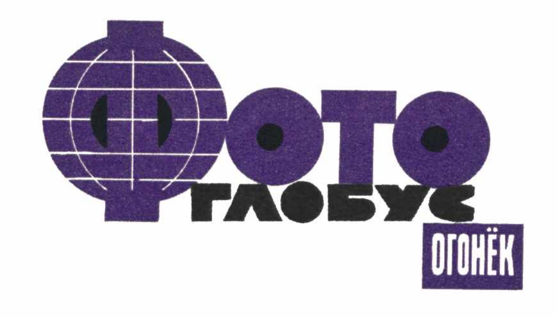
Одесса. Возложение венков у памятника неизвестному матросу.

«Урок кораблевождения».

Продолжают развиваться добрососедские отношения между Советским Союзом и Турцией. Недавно с официальным визитом в Турции побывал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В Москву прибыла делегация муниципалитета Анкары во главе с председателем муниципалитета Халиль Сезай Эркутом.

На снимке: Турецкие гости осматривают рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

●

В разных городах Италии проходят выступления трудящихся против капитала.

Недавно бастовали батраки в провинциях Рагуза и Падуя, полмиллиона человек приняли участие в забастовке работников коммунальных учреждений.

Провели стачку рабочие завода «Инноценти» в Милане. Перепуганные хозяева вызвали усиленный наряд полиции.

Фото Публифото — ТАСС.

●

Американские интервенты предпринимают все новые маневры, чтобы прикрыть свою агрессию в Доминиканской Республике. Выступивший в ООН представитель Соединенных Штатов Эдлай Стивенсон заявил, что в Организации американских государств подписан акт, официально учреждающий «межамериканские силы мира».

Стивенсон говорил, что цель «межамериканских сил» в Доминиканской Республике (по существу, американских оккупационных войск) — «восстановление мира» в этой стране, «защита прав ее граждан».

О том, как американская военщина «защищает» права доминиканцев, можно судить хотя бы по этому снимку: американский солдат грубо обыскивает жителя Санто-Доминго.

А о том, как относятся в Санто-Доминго к непрошеным миротворцам, говорят лозунги, написанные на стенах города: «Янки, убирайтесь домой!».

Фото ЮПИ — ТАСС.

Детоубийцы

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

На краю изрытой воронками и вымершей площади жалкие остатки деревьев. Разбитый вдребезги, разрушенный одноэтажный дом. Вокруг него осколки стекла, битый кирпич, обломки досок... Среди кучи щебня раздавленный школьный глобус, изодранные, полуобгорелые книги, остатки учебных приборов — это все, что осталось от школьной физической лаборатории. Она была подарена ребятами из Германской Демократической Республики. Ветерок шелестит листками порванных и разбросанных учебников. Невольно склоняюсь и подбираю их. В руках у меня страницы учебника алгебры. Рядом валяется раздавленная конусообразная детская шляпка из рисовой соломы. Мне хочется закричать во весь голос: «За что? Чем провинились дети?»

Я помню: три года назад на этом месте заканчивалось строительство сразу трех школ. Весь день звенели смех, шутки, выкрики играющих в волейбол ребят, мелодичные песни. Сейчас здесь мертво, пусто, мрачно.

Двадцатилетняя учительница Тран Тхи Лян Хуу рассказывает, голос ее дрожит, она то и дело прижимает руку к горлу, словно ей не хватает дыхания:

— Был полдень, когда я шла по тропинке, ведущей к школе... Я занимаюсь с самыми младшими, с первоклассниками. Американские «май бай ми» появились неожиданно.

«Май бай ми» — по-вьетнамски «стервятники». Тран Тхи говорит о бандитских действиях американцев... Малыши были перепуганы насмерть. Особенно после ошеломляющих пулеметных очередей.

Вблизи дороги было несколько противовоздушных щелей. Молодая учительница бросилась навстречу обезумевшим от ужаса малышам, хватала за руки, прижимала к себе, стараясь телом своим прикрыть их от свистящих пуль и осколков бомб. Пытаясь перекричать грохот, она кричала разбегавшимся во все стороны малышам:

— Назад! Назад! Прячьтесь здесь! Быстро в ямы! За деревья!

Малыши беспомощно карабкались на земляной гребень щели, боясь упасть в глубокую яму. Она хватала одного, другого, третьего и поспешно спускала вниз. Маленькие ладошки, ища спасения, цеплялись за ее платье, за руки. Усилием воли Тран Тхи заставила себя говорить спокойнее:

— Не бойтесь, дети, я с вами! Не бойтесь! Скорее снимайте блузы. Скорее! Снимайте все, все!

По опыту Тран Тхи Лян Хуу знала, как опасно быть в одежде, если поблизости будет сброшена напалмовая бомба. Человек тогда мгновенно превращается в горящий факел, и спасти его нельзя. А американцы уже сбросили три таких бомбы.

Прошло долгих два часа, пока стервятники улетели. К школе прибежали испуганные родители. Сорок семь маленьких трупиков осталось лежать в руинах на страшной площади...

Вблизи соседнего здания был школьный огород, грядки растений. Через него протянулись противовоздушные щели. Они стали братской могилой учеников III ступени. Вместе с ними погиб их 32-летний учитель Ле Дуи Минь. Школьники обожали его, любили его уроки литературы. В годы борьбы против французских колонизаторов он был в рядах движения Сопротивления Вьетнама. За отличную мирную работу он получил от Хо Ши Мина личную благодарность. Теперь его маленькая дочурка осиротела.

Присаживаюсь на разбитую парту. Учитель Нгуен Ван Минь рассказывает:

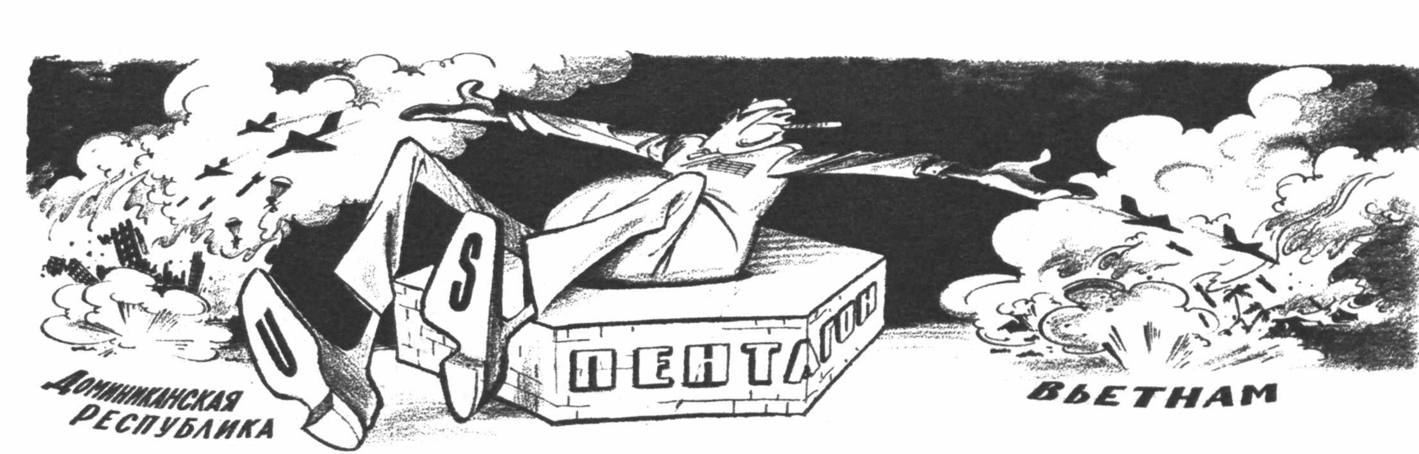
— Мы, учителя средней школы, собрались в тот день на педсовет. Они прилетели с юга, из-за реки... Мы знали, что это может когда-нибудь случиться, и подготовились к самому худшему. Большинство учеников разбежалось во все стороны, некоторые попрыгали в противовоздушные рвы. Старшеклассники вместе с учителями заняли заранее назначенные посты самообороны. Вы спрашиваете, сколько они сбросили тогда бомб? Примерно 370. Это не считая напалмовых и зажигательных ракет. Несколько бомб упало с механизмом замедленного действия. Бомбы зарывались в землю и давали знать о себе потом. Многие, многие дети не вернулись домой...

Перед разбитым зданием школы я на минуту останавливаюсь, чтобы прочесть объявление: «Учеба временно прекращена. О месте и дне занятий будет сообщено». Тут же на уцелевшей стене кто-то детским почерком, большими буквами вывел: «Отомстим за павших товарищей и нашего учителя...»

Младшие школьники по распоряжению властей эвакуированы в дальние селения. Но в сохранившихся помещениях третьей школы поздним вечером полнó. Учеба продолжается.

Спокойный голос учителя. Шелест открываемых учебников. На школьном дворе около противовоздушных рвов стоит готовое к бою оружие.

Винь Линь, май 1965 года.

«АМЕРИКАНСКИЙ РАЗМАХ»

Рисунок В. Черникова.

«НАЗИ», «ЧУРЕБИ», «ШРОШАНИ»

Художница Манана Абутидзе с весенней продукцией цеха.
Фото С. Онанова.

Десятая весна в художественном цехе Тбилисского керамического комбината. И каждую весну — новые формы, рисунки, сюжеты...

Вот и сейчас в комнате образцов комбината принятые к производству этого года 20 новых изделий. Часть из них уже обжигается в керамических печах: маленький кувшинчик «Нази», что значит — нежный, покрыт коричневой матовой глазурью, «Чуреби» — тройной, сообщающийся сосуд для вина, кувшин «Шрошани», горлышком своим напоминающий скворца... Все это смогут приобрести первые гости Тбилиси, открывающие новый туристский сезон.

Грузинскую керамику высоко ценят любители-коллекционеры. Изящные, несколько удлиненные пропорции, выразительная форма и чеканный силуэт делают ее весьма отвечающей современным вкусам. Но общая беда: изделия эти, как и всё изделия искусных рук, были дороги и малодоступны массовому потребителю.

Керамический комбинат — предприятие коммунистического труда — выпускает сейчас тысячами экземпляров самую дешевую грузинскую керамику.

И. СЕМЕНОВА,
собкор «Огонька»

Изделия образца 1965 года.

Король дичи и заморские птахи

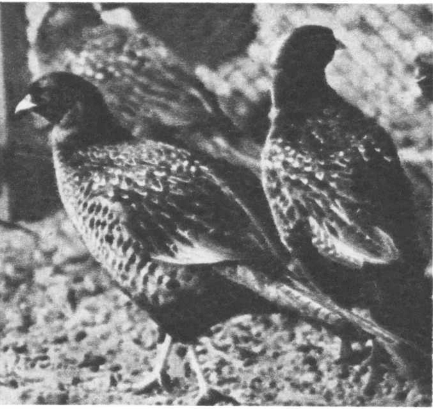
Возле Майкопа расположено единственное в стране хозяйство, где разводят короля дичи — кавказского фазана. Это здесь, на опушке Кужорского леса, впервые стали выводить кавказского фазана в инкубаторе. Начинали с нескольких десятков птиц, с трудом отловленных охотниками в Чечено-Ингушетии. А теперь их полторы тысячи. Пройдет несколько лет, и почти исчезнувший из-за варварской охоты кавказский фазан будет расселен в северных и южных предгорьях Главного Кавказского хребта от Черного до Каспийского морей, а под Майкопом откроется спортивная охота на птицу, в оперении которой переливаются все цвета радуги.

Недавно в Кужорском фазанарии поселились заморские гости. Из Югославии прибыло 150 перепелок, родина которых—Страна восходящего солнца. Они так и называются — японские, или немые, перепелки. Но эти «немые» 150-граммовые птицы без умолку орут дурным голосом и дают в год по триста яиц. Как утверждают сотрудники заповедника, сероватые заморские птахи чувствуют себя в Адыгее, как дома.

Х. БАЛАДЖИЯН
Фото А. Гостева.

Ветеринарный врач Л. Н. Кулинич осматривает японскую перепелку.

Горделиво расхаживают кавказские фазаны.

Помощь друзьям

Раннее утро. В Кяхтинской городской пожарной команде раздался телефонный звонок: пограничники передали просьбу монгольских товарищей о помощи. В городе Алтан-Булаке горит здание сельскохозяйственного техникума.

Сигнал тревоги—и пожарная машина на предельной скорости помчалась к границе. Вот и Алтан-Булак. Крыша здания техникума объята пламенем. Заработал насос, ударила мощная струя воды. Более часа пожарные вели борьбу с огнем. Бедствие было предотвращено. Директор сельскохозяйственного техникума товарищ Бумбаа крепко жал руки кяхтинцам.

— Спасибо!

Не в первый раз советские пожарные оказывали братскую помощь монгольским друзьям. Кяхтинцы отстояли от огня мастерские госхоза, государственный бани, банно-прачечный комбинат и другие здания.

За мужество и отвагу бойцы пожарной охраны награждены значками «Отличник противопожарной охраны МНР» и ценными подарками.

А. СУРМАЧ

ПО ОДНОМУ РЕЛЬСУ

Теперь совершенно ясно: монорельсовая дорога в Киеве будет. Она уже даже есть, только в миниатюре. Мы видели ее сначала в кабинете Г. И. Ижели, директора электроремонтного и строительного завода имени Ф. Дзержинского.

— Вот, пожалуйста...— сказал Георгий Игнатьевич, снимая чехол с довольно объемистой модели.

Он нажал кнопку, и по кругу однорельсового пути покатила тележка-двигатель. Тележка мчалась довольно быстро и совершенно бесшумно. Еще нажим на кнопку — двигатель остановился и замер на месте. Нажимается еще одна кнопка — и послушная тележка полным ходом идет в обратную сторону.

Во дворе нам показали модель побольше. Это уже целый экспериментальный участок. На эстакаде до ста метров длиной навешен рельс, а по рельсу бегает модель вагона. Он свободно тянет полтонны груза. Вагончик также послушен нажиму кнопок. Только бегает он не по кругу, а по прямой линии, развивая скорость до 50 километров в час. Это примерно половина скорости будущего воздушного экспресса.

Инженеры завода совместно с сотрудниками Киевского политехнического института решили главную задачу: построили сердце монорельсовой дороги — оригинальный линейный асинхронный двигатель, работающий бесшумно.

Над созданием двигателя и его дальнейшим совершенствованием работает группа инженеров и техников завода. Конструкторам оказывают помощь научные сотрудники политехнического института. Специалисты по производственной эстетике изготовили несколько эскизов вагонов.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

На снимке: на экспериментальном участке монорельсовой дороги.
Фото Н. Козловского.

Речные дали зовут

Как много интересного узнаем мы, путешествуя по голубым дорогам. Речные дали зовут и манят. За каждой излучиной—новый, своеобразный пейзаж, на каждом привале — новые встречи с людьми и знакомства с достопримечательностями старинных русских городов, с величественными сооружениями современности.

Мы стали чаще и дальше ездить по родной стране. Нынешним летом более 120 тысяч человек отдохнут на воде, совершат туристские поездки по рекам и каналам. Под плавучие базы отдыха выделено семьдесят комфортабельных пассажирских теплоходов. До глубокой осени они будут бороздить воды Волги, Камы, Оки, Дона, Амура, Иртыша, Енисея. Тремя новыми теплоходами пополнится традиционная туристская линия Москва — Астрахань — Москва.

Как всегда, туристский сезон на реках страны открывает теплоход «Дон». Мы связались по телефону с капитаном этого судна Эдуардом Валерьевичем Борониным и спросили его: как проходит первый рейс?

— Прекрасно,—услышали мы в ответ.— Отдыхающие в восторге от путешествия по Волге. С утра до вечера они на палубах, загорают, наслаждаются красотой родной природы. К сожалению, очень многие ростовчане не смогли достать туристских путевок на наш теплоход. В связи с этим мне хотелось бы высказать одну мысль. Теплоходы как пассажирский транспорт, особенно на дальние расстояния, теряют свое значение и рентабельность. Их, по-видимому, следует более решительно передавать под плавучие базы отдыха. Ведь речной туризм так бурно развивается в нашей стране!

Что скажет на это Министерство речного флота РСФСР?

В. БОРИН

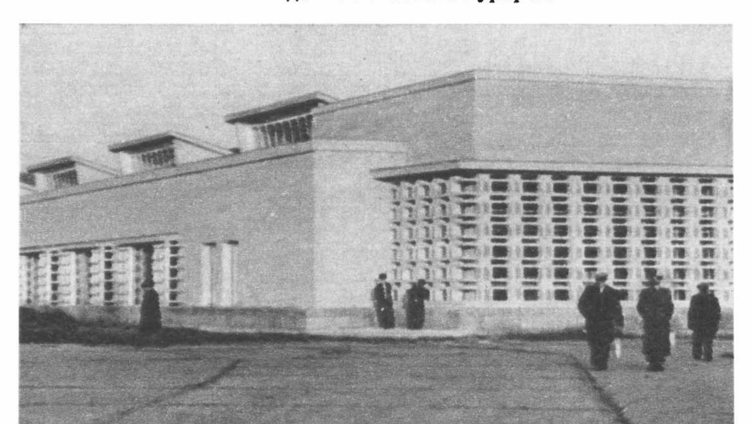
НА КУРОРТАХ СТРАНЫ

На курорте Цхалтубо, известном своими азотными слаборадиоактивными водами, за последние годы открыто несколько новых санаториев.

Запас цхалтубских источников велик. Сейчас он используется только на две трети. Но еще с 1960 года отпала необходимость пользоваться так называемыми дикими ваннами. Все желающие могут лечиться по санаторным путевкам, по курсовкам.

Г. САНЬКО

На снимке: новое здание лечебного курорта.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Искра от костра

ПОЭЗИЯ

Поэзия, поэзия,
Любовь моя и слава,
Поэзия, поэзия,
Горящих слов облава!

Она везде, она всегда
Немыслимо несметна,
И звезды смертны иногда —
Поэзия бессмертна!

Она ломает строй стиха,
Что начат с полуслова,
И то, как пласт земли, тиха,
То, как набат, громова!
Она по-вешнему чиста,
Мир веселеет с нею,
Ее прекрасные уста
От песни пламенеют.

Поэзия, поэзия,
Любовь моя и слава,
Поэзия, поэзия,
Горящих слов облава!

* * *

Порядком поработано, ребята,
Одни стихи, как рекруты, встают,
А гляну выше — там летят орлята,
Летят орлы
И небо достают!

Они летят над маленькой
Олонкой,
Над Свирью
и над Северной Двиной,
Они летят, подсвеченные солнцем,
Под коромыслом радуги двойной!

Земля зовет.
И, круто твердь колебля
И ночь неся на крыльях и рассвет,
Они стремглав спускаются
на землю:
Ведь без нее им просто жизни
нет!

И я к себе зову их поскорее,
Друзья зовут,
И ты их позови,
Пускай они живут и грозовеют,
Ведь где нет песни,
Просто нет любви!

ПОЖЕЛАЙ МНЕ УДАЧИ

Только так, не иначе,
Утвердив бытие,
Пожелай мне удачи,
Я стóю ее.

Не за песней подблюдной
Пролетели года,
Мне всегда было трудно,
Чтоб легко —
Не всегда!

Ты не думай, что плачет
Ныне сердце мое,
Пожелай мне удачи,
Я стою ее.

Полыхали закаты
День за днем,
День за днем.
Полыхали плакаты
Говорящим огнем!

Где-то мне было жарко,
Где-то сердце тряслось,
И моим ладожанкам
Не спалось,
Не спалось!

Кто-то где-то судачит
Обо мне без стыда.
Пожелай мне удачи
Хоть сейчас,
Хоть когда!..

ПОМЕРКЛО КОЛЕЧКО

Скатилось колечко.
Из песни.

Померкло колечко
На правой руке,
Заныло сердечко
О милом дружке.

Заныло и сильно
В грудь бьет напролом,
И где-то за синью
Толкается гром.

Как будто до сути
Ему далеко,
Как будто он шутит
Еще высоко!

Все ниже,
Все ближе
Крутая рука,
И первые нижет
Она облака.

И солнце не светит,
И пылью в лицо,
И катится ветер,
Как с пальца кольцо!

НЕ ВСЕ ВО МНЕ РАЗВЕНЧАНО...

Не все во мне развенчано,
Но и не все голубит:
Вот так сказал я женщине,
Она меня не любит!

Такое ведь бывает, бывает, бывает,
Когда заклинит сердце, его
не отворить.
Полюбят и отлюбят,

ВЕСНА УЛЕТАЕТ

У истока газовой реки. Каков дебит новой скважины? Это должны определить геолог Е. Сафонов и начальник цеха испытаний Т. Климовских.

Отлюбят — забывают,
И сердцу не под силу
Об этом говорить!

Нет, я не отрекаюсь,
Далек от отреченья,
И мне часы веселья
Земля моя дарит,

И пусть мой свет вечерний,
И пусть мой свет вечерний,
Как свет звезды погасшей,
Замедленно горит.

Вот так сказав, не каюсь,
Ни перед кем не каюсь,
Я говорю, как будто
Сам с собой.

И я не отрекаюсь,
Ни в чем не отрекаюсь
От счастья и несчастья,
Что все зовут судьбой!

* * *

Зови меня сестрой.
Из песни.

Ты шла, наверно, через строй,
Твоей судьбой устроенный.
Я назову тебя сестрой,
Чего бы мне ни стоило!

Мне скажут:
— Это не сестра,
Такую не запомнили...
А ты ведь искра от костра,
Зажженного от молнии.

Туман белеет за Невой,
Лежит, как вата, марево.
А ты ведь искра, без какой
Не будет видно зарева!

* * *

У реки, на излуке,
Где скрестились пути,
Ты сведи свои руки,
С моими скрести!

Ты сведи их крест-накрест,
Скинь с пылинкою грусть,
Кто увидит,
Пусть ахнет,
Позавидует пусть!

Пусть завидует вечно
В снах глухих и без снов
Нашей клятве сердечной,
Нашей песне без слов!

О РЕВНОСТИ

Говорят, что в ревности нет блага,
Говорят еще,
Она не брага,
А скорей отрава...
Так судить и так рядить о ней —
Вам, как говорят, с горы видней!
Мне она известна не из книжек,—
Черт ее дери! —
Гораздо ближе.
Ближе, чем рубашка к телу,
Впрочем, ближе к делу,
Ближе к делу!
С нею сердцу душно,
Сердцу тесно.
...Остальное все неинтересно!

ЗЛЫЕ СТИХИ

1

А мне и любить невесело.
Б. Корнилов.

И мне сейчас не очень весело:
Широкой улицей хожу,
Ты зря оконце занавесила,
Взглянул —
И больше не гляжу.
Но все же, что за занавескою?
Что там?
Светло или темно?
Без интересу
Интересное
Не отвечает мне окно.
Оно в наличниках покрашенных,
И мне его не отворить.

А больше некого мне спрашивать,
А больше не с кем говорить!

2

Два дня считаю за неделю.
Они не то, чтоб от земли
Приподнимались и летели,
Они каликами брели!
Откуда было взяться грому?
Но он прогрохал недобром.
А я два дня прогнал из дому:
Четверг и пятницу —
Под гром!

3

Ты скажи мне, где конец гордыне?
Мне сегодня некому пенять.
Я опять ее увидел ныне,
Все терял,
А было что терять!

Как бы мне презреть ее забавы,
Чтобы даль моя была светла.
Где, скажи, приют ее лукавый,
Чтоб я мог прийти и сжечь дотла!

4

А ты опять омолодилась
От наступающего дня,
А ты опять отгородилась
Глухим забором от меня.

И я стою пред ним покорный,
Но думаю, что сокрушу...
«Добро, строитель чудотворный...
Ужо тебе!» —
Произношу...

5

Мгновенье

Опять замри в своем бессилье,
гнев,
Хотя тебя не снять моей рукою,

Опять один сижу, окаменев,
И не ищу покоя
В непокое!
А что там впереди,
А что там впереди?
Я все, что говорю,—
Не лицемерно,
И никакого гнева нет в груди,
А что мне грустно очень —
Это верно!

У ВЕЧЕРНЕГО ОГНЯ

У вечернего огня
Говорю с тобою:
Все, что в жизни у меня,
Взято только с бою!

Просто жизнь была крута,
Праздники, как будни,
И любая высота
Добывалась грудью.

Не суди и не ряди,
Как пути достались,
Только шрамы на груди
На моей остались.

Но и в схватках, не сгорев,
Крепче стала доля,
Краше радость,
Ярче гнев
И сильнее воля!

И летят мои года
Пламенно и властно,
И горит моя звезда
И не хочет гаснуть!

* * *

Ты опять слова, как бусы, нижешь.
Я зову тебя желанной.
Слышишь?
Так тебя зову в душе затейной,
Так зову в печали неподдельной,
Так зову, когда иду под тучи
И когда горю огнем горючим,
Добывая слово из породы,
Как в пустыне добывают воду!

НА СЕВЕР...

Фото Б. КУЗЬМИНА.

От Арала до Урала — дорога неблизкая. Перелетные птицы, что зимуют у синего моря, преодолевают ее за неделю. А нынче они и вовсе задержались в дороге. Только в середине мая последние стаи улетели на север, неся на своих крыльях весну, тепло и дожди.

Говорят, птицам теперь легче ориентироваться: на всем пути от песков Кызылкума до зауральских озер выросли стальные маяки. Это радиорелейные башни дистанционного управления газопровода Бухара—Урал.

Равняясь по ним, держат курс на север вереницы автомашин, бульдозеров. Рядом с действующей газовой рекой прокладывается ее второе русло. Впереди еще добрых две тысячи километров. Трубопроводчики не скоро достигнут Урала,— как раз в самую стужу. И тогда всесоюзная кузница будет получать с юга еще 15 миллионов кубометров топлива в сутки, многие миллиарды калорий тепла.

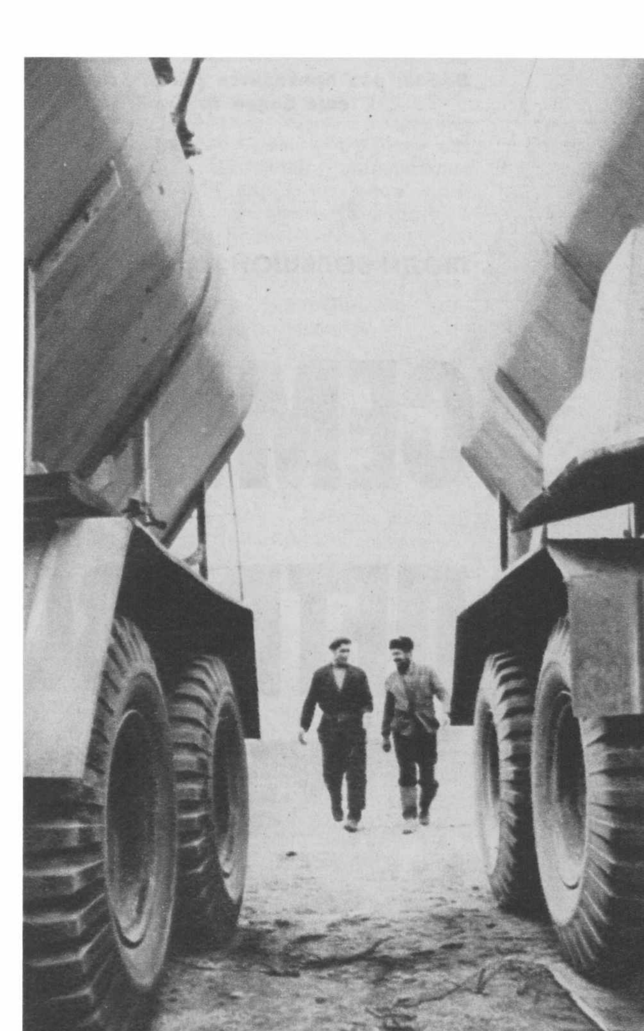
Плато Устюрт — промежуточная станция на трансконтинентальной трассе голубого огня. Лет шесть назад, когда шли споры среди специалистов, каким путем вести газ — кратчайшим, на север, или в обход Арала,— геологи уверенно сказали: конечно, в обход. Их самым веским аргументом были... неоткрытые месторождения газа на Устюрте и дальше по трассе.

Шесть лет — немалый срок, чтобы убедиться или разувериться. Шесть лет поисков не давали результатов. Только нынешней весной оправдался прогноз разведчиков недр. Коллектив треста «Каракалпакнефтегазразведка» открыл месторождение Шахпахты. Первый газовый фонтан ударил с глубины 2 200 метров. Суточный дебит? Полтора миллиона кубометров! Для начала неплохо. Заметим, что «шахпахты» в переводе на русский означает: «высекающий искру».

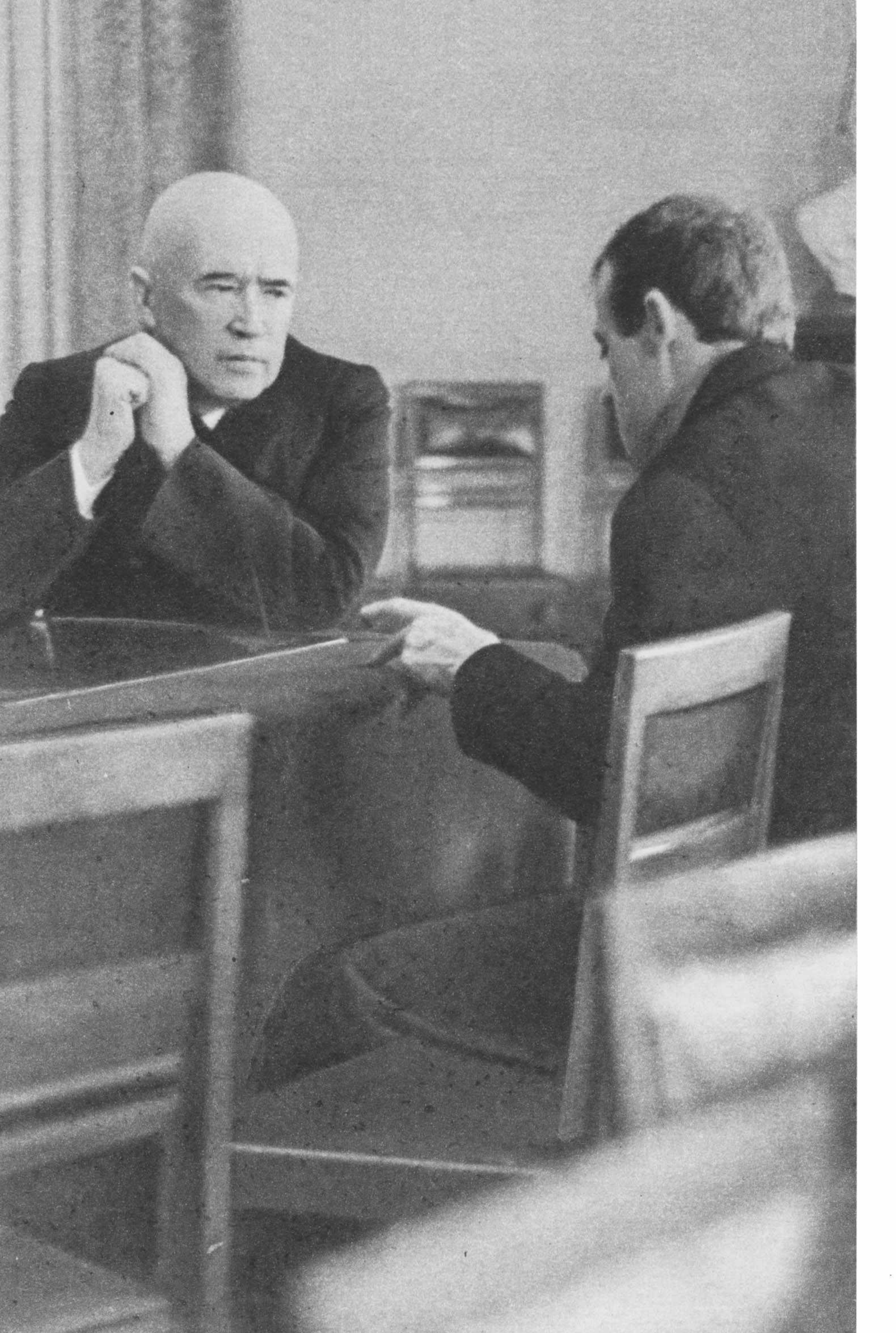
Плато Устюрт — это пока безлюдье, безводье, бездорожье. Но и сюда наконец приходит весна. Весна шумная, стремительная, индустриальная.

В. КРУПИН

Плато Устюрт становится индустриальным перекрестком.

Лев КОКИН

Всякий раз приходится решать главное: что за человек перед ним. И еще более трудное: что из этого человека будет...

Фото Г. Копосова.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

СЕМИНАР ПЕТРОВСКОГО

1

У хорошего студента для знакомства с ректором нет причин. И ректор сожалеет об этом. Но удивляться тут нечему. Стипендию хорошему студенту платят, а времени у него в обрез: alma mater щедра — то лекции, то лаборатории, то семинары... По сути, ректор для того и существует, чтобы обеспечить изобилие всего этого.

Чтобы физик мог слушать Ландау, Арцимовича, Леонтовича.

Чтобы химик учился у Семенова, Несмеянова и Каргина.

Чтобы, приходя в лабораторию, студент встречался с самой новой наукой.

От уровня, на котором ведутся научные исследования, как в сообщающихся сосудах, зависит уровень будущих специалистов.

Университетские лаборатории хороши. Все же в некоторых случаях не так хороши, как в ведущих исследовательских институтах. С недавних пор старшекурсники, специализируясь по ядерной физике, получили возможность работать при Институте ядерных исследований в Дубне: там открыт филиал физического факультета.

При институтах Академии наук строятся филиалы химического и биологического факультетов.

Филиал — это общежитие и аудиторный корпус. Лаборатории предоставляют институты. Организация филиалов — идея ректора.

По глубокому его убеждению, университету предстоит расти «не за счет количества, а за счет качества». Должен меняться самый характер обучения. Разумно, например, на старшие курсы переводить студентов из других университетов. Оттуда, где нет таких условий, как в московском (этот опыт уже принес результаты).

2

Все было бы ясно до предела, когда бы будущий ученый был тем самым хорошим, а вернее сказать, благополучным студентом, у которого нет оснований знакомиться с ректором или с деканом. Но нередко случается по-другому. Увлечет, например, человека идея, он забросит начисто все остальное, в том числе и поименованное в зачетной книжке... А потом сидит в кабинете у ректора и с усилием выдавливает из себя: «Запустил занятия... Зачеты не сдал... Отчисляют...»

Ректор примостился с краешку длинного, сукном крытого стола — из тех, за какими заседают,— положив на руки голову. О чем он думает? На лице живут лишь кусты бровей да цепкие нетерпеливые глаза под ними. Судьба человека не математическая задача. Сколько он выслушал на своем веку подобных историй, но всякий раз главное приходится решать заново: что за человек перед ним. И еще более трудное: что из этого человека будет...

Резко поднявшись, он бежит к телефону, порывист, как юноша. И, как врач, осторожен.

— Декана, пожалуйста. Вот сидит у меня ваш питомец...

Пусть иные горячие головы попрекают его либерализмом, хирургия не лучший педагогический метод. Есть у ректора Московского университета необычный список, который он не показывает журналистам. И которым втайне гордится. В списке — фамилий десять. Нынешние профессора объединены по особому признаку: в свое время ректор не дал их исключить из университета...

3

В этой мастерской из глины лепят характер. В этой лаборатории под высоким напряжением вспыхивают таланты. В этом инкубаторе из желторотых птенцов вырастают настоящие люди — при нормальном давлении и комнатной температуре. Робкие школяры (об их зрелости говорят лишь аттестаты) спустя пять лет уходят отсюда, готовые принять на свои плечи судьбы науки. О, эти пять лет непрерывных открытий, годы обжига в спорах и экзаменационной закалки, проб на твердость, испытаний на гениальность — пять студенческих лет! Воспоминаний и песен о них хватает до седых волос. Alma mater — так спокон веку называют бывшие студенты свои университеты. Alma mater — мать-кормилица...

Иван Петровский не покинул своей alma mater.

Студент, аспирант, ассистент, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан факультета — он прошел университетскую лестницу снизу доверху. С той далекой осени 1922 года, когда ступил на нее первокурсником.

После уездной глуши полуголодная, полутемная Москва той поры потрясала великолепием. Общежитий, правда, не было, и ночевать приходилось у однокашников, а иногда, чтобы не злоупотребить гостеприимством, перебираться на Курский вокзал. Наконец спасительное объявление: «Детдому требуется дворник». Квартира с отоплением и светом — это ли не предел мечтаний! Будущий ректор впервые выходит на ниву просвещения...

Перепрыгнем через несколько ступенек.

Работы Петровского по теории дифференциальных уравнений стали фундаментом важной области математики. Дифференциальные уравнения — один из главных насосов, какими естествознание выкачивает из природы ее секреты.

Значение этих работ легче всего понять, сравнив учебники двадцатых годов с современными. Старые учебники математики в том, что касается дифференциальных уравнений с частными производными, фактически были сборниками отдельных задач. Задачники с ответами, не более. Не было общего подхода. Теории, которая объединила бы способы решения в стройную систему, единого ключа не существовало. Этот «ключ» был предложен Петровским в работах 1937—1939 годов.

Год 1940-й. На механико-математическом факультете необычная

ситуация. Вот уже несколько месяцев факультет без декана. Никак не могут подобрать кандидата на эту должность и в конце концов решают провести выборы.

— Это теперь у нас выборные деканы,— поясняет, вспоминая об этом, академик Павел Сергеевич Александров,— а в то время декан назначался. Так что выборы казались явлением небывалым... Избрали Ивана Георгиевича подавляющим большинством... Он всегда пользовался уважением на факультете. Но, по-моему,—академик поворачивается к сидящему рядом профессору Курошу,— помоему, было два кандидата... Не припомните, Александр Геннадиевич, кто был соперник?

— Как не помнить,— откликается профессор,— в деталях помню! Соперник был я!..

Петровский поглощен своей научной работой. Он соглашается на деканство — в ущерб своим планам — со строгим условием: только на год. В 1941-м его освободят!

В 1941-м декан Иван Георгиевич Петровский налаживал работу факультета в Ашхабаде... Его заботы далеки от высшей математики, а сама математика кажется еще более далекой от действительности. Но это—обманчивое впечатление. Пока декан заботится о помещениях для занятий, о пайках и квартирах, подопечные профессора не теряют времени даром. Одного занимает расчет механизмов танка, другого — расчет артиллерийских снарядов. Колмогоров разрабатывает расчеты методов стрельбы.

Еще ступенька все той же лестницы. Академик И. Г. Петровский —ректор, руководитель крупнейшего университета и научного центра. Он надеется быть полезен на этом посту своей alma mater; деканская деятельность помогла ему осознать роль ученого-организатора. Многие и многие работы будут ему обязаны своим появлением. А славою сочтемся, как говорил поэт.

Утверждают, что после назначения на ректорский пост Иван Георгиевич стал здороваться с товарищами по нескольку раз на дню. Пуще всего боялся, как бы о нем не подумали, будто ректорство его изменило.

И ему отвечали:

«Здравствуйте, Иван Георгиевич, здравствуйте пятый раз!»

4

Больше трети академиков — воспитанники МГУ, треть академиков — его профессора. На кафедрах и в лабораториях ведутся исследования по всем сколько-нибудь существенным научным направлениям. И математика находится как бы в фокусе этого огромного разнообразия современных человеческих знаний.

В наши дни ученый-математик в роли организатора науки — фигура вовсе не редкая. Посудите сами. Помимо Московского университета, математик стоит во главе всей Академии наук (академик М. В. Келдыш) и Сибирского ее отделения (академик М. А. Лаврентьев). Подобные примеры можно продолжить, назвав академика Н. И. Мусхелишвили, президента Грузинской Академии наук.

Однако не увлеклись ли мы? Не подгоняем ли факты и доводы под заранее заданную схему: «математик — организатор науки»? В числе крупнейших ее руководителей ведь можно назвать и химиков, и физиков, и геологов... А помимо того, существует мнение, что ученому надлежит заниматься исследованиями. В конце концов математики масштаба Петровского рождаются гораздо реже, чем руководители такого масштаба. Поручите организационную сторону людям с соответствующими задатками, не обязательно крупным ученым...

Сторонники этой идеи не учитывают одного: руководить наукой— значит в первую очередь руководить ее развитием. Охватывать взглядом не только сегодняшнее состояние, но и движение науки во всей полноте и противоречивости, оценивая и направление этого движения, и скорость его, и ускорение с точки зрения общественных потребностей будущего.

Как в слабых, едва заметных ростках новых идей различить зачатки открытий? Не принять их за пустоцвет, не принять за них пустоцвет? Здесь нужен глаз большого ученого...

Сегодня чреваты открытиями биохимия и биофизика, физика твердого тела и генетика. Но наука не останавливается ни на минуту, и завтра появятся новейшие, не существующие сегодня возможности.

Когда заходит речь о Петровском, физики говорят: физика в круге его интересов. Биологи говорят: биология в круге его интересов. Историки говорят: история в круге его интересов. Широкий горизонт — этот круг!

С «гуманитариями» Петровский обычно встречается на их территории — в старом ректорском кабинете на Моховой (где теперь расположены гуманитарные факультеты), в просторном зале, геометрически круглом, как синхрофазотрон. Впрочем, сравнение едва ли уместно — снаружи на стене мемориальная надпись: здание построено Казаковым и Жилярди.

На этих беседах присутствует основатель университета Ломоносов. На обоих изображениях, скульптурном и живописном, он мало чем напоминает сановного вельможу в напудренном парике, которого мы привыкли видеть на пьедесталах: это немолодой человек с высоким мудрым лбом и голым теменем. Таким он бывал в своей лаборатории или за письменным столом — там, где чувствовал себя запросто.

5

Пятнадцать минут на «бумажки», и затем беседы, беседы — таков распорядок ректорского дня. На дверях кабинета нет таблички с расписанием приемных часов. Заходят в любое время. Спрашивают:

— Иван Георгиевич у себя?..

Старые его товарищи, те, кто на «ты» с ним, считают Ивана Георгиевича человеком по натуре скорее замкнутым, чем общительным. Как же так? Десятки людей каждый день. Те, кто нуждается в его помощи или совете, те, к совету и помощи которых прибегает он сам. Прежде чем прийти к какому-либо решению, он собирает чужие мнения старательно, как пчела.

Но что правда, то правда: беседовать предпочитает с глазу на глаз, нет для него хуже многолюдных (и многочасовых) заседаний с громоздкими прениями.

Когда разговариваешь с Петровским, ощущаешь явственно, почти видишь: непрерывно идет в нем какая-то скрытая внутренняя работа, словно жернова перемалывают добытую информацию, словно сита сортируют ее, как руду. И вот предел. Необходимо осмыслить виденное и слышанное. Попросту побыть одному.

Встречаясь каждый день со множеством людей, живя для людей, он не может находиться постоянно на людях.

Раз в неделю он приезжает в университет позже обычного.

— С утра пройдусь по магазинам,— предупредит накануне.

Маршрут поездок за долгие годы устоялся, но хранится в секрете — в уединенности их главная прелесть. Сам он с недавних пор (а именно с тех, как выучился поанглийски) называет это «to browse» — «пастись». Пастись по книгам.

Выражение в его лексиконе сравнительно новое, увлечение же давнишнее; однако и старые знакомцы— букинисты порою не знают, чем привлечь его: редкие издания, редкие переплеты оставляют его равнодушным, он загорается, лишь перелистав книгу. И никак заранее не угадаешь, о чем она будет, эта интересная ему книга, которую он выберет из десятка других, но уж выбрав, прочитает от корки до корки и, возможно, еще не раз к ней вернется. Книга для него не просто развлечение и зачастую больше, чем очередной собеседник.

Однажды по случаю Иван Георгиевич приобрел у знакомого инженера один из последних пейзажей любимого своего художника Нестерова. Инженер, в свое время купивший картину у самого автора, вспомнил, как старый художник советовал ему не спешить с покупкой, подумать.

— Вам с этой картиной жить,— сказал Нестеров инженеру.

Петровский выбирает себе книгу придирчиво, как друга. У него есть книги-друзья, и пластинки, и картины-друзья; он выбирает их придирчиво и не спеша, но зато хранит им верность долгие годы. Чтобы можно было снова и снова возвращаться к своим друзьям,— он любит это. Как любит ходить по одним улицам, по одним и тем же тропинкам в лесу.

«Тривиальный»— у математиков есть такой термин. «Тривиальное решение»,— с сожалением говорят они. «Не тривиально»,— говорят одобрительно.

Один из учеников Петровского отозвался о своем учителе так: «Не тривиальный человек!»

Он не любит ездить. Никогда не был в Крыму, на Кавказе. И хотя по долгу службы случается отправляться в поездки, делает это всякий раз с неохотой. Дело вовсе не в возрасте, так было всегда, всю жизнь. Должно быть, новая обстановка мешает внутренней сосредоточенности, столь необходимой ему. Должно быть, новые впечатления могут спугнуть какие-то очень нужные мысли.

То ли дело исхоженный Абрамцевский лес!..

6

Есть ученые—неиссякаемый кладезь идей, на разработку которых нужна не одна человеческая жизнь. У такого мэтра масса учеников—они питаются его идеями. Но есть ученые иного склада. Взявшись за трудную, фундаментальную проблему, на разрешение которой, бывает, уходят долгие годы, ученый сам доводит свой труд до конца полного и исчерпывающего, зачастую вскрывая неожиданные закономерности, добиваясь удивительных по красоте и глубине результатов. Школа такого ученого не столь многолюдна, однако это вовсе не означает, что менее заметен след, оставленный им в науке.

...Небольшая аудитория в главном корпусе на пятнадцатом этаже. За окнами — широкая панорама Москвы.

Здесь ставятся серьезные доклады по специальным проблемам. Впрочем, иной раз под перекрестным допросом коллег докладчик напоминает студента на трудном экзамене.

Без малого двадцать лет собирается семинар Петровского на мехмате. Иные его участники немногим старше самого семинара — это научные «внуки» Петровского, ученики его учеников. «Сыновья» же и «дочери» Ивана Георгиевича работают в разных городах страны. Не так уж велико их число, но среди них — ученые с мировым именем.

Четверть века целый важный раздел математики находится под влиянием идей Петровского.

Его исследования опередили свое время. Чтобы оценить их в полной мере, потребовалось немало лет.

До сих пор и у нас и за рубежом публикуются труды, в которых идеи Петровского рассматриваются с разных сторон, развиваются и углубляются. Много лет посвятили этому французский академик Лере, шведский академик Гординг, видные советские математики — ученики Петровского.

Профессор Ольга Арсеньевна Олейник, известный ныне ученый, одну из первых своих работ, еще аспиранткой, делала вместе с Петровским. Да, именно вместе, ибо и аспирантка и академик одинаково участвовали в общей работе. Думал над задачами каждый; раз в неделю встречались. «Иногда у Ивана Георгиевича лучше выходило, иногда у меня,— вспоминает профессор,—мы обсуждали ход работы, намечали дальнейшие планы...— И вдруг на лице профессора улыбка.— Конечно, я только этим и занималась, а у Ивана Георгиевича была масса других забот... Но при встречах казалось, что мы товарищи по совместной работе. Коллеги...»

Поколения студентов воспитываются на лекционных курсах Петровского; его учебники переведены на многие языки. Но он никогда не занимался мелкой опекой, а старался расширить кругозор учеников. Чтобы они почувствовали красоту математической мысли, не замыкаясь в узкую область. То, что он стремился привить им, называется математической культурой; редко бывает, чтобы такой математик не сделал в науке чего-либо существенного.

Петровский — яростный враг верхоглядства. Он ценит глубину, простоту, ясность. Таков он в своей научной работе, таков и в «побочных» привязанностях. Само общение с Петровским — своего рода семинар. Глубины, простоты, ясности.

Шарлотта АРМСТРОНГ

УТРОМ, В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

Рассказ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Бережно, почти благоговейно, он собрал и сложил страницы рукописи. Один экземпляр запечатал в конверт и надписал адрес, а копии убрал в пустой чемодан. Позвонив в агентство авиакомпании, он убедился, что ему повезло: место на завтрашний утренний рейс в Нью-Йорк нашлось. На утро дня св. Патрика.

Последнее время он жил затворником. И вот теперь можно потянуться, вздохнуть полной грудью, протереть глаза и вернуться к так называемой действительности.

Итак, он, Митчел Браун, драматург (если повезет), только что кончил переработку своей пьесы, ради чего и приехал сюда, домой, в Лос-Анжелос. Кончил... Просто не верится!

Часы уже показывали четверть второго ночи; наступило, выходит, семнадцатое марта. Он был один в своей квартире на первом этаже — прокуренной, замусоренной, неубранной... Да ладно, главное сделано! Ныла спина, слезились глаза, в голове ни единой мысли. Нужно бы прибрать, поесть, соснуть, искупаться, побриться, одеться, уложиться. Но все это потом...

Он пришлепнул полоску марок на конверт и вышел из дому. Улица была темной и безлюдной. У обочин тротуаров стояло несколько машин. Он услышал, как пакет стукнулся о дно металлического ящика — теперь пьеса в верных руках почтового ведомства. Все в порядке, даже если сам он погибнет вместе с самолетом и остальными экземплярами. При этой мысли Митч чуть не рассмеялся, но, свернув за угол, вдруг почувствовал себя усталым и одиноким.

«Бар-закусочная «Длиннохвостый попугай» еще открыт»,— с облегчением вспомнил Митч. Миновав один квартал, он толкнул дверь бара. Узкая комната была слабо освещена и казалась пустой. Вдоль одной стены тянулась стойка, вдоль другой разместилась закусочная — девять открытых кабин. Митч нащупал стул и сел.

— Привет, Тоби. Неважно идут дела, а?

— Привет, мистер Браун.— Появление Митча, видимо, обрадовало бармена. Это был невысокий человек с копной темных волос, сизым бритым подбородком и голубоватыми белками глаз.— В будни, да еще так поздно, у меня не бывает тесно.

— Кухня уже закрыта? — поинтересовался Митч. Кухня, правда, не была гордостью этого заведения.

— Увы, мистер Браун! Придется вам поискать еще где-нибудь, если проголодались.

— Обойдусь хорошей рюмкой,— вздохнул Митч.— Дома снова яичницу сделаю.

Тоби поколдовал над бутылками и, подавая Брауну рюмку его излюбленного коктейля, пожаловался:

— Мне давно пора закрывать, да вот ума не приложу, что делать...

— То есть?

— А вы посмотрите.— Тоби указал взглядом куда-то за спину Брауна.

Митч оглянулся и от неожиданности вздрогнул: в одной из кабин сидела женщина. Точнее говоря, она лежала, уронив светловолосую голову без шляпки на красную клетчатую скатерть. Митч повернулся к бармену и вопросительно поднял брови.

— Осоловела молниеносно,— хриплым шепотом объяснил Тоби.— Вы понимаете, звать фараонов мне не резон — подальше от такой рекламы! А у меня болен ребенок, жена вконец измучилась. Мне надо домой.

— Черный кофе давал ей? — спросил Митч, указывая на женщину.

Тоби уныло пожал плечами.

— Давал.

— Как она ухитрилась наклюкаться?

— Понятия не имею,— поспешно сказал Тоби.— Только не у меня. Даю слово, здесь она выпила всего рюмку-другую. А главное, она совсем не уличная. Это-то сразу видно. Как быть, не придумаю.

— Как быть? Посади ее в такси и отправь домой,— весело посоветовал Митч.— А почему бы нет? Поищи, нет ли у нее каких-нибудь бумаг, и узнай, кто она и откуда.

— Рыться в ее сумочке? — испугался Тоби.

— Ну ладно... Давай посмотрим вместе.

Митч встал. Спиртное уже подействовало. Он снова чувствовал себя бодро и готов был дружески обнять весь мир. Право же, он человек утонченный и прекрасно понимает, что рожден для того, чтобы понимать всех и каждого.

Они подошли к женщине и приподняли ее голову.

Лицо женщины расплылось в пьяном сне и все же не казалось безобразным. Оно не было ни юным, ни старым. Женщина была хорошо одета и совсем не походила на бездомную.

Она открыла глаза и вежливо сказала:

— Прошу прощения.

Она еще не пришла в себя, но, как видно, была близка к этому. Браун и Тоби помогли ей подняться. Держась за них, она могла стоять. Митч подхватил изящную и, видимо, дорогую сумку женщины. Вдвоем они повели ее к двери.

— Может быть, на воздухе ей станет лучше? — с надеждой спросил Тоби.

— Может быть. Стоянка такси возле кинотеатра. Пока мы туда дотащимся...

— Мне нужно закрыть заведение,— недовольно пробурчал бармен.— Не могу же я бросить его так!

— Тогда ступай,— ответил Митч, чувствуя, как незнакомка тяжело повисла на его руке.— Я ее держу.

Браун двинулся дальше по тротуару и услышал, как позади него щелкнул замок запираемой двери. Женщина послушно переставляла то одну, то другую ногу. Размышляя над тем, каким странным и неожиданным оказалось для него возвращение к этой самой «действительности», Митч протащился со своей спутницей полквартала и только тогда понял, что бармен слишком буквально истолковал его слова и уже не придет ему на помощь.

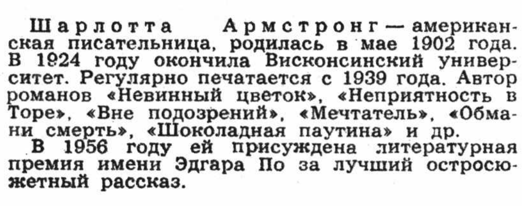
Ну что ж, это не рассердило Митча. Наоборот, он был полон сострадания ко всему человечеству. Вот и эта женщина — она тоже человек, тоже хрупкое создание. Он рад помочь ей добраться до дома.

Деловая часть города уже обезлюдела, они двигались в каком-то совершенно пустом мире. Кое-как Митч добрался до угла улицы и тут обнаружил, что на стоянке нет ни одного такси. В этот поздний час здание кинотеатра, как и следовало ожидать, было погружено в темноту. И опять Митч подумал, что, видимо, не сразу вновь привыкнет к обыденности жизни. Нет, он не может передать женщину первому подвернувшемуся шоферу такси или полицейскому — не может хотя бы потому, что их нет поблизости. Одна лишь мостовая, какой-то металлический лом, оставленный на ночь у обочины, и никакого движения. Впрочем, Митч и не решился бы остановить машину: водитель в такой час мог заподозрить неладное, а то и просто испугался бы. И он поступил так, как только мог поступить: двинулся дальше.

Женщина все так же машинально переставляла ноги, и Митч повел ее дальше; он решил, что на воздухе она придет в себя, и тогда можно будет спросить, чего же она хочет и что он должен для нее сделать. Тогда все встало бы на свои места. Например, он отвез бы ее на своей машине...

Но свежий воздух не помог его спутнице. Она все чаще спотыкалась, все тяжелее повисала на его руке, и вскоре ему пришлось почти тащить ее. Митч уже поддерживал ее обеими руками, не давая ей упасть, и тут вдруг заметил, что стоит перед своим домом. Ну что ж, теперь не остается ничего другого, как отвести ее к себе; он узнает, кто она такая, и по телефону вызовет такси.

За время его отсутствия в квартире не стало чище. Митч отпустил женщину, и она бессильно повалилась на кушетку. Он приподнял ее голову и подложил подушку. Женщина не шевелилась. Он подумал, что надо, пожалуй, помочь ей принять более удобную позу, и положил ее ноги на кушетку. Красивая туфля из тонкой зеленой кожи, с маленькой медной пряжкой и каблуком-шпиль-

Шарлотта Армстронг — американская писательница, родилась в мае 1902 года. В 1924 году окончила Висконсинский университет. Регулярно печатается с 1939 года. Автор романов «Невинный цветок», «Неприятность в Торе», «Вне подозрений», «Мечтатель», «Обмани смерть», «Шоколадная паутина» и др.

В 1956 году ей присуждена литературная премия имени Эдгара По за лучший остросюжетный рассказ.

кой соскользнула с ноги незнакомки. Вторую Митч снял сам. Предаваясь возвышенным размышлениям о женщинах и женских каблучках, он поставил обе туфли на письменный стол и рядом положил сумку — она была из такой же зеленой кожи. Он понимал, что не совсем удобно рыться в вещах постороннего человека, но иного выхода не было.

Книжечка шоферских прав открыла ему имя женщины: ее звали Натали Максуэлл. Проживала она в Санта-Барбара. Митч присвистнул. Теперь уже нечего и думать об отправке домой на такси — Санта-Барбара за сто миль отсюда. Он нашел еще письмо, адресованное миссис Максуэлл, и снова присвистнул. Значит, она замужем.

Более того, из письма он увидел, что она замужем за человеком, чье имя показалось Митчу знакомым. Джулиус Максуэлл! Митчу пришло на память только одно: это имя овеяно ароматом больших денег. Словом, ее спутница не из нищенок. Митч заглянул в ее бумажник — в нем оказалось несколько банкнот, в общем, не так уж много. Но, перелистав ее чековую книжку, он вынужден был присвистнуть в третий раз. Ну нет, бездомной ее никак не назовешь!

Митч провел рукой по волосам и стал размышлять. Он приютил у себя богатую даму из Санта-Барбара, да еще напившуюся до потери сознания. Что же делать дальше?

В сумке не оказалось ничего, что помогло бы узнать, где она остановилась в Лос-Анжелосе. А письмо представляло обычную женскую болтовню какой-то приятельницы из Сан-Франциско.

ческим причинам попросту хватило лишку? Нет, это исключено.

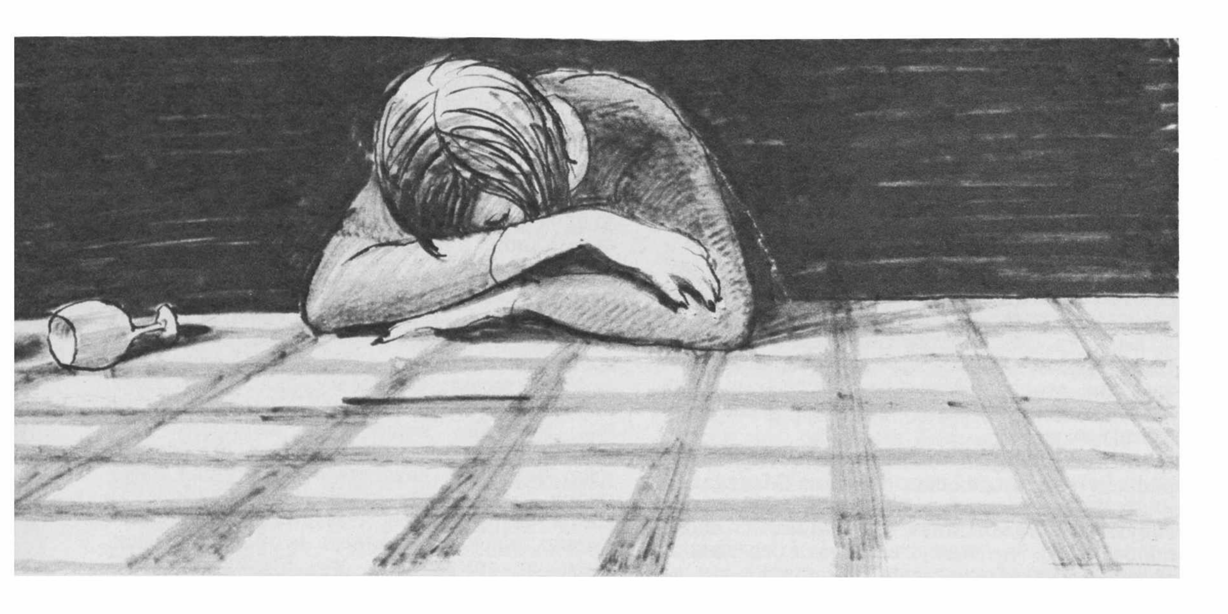
Ну, хорошо. Допустим, что под влиянием минутного настроения и из-за вероломного дезертирства бармена Тоби он, Митчел Браун, был вынужден взять на себя роль самаритянина. Почему же в таком случае не быть добрым самаритянином? Почему не помочь женщине выкарабкаться из создавшегося положения?

Мысль ему понравилась. Он даже готов был назвать ее счастливой. Правильно, надо помочь человеку выпутаться. «Бог мой! — подумал он.— Как часто в этом нуждается каждый из нас!»

Митч написал записку: «Уважаемая миссис Максуэлл! Мой телефон в вашем распоряжении. Можете оставаться моей гостьей сколько вам захочется». Подписав записку, он прошел в спальню, взял легкое одеяло и прикрыл спящую. Миссис Максуэлл слегка похрапывала во сне. Несколько минут он постоял, всматриваясь в ее лицо, потом положил записку под туфли так, чтобы она сразу увидела, как только проснется, вернулся в спальню и, закрыв за собой дверь, лег спать.

Первое, что почувствовал Митчел Браун, проснувшись утром в день св. Патрика, был волчий голод. Ну, конечно, он так и не удосужился поесть накануне. Позвольте, позвольте... Ему же нужно лететь в Нью-Йорк, а он даже не уложил чемодана!

Он направился было в кухню, но на пороге вспомнил о гостье, вернулся и надел халат

Как же все-таки быть?

Можно бы позвонить в полицию и сбыть даму, но он с трудом представлял, как это у него получится. Можно было бы позвонить в Санта-Барбара Джулиусу Максуэллу и, если муж окажется дома, спросить, как быть. Ну, а если мужа нет дома, тогда узнать у того, кто подойдет к телефону, где миссис Максуэлл останавливается в Лос-Анжелосе, и переправить ее туда. Одна за другой возникали эти мысли в голове Митча, и он тут же их отвергал.

Зачем, собственно, унижать человека? Зачем причинять ему неприятности? Митч не сомневался, что женщина не больна. Просто выпила лишнее, и все. Рано или поздно пары алкоголя выветрятся, и она придет в себя. Здесь она в полнейшей безопасности. Бог свидетель, он не питает никаких дурных намерений. Кроме того, он, Митчел Браун,— драматург, жрец искусства, апостол человеколюбия, а не какой-нибудь мещанин, который трепещет за свою репутацию и смертельно боится сделать что-нибудь такое, чего делать «не принято». Может ли он поступиться своими убеждениями и допустить, чтобы у этого человеческого существа возникли неприятности с блюстителями закона или хотя бы с мужем? Тем более, что это существо по вполне челове-

Впрочем, он мог не беспокоиться: гостья упорхнула вместе с туфлями, сумкой и его запиской. Исчезла бесследно.

Митч даже не стал терзать себя вопросом, уж не во сне ли все это привиделось ему. Просто женщина пришла в себя и сбежала. Гм... Даже не сказала спасибо. Наверно, перепугалась до смерти. Что ж, таковы люди! — пожал он плечами. Но сейчас ему некогда было размышлять над человеческими слабостями; предстояло сделать множество дел, а времени почти не оставалось.

Митч принялся лихорадочно прибирать квартиру, выбросил из холодильника все скоропортящееся, грязное белье собрал в мешок для отправки в прачечную, все, что можно было надеть, побросал в чемодан. На самолет в Нью-Йорк он поспел в самый последний момент.

Едва заняв свое кресло, Митч начал страдать. Он мысленно перечитал рукопись, и им овладели сомнения. Он долго не мог уснуть, потом незаметно для самого себя забылся и проснулся уже в Нью-Йорке. Хвала всевышнему, у постановщика его пьесы еще не остыл интерес к ней...

Спустя шесть недель из самолета, приземлившегося в Лос-Анжелосе, вышел Митчел Браун, драматург. Да, да, его пьеса идет в одном из театров Бродвея; впрочем, общее мнение о ней — «comme ci, comme ca»[1]. Критики, сплетни, денежные дела... Нет, лично он больше не мог переносить все это. Правда, пьеса пока еще не провалилась, но Митч понимал, что кончится этим, и надо немедленно вернуться домой и начать работать над новой вещью, чем скорее, тем лучше.

Все эти полтора месяца Митч, конечно, был снова оторван от мира сего, ибо что значат всякие там землетрясения, перевороты, войны, когда репетируют твою пьесу?

К себе Митч попал часов в пять вечера и у порога споткнулся о груду газет. В квартире пахло затхлостью, комнаты отнюдь не блистали чистотой, но он решил, что все это пустяки. Митч раскрыл окна, налил бокал виски с водой и, выдернув из кипы последнюю газету, присел, чтобы узнать, чем жил город в его отсутствие. О международных делах он читал с неделю назад в Нью-Йорке. А вот от местных событий сильно отстал.

Последнее убийство... Гм... Газетчики в Лос-Анжелосе каждое убийство подают как самое сенсационное — с треском и шумом. А что сенсационного в этом? Обычная драка. Дня через два забудется.

Митч пробежал глазами вторую страницу, где сообщалось о ранее совершенных преступлениях. О двух или трех он ничего не знал. Какую-то женщину зарезал ее бывший муж. Кто-то застрелил мужчину в прихожей его собственной квартиры. Обычная дребедень. Митч зевнул. Вывести, что ли, из гаража машину и отправиться куда-нибудь пообедать? Каторгу можно начать отбывать с завтрашнего дня.

В половине седьмого Митч входил в зал давно облюбованного ресторана. Заказав рюмку виски, он углубился в изучение меню.

Минут через десять в зале появилась какая-то женщина, она заняла соседний столик. Внимание Митча сначала привлекли ее туфли. Он где-то видел точно такие же. Не только видел, но и как будто держал в руках.

Митч поднял глаза и увидел миссис Максуэлл (Натали, припомнил он ее имя). Да, это была она, миссис Максуэлл, собственной персоной, одетая точно так же, как и при их первой встрече: без шляпки, в том же зеленом костюме, в той же белой блузке. Настоящая светская дама — холеная, цветущая, красивая, уравновешенная и пока совершенно трезвая.

Склонив голову набок, Митч не спускал с нее глаз, надеясь, что она почувствует это. Она и в самом деле посмотрела на него, но взгляд ее оставался холодным и не выразил ничего.

«Понятно,— подумал он.— Она же не видела меня». Чувствуя, что это начинает его забавлять, он отвел глаза, затем снова быстро взглянул на женщину. Натали Максуэлл сделала официанту заказ и с непринужденным видом откинулась на спинку стула, глядя куда-то в сторону. Все же она заметила, что к ней проявляют интерес, еще раз рассеянно оглядела Митча и тут же равнодушно отвернулась.

Митч невольно почувствовал, что он не заслуживает такого пренебрежительного отношения. Он встал и подошел к ней.

— Здравствуйте, миссис Максуэлл,— дружески улыбнулся он.— Я рад, что вижу вас в полном здравии.

— Прошу прощения?—проговорила она. Митч вспомнил, что уже слышал от нее те же самые слова.

— Я Митчел Браун,— по-прежнему улыбаясь, сказал он.

— Что-то не припоминаю,— прошептала она с искренним недоумением. У нее был прямой, красивый нос, и хотя она сидела, а он стоял, ему показалось, что она смотрит на него свысока.

— Нет, нет, вы должны помнить мою фамилию,— настойчиво продолжал Митч.— Это было шестнадцатого марта. Точнее, утром, в день святого Патрика.

— Я не совсем...

[1] Так себе (фр.).

«Неужели она так глупа?» — подумал Митч и уже не без ехидства спросил:

— Похмелье было тяжелым?

— Простите, но право же...— раздражаясь, бросила женщина.— Я совершенно вас не понимаю.

— Будет вам, Натали! — Митч тоже начинал сердиться.— Это была моя квартира.

— Что?!

— Вы потеряли сознание и уснули в моей квартире. Здесь, в Лос-Анжелосе.

— Вы, несомненно, ошибаетесь,— холодно ответила женщина.

Но Митч думал иначе.

— Вы — миссис Максуэлл?

— Да, это я.

— Из Санта-Барбара?

— Да,— чуть хмурясь, кивнула она.

— В таком случае квартира, в которой вы проснулись утром в день святого Патрика, была моей квартирой,— сказал Митч, сердясь все больше.— И я не понимаю, почему вам вдруг изменила память.

— Что тут происходит? — раздался мужской голос.

Митч повернул голову и сразу решил, что перед ним стоит мистер Джулиус Максуэлл. Это был среднего роста, плотный мужчина, с густыми, тронутыми проседью волосами и черными глазами, властно смотревшими из-под мохнатых бровей. Казалось, все в этом человеке кричит о богатстве и наглости, о привычке приказывать и повторять: «я» и «мое».

Митчел Браун, драматург, жрец искусства и апостол человеколюбия, решил, что ему придется мобилизовать все свои силы.

— Джулиус,— заговорила женщина,— этот человек знает мое имя. Он все твердит о каком-то утре в день святого Патрика.

— Вот как!

— Он утверждает, что я была у него на квартире, здесь, в Лос-Анжелосе.

У Брауна вдруг мелькнула мысль, что все, кажется, проясняется. Очевидно, муж Натали так и не узнал, где она провела ту ночь. Поэтому-то Натали и делала вид, будто не знает Митча, тем более, что Джулиус Максуэлл должен был вот-вот явиться сюда. Но что-то в поведении миссис Максуэлл опровергало такое предположение. Она не выглядела слишком обеспокоенной, ее замешательство казалось даже наигранным.

Ну что ж, придется оставаться галантным.

— Я, видимо, ошибся,— проговорил он.— Но какое поразительное сходство! Возможно, у вас есть двойник, мэм?

Митч считал, что он поступает благородно, давая даме выход из тяжелого положения.

— Двойник? — вызывающе повторил Максуэлл.— Двойник, который пользуется именем моей жены?

Митч решил, что перед ним — дошлый человек и что версия «двойника» может оказаться несостоятельной.

— В таком случае извините,— с непринужденным видом сказал он.

— Садитесь и рассказывайте,— почти приказал Максуэлл.— Мистер...

— Браун,— коротко ответил Митч.

Он уже решил было повернуться и уйти, но взглянул на Натали. Она открыла сумочку и достала пудреницу. Этот жест взволновал его: что это — притворное равнодушие или какая-то трогательная доверчивость? Или еще что-то? В Митче заговорило любопытство, и он сел.

— Понимаете,— начал он небрежно, словно рассказывал самую заурядную историю.— Я случайно зашел в бар и увидел даму, хлебнувшую... ну, через край, что ли. Решил отправить ее в такси домой, но ни одной машины поблизости не оказалось. Кончилось тем, что дама уснула на моей кушетке, а утром ее и след простыл. Вот, собственно, и все.

— Это произошло в день святого Патрика? — уточнил внимательно слушавший Максуэлл.

— Да. Поздно вечером, по существу, уже утром.

— В таком случае, моя жена тут ни при чем. В тот вечер мы вместе с женой сидели у себя дома, в Санта-Барбара.

— Вместе? — осторожно переспросил Митч, почувствовав себя довольно неловко.

— Вот именно,— в голосе Максуэлла снова прозвучал вызов.

Митч удивлялся все больше и больше. Женщина пудрила нос с таким видом, словно все происходящее ее не касается.

— Но, может, вы были вместе в одном доме, а не в одной комнате? — поинтересовался Митч.

— Не только в одном доме, но совсем рядом, мы разговаривали, и, если угодно, она прикасалась ко мне.— Джулиус Максуэлл с нескрываемой враждебностью смотрел на Митча.

«Ого, друг милый, да ты, оказывается, тоже лжешь»,— подумал Митч.

Однако что же все это значит? Максуэлл ему совсем не нравился.

— Возможно, я обознался,— спокойно ответил Митч.— Но странно, на этой даме сейчас тот же самый костюм, что и в день святого Патрика. («Посмотрим, что ты скажешь на это!» — мысленно потер Митч руки.)

— Послушайте, вы знаете, кто я? — угрожающе осведомился Максуэлл.

— Слышал ваше имя.

— Вам известно, что я человек влиятельный?

— О да,— любезно согласился Митч.— Даже на расстоянии от вас пахнет деньгами.

— Сколько вам нужно, чтобы забыть, что вы видели мою жену в ту ночь в Лос-Анжелосе? — Митч изумленно поднял брови.— Я хотел сказать, утром, в день святого Патрика,— глумливо добавил Максуэлл.

— А сколько это может стоить? — поинтересовался Митч, начиная горячиться.

Их взгляды скрестились.

«Какая чушь!» — мелькнуло у Митча; ему стало казаться, что он случайно забрел в кинотеатр и смотрит какой-то нелепый фильм...

Максуэлл встал из-за стола, сухо извинился и презрительно поглядел на Митча, словно на пса, которому говорят «тубо», приказывая оставаться на месте. Потом он решительно вышел из зала.

Оставшись наедине с женщиной, Митч быстро спросил:

— Что я могу сделать для вас?

Ее рука с длинными пальцами и покрытыми розовым лаком ногтями безвольно лежала на столе, и Митч не спускал с нее глаз. Пальцы не шевельнулись, рука не дрогнула.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— равнодушно отозвалась миссис Максуэлл.

— В конце концов это ваше дело,— негодующе сказал Митч.— Я приехал сюда пообедать и не вижу смысла продолжать нашу беседу. Извините.

Он встал, уселся за свой столик и заказал обед.

Через несколько минут вернулся Джулиус Максуэлл; он остановился рядом с женой и торжествующе посмотрел на Митча. Нельзя терять чувства собственного достоинства, решил Митч; нужно спокойно пообедать и сделать вид, что эти двое вообще для него не существуют.

Ему уже принесли бифштекс, когда в зал вошел какой-то человек и направился к столику Максуэлла. Некоторое время они о чем-то говорили, потом Максуэлл поднялся, и оба подошли к Митчу.

— Вот этот тип, лейтенант,— произнес Максуэлл.

Они уселись по обе стороны от Митча, и он с трудом подавил ощущение, что попал в ловушку. Вытирая салфеткой губы, Митч спокойно спросил:

— Как это понять?

— Моя фамилия Принс,—ответил незнакомец.— Я из городской полиции. По словам мистера Максуэлла, вы утверждаете, будто миссис Максуэлл была в нашем городе вечером шестнадцатого марта и утром семнадцатого?

Митч, настороженный и готовый к отпору, отпивал воду маленькими глотками.

— Этот тип пытается меня шантажировать,— заявил Максуэлл.

— Что?! — Митч чуть не задохнулся от возмущения.

У лейтенанта полиции или того, кто выдавал себя за него, было длинное, худое, слегка искривленное книзу лицо и очень усталые глаза.

— Ваша история разрушает ее алиби — вы это понимаете? — спросил он.

— Алиби? Какое алиби? — удивился Митч.

— Да перестаньте, Браун или как вас там! — сердито бросил Максуэлл.— Вы узнали мою жену по фотографиям в газетах.

— Я не читал здешних газет целых шесть недель,— огрызнулся Митч, лихорадочно пытаясь понять, о чем идет речь.

— Дешевая уловка! — усмехнулся Максуэлл, иронически поблескивая глазами.

— Уловка? — голос Митча прозвучал довольно мягко.

Он понял, что тога апостола человеколюбия с него быстро сползает и он становится обыкновенным человеческим существом, которое схватилось с подобным себе и должно позаботиться о собственной безопасности.

— Какое алиби? — настойчиво переспросил Митч, не спуская взгляда с полицейского.

— Вы хотите услышать это от меня? — вздохнул полицейский.— Ну что ж... Шестнадцатого марта, поздно вечером, некий Джозеф Карлайл был найден убитым в прихожей своего дома. (Навостривший уши Митч тут же вспомнил, что сегодня ему попалась на глаза заметка об этом убийстве.) Карлайл жил в уединенном месте каньона Голливуд-Хиллс. Видимо, он открыл дверь на чей-то звонок и разговаривал с посетителем в прихожей. Карлайл был убит выстрелом из своего же револьвера, который хранил у себя в столе. Убийца захлопнул дверь с автоматическим замком, забросил револьвер в кусты и скрылся, не замеченный никем.

— Но при чем здесь миссис Максуэлл? — спросил Митч.

— Миссис Максуэлл в свое время была замужем за Карлайлом. Но она установила свое алиби, и вопрос об ее причастности к убийству отпал.

— Понимаю,— отозвался Митч.

— Миссис Максуэлл тот вечер и ту ночь провела дома, в Санта-Барбара, со мной,— процедил сквозь зубы Джулиус Максуэлл.

Митч видел, что Максуэлл либо лжет, пытаясь отвести от жены подозрения, либо... Конечно, жалость к женщине — похвальное чувство, но если это ставит под удар человека, питавшего наилучшие намерения... Совершив убийство и находясь в состоянии крайнего нервного возбуждения, можно, конечно, опьянеть и от двух рюмок. Митч не сомневался, что Максуэлл лжет, пытаясь доказать алиби жены. Что бы он ни говорил, женщина, сидящая напротив,— та самая особа, которую он, Митч Браун, из добрых побуждений привел к себе домой...

Но никто не собирался помочь Митчу Брауну выпутаться. «Этот тип пытается меня шантажировать»... Каково!

— А что, если я расскажу вам, как все было в действительности? — предложил он лейтенанту и, получив согласие, коротко и вразумительно передал события памятной ночи.

— И вы верите его басням? — рассмеялся Максуэлл, обращаясь к полицейскому.— Вы можете поверить, что он привел пьяную женщину к себе домой и, оставив ее одну, ушел из комнаты?

Митч Браун почувствовал, что его неприязнь к Максуэллу перерастает в ненависть.

— Нет, нет,— продолжал Максуэлл,— дело обстоит куда проще. Он впервые увидел мою жену здесь, в ресторане... Конечно, он читал газеты — можно ли брать всерьез его россказни насчет шести недель. Он знал, что в прошлом она была женой Джо Карлайла. И вот он решил, что тут можно кое-что сорвать, и попытался ее шантажировать. Вы только послушайте: когда я поинтересовался, какую сумму он хотел бы получить за свое молчание, он спросил: «А сколько это может стоить?»

— Вы слишком примитивно понимаете разговорную речь,— возразил Митч, покусывая губы.— Я вкладывал в свой вопрос совсем другой смысл.

— Да ну?—ехидно улыбнулся Максуэлл.

Лейтенант сидел молча, с безучастным лицом.

— А еще кто-нибудь подтверждает алиби миссис Максуэлл? — обратился к нему Митч.

— Слуги,— равнодушно сказал лейтенант.

— Слуги? — оживился Митч.

— Ну да, что тут удивительного? — совсем уж безучастно произнес полицейский.

— Здорово! — заметил Митч Браун.— Вы не находите ничего удивительного в том, что слуги якобы видели собственными глазами мужа и жену, когда те оставались вдвоем поздно вечером и утром. Но вы не считаете возможным, чтобы человек устроил у себя дома на ночлег опьяневшую женщину... ну хотя бы из желания по-человечески ей помочь. Недурное представление о правдоподобии. Не так ли?

Лейтенант хотел что-то сказать, но Митч опередил его:

— Вам нужны факты? Хорошо. Нам достаточно переговорить с барменом, чтобы получить их.

— Видимо, так,— охотно согласился лейтенант.— Это — дельное предложение.

— Я не возражаю,— отозвался Максуэлл.— Подождите, мы с женой пойдем вместе с вами.

Он поднялся и подошел к жене. Митч остался с полицейским.

— Были ли найдены отпечатки пальцев? — шепотом спросил он.

Лейтенант отрицательно покачал головой. В его усталых глазах, как показалось Митчу, мелькнуло что-то человеческое.

— У нее есть машина? Она ее брала в ту ночь?

Полицейский снова сделал отрицательный жест.

— Кто же мог застрелить Карлайла? У него были враги?

— У кого их нет? Пожалуй, действительно, лучше всего опросить бармена.

На машине лейтенанта все четверо приехали в бар «Длиннохвостый попугай». В этот вечер дела шли неплохо и само заведение выглядело как-то чище и привлекательнее. Тоби был на месте.

— Здравствуйте, мистер Браун! — улыбнулся он.— Давненько не заглядывали.

— Уезжал в Нью-Йорк... Тоби, скажите этому человеку, что произошло здесь примерно в половине второго ночи семнадцатого марта.

— Что, что? — Лицо Тоби посерело, в глазах появилось какое-то бессмысленное выражение. Митч сразу понял, что́ произойдет дальше.

— Вы видели здесь этого человека или эту даму между часом и двумя в ночь на семнадцатое марта?—спросил полицейский и добавил: — Я лейтенант Принс из городской полиции Лос-Анжелоса.

— Нет, сэр. Мистера Брауна я, конечно, знаю. Он живет где-то неподалеку и заходит иногда сюда. Он писатель. А что касается дамы... Нет, даму я вижу первый раз.

— Ну, а Браун? Он-то был здесь в ту ночь или в то утро?

— По-моему, нет. Постойте! Я припоминаю, что в ту ночь болел мой ребенок и я закрыл заведение раньше обычного. Можете справиться у жены.— Взгляд Тоби был неестественно пристальным, как всегда бывает у человека, говорящего заведомую неправду.

Лейтенант Принс повернулся к Митчелу Брауну.

— Ну нет! — ухмыляясь, заговорил Митч.— Давайте не будем разыгрывать в лицах тот популярный анекдот времен Всемирной выставки в Париже! — Он облокотился на стойку бара и беззвучно рассмеялся.

— О чем вы говорите? — проворчал полицейский.— Лучше бы вы дали мне какое-нибудь подтверждение вашего рассказа. Кто может подтвердить эту историю? Кто-нибудь видел вас и даму в ту ночь?

— Никто,— добродушно развел руками Митч.— На улицах не было ни души. И здесь, в баре, никого не было. Нет, вы только подумайте! Никогда бы не поверил! Старый анекдот времен Парижской выставки!

Лейтенант раздраженно фыркнул.

— Вы разве не помните? — весело продолжал Митч.— В Париж приезжают мать и дочь и останавливаются в гостинице в двух разных комнатах. Утром дочь просыпается, а матери нет. И никто не видел ее матери, и в списке жильцов мать не значится, и нет даже комнаты с таким номером, где, по словам дочери, ночевала ее мать... Хотя... подождите, я передаю не совсем точно. Комната с таким номером была, но в ней оказались другие обои...

— Писатель...— заметил Джулиус Максуэлл таким тоном, словно этим было сказано все.

— Почему бы нам не присесть? — все так же жизнерадостно предложил Митч.— Мы бы еще что-нибудь порассказали друг другу.

Предложение Брауна было принято. В кабину первой вошла светловолосая Натали Максуэлл — изящная, богатая, уверенная в себе, но... словно онемевшая («Может, ее напичкали каким-нибудь одурманивающим снадобьем?» — спросил себя Митч). Джулиус Максуэлл уселся рядом с ней, полицейский и Митч — напротив.

Браун вовсе не был в таком веселом настроении, как могло казаться. Его отнюдь не привлекала роль жертвы во всем этом анекдоте времен Парижской выставки. Но он не показывал виду, не терял самообладания. Он принялся мысленно изучать своего противника. Джулиус Максуэлл, преуспевающий делец пиратского типа, жестокий и наглый, орудующий деньгами, как дубиной. Он собирается по меньшей мере поставить его, Митча Брауна, в глупое положение... Да, но как же с убийством?

Митч почувствовал, что вновь становится самим собой.

— Не желаете ли заказать что-нибудь? — мягко спросил он у женщины.— Может быть, виски?

— Я не пью,— надменно ответила Натали, опуская ресницы и проводя кончиком языка по губам.

Задумчиво глядя на нее, Митч Браун машинально проделал то же самое.

— Нам сейчас не до виски,— вмешался Максуэлл, которому явно было тесно в кабине.— Вернемся к делу. Этот молодой человек, кто бы он ни был, встретил мою жену в ресторане и узнал в ней ту женщину, о которой писали газеты в связи с убийством Карлайла. Зная, что я человек состоятельный, он решил прибегнуть к шантажу, рассчитывая, что, во избежание неприятностей, я что-нибудь ему заплачу. Решил воспользоваться случаем! — добавил он с гнусной ухмылкой.— Я его понимаю.

— Сомневаюсь,— спокойно ответил Митч.— По-моему, вы не отдаете себе отчета, насколько затаскан этот анекдот времен Парижской выставки.

— Что вы все бубните о Парижской выставке? — крикнул Максуэлл.— Послушайте, лейтенант Принс! Я могу привлечь этого типа к ответственности?

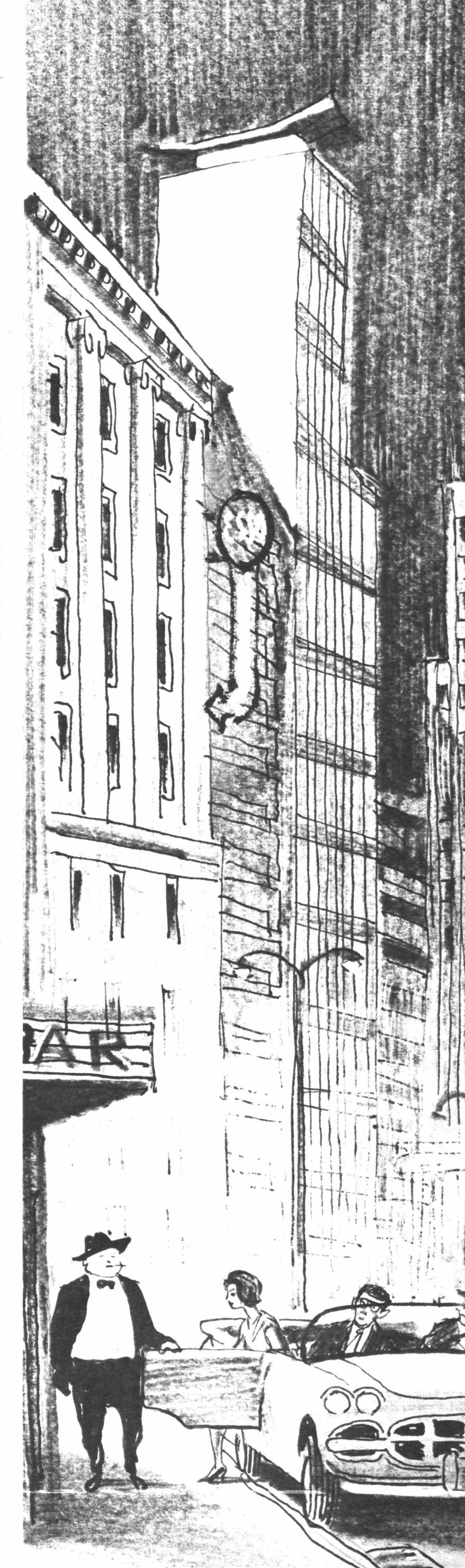
— У вас нет доказательств, что он занимался вымогательством,— мрачно пробормотал полицейский.— Вот если бы вы дали ему деньги при свидетелях...

— Он не смог бы этого сделать,— сказал Митч,— по той простой причине, что я и не помышлял ни о каких деньгах.

Полицейский устало закрыл глаза, а когда снова открыл их, стало ясно, что он пока никому и ничему здесь не верит.

— Давайте-ка разберемся еще раз,—сказал он наконец.— Мистер Максуэлл, вы говорите...

— Я говорю, что в тот вечер и в ту ночь жена была дома — это подтверждают мои слуги, это известно полиции. Следовательно, этот человек — лжец. Из каких побуждений — вопрос другой. Во всяком случае, никто и ничто не подтверждает тех побасенок, которыми он нас кормит. Бармен уже уличил его. Чего стоит одно утверждение этого человека, будто он шесть недель не брал в

руки газет. Можете судить, чего стоят его фантазии...

Лейтенант молча выслушал Максуэлла и повернулся к Митчу.

— А вы говорите...

— А я говорю, что семнадцатого марта улетел в Нью-Йорк, где присутствовал на репетициях моей пьесы и на ее премьере.

— Писателишка! — презрительно пробурчал Максуэлл.

— Драматург, — поправил Митч. — Вам, наверно, даже невдомек, что такое драматург. Прежде всего, это человек, пытающийся постичь душу других людей. Как ни странно, даже таких, как вы. — Митч перегнулся через стол. — Вы наглый пират. Вы награбили состояние и возомнили, что за деньги можно купить все... Хотите, я изложу вам свою версию убийства Карлайла?

По лицу Джулиуса Максуэлла промелькнула издевательская усмешка, но Натали — Митч сразу заметил это — явно насторожилась.

— Ваша жена приехала в Лос-Анжелос и застрелила своего бывшего мужа, — жестко отчеканил он. У Натали даже ресницы не дрогнули, но это только подхлестнуло натренированное долгой работой воображение драматурга. — Так вот. Возможно, от пережитых волнений Натали стало плохо, а возможно, ее уже мучило раскаяние, — как бы то ни было, она решила найти успокоение в вине. (Теперь Натали не спускала глаз с Митча.) Ну, а потом она проснулась у меня, бросилась к своей машине — она у нее, конечно, была — и прикатила домой... Что еще ей оставалось делать? — как бы размышляя вслух, продолжал Митч. — Она совершила преступление, и кто-то должен был помочь ей выпутаться. (Ага! Натали затаила дыхание?)

Кто же мог ей помочь? — в упор спросил Митч. — Вы, Максуэлл! Почему? Объясню и это. Вы не тот человек, который позволит, чтобы его жена была осуждена за убийство. По вашему мнению, она совершила всего лишь непростительную глупость. Возможно, вы даже пожурили ее, но тут же утешили, заявив, что беспокоиться нечего, потому что она ваша жена и вы все уладите. Деньги! За деньги можно купить все. А ей остается только поступать так, как скажете вы, а потом все забыть... — Помолчав, Митч тихо спросил: — Неужели вы думали, что она сможет забыть это?

Никто не пошевелился. Митч продолжал:

— Затем вы развернули бурную деятельность, подкупили своих слуг, подкупили бармена Тоби. Но тут выяснилось, что есть еще один человек, который может разрушить алиби вашей жены. И этот человек к тому же драматург. Да, вы интересовались моей особой. Конечно же, интересовались. Вы прекрасно знали, где я и что я делаю, и выяснили даже, в какой день и час я возвращаюсь в Лос-Анжелос.

— Чушь! — вмешался лейтенант Принс. — Вы говорите, что он подкупил всех. Почему же он не подкупил вас?

Митч сумрачно посмотрел на полицейского.

— Да потому, что я действительно не читал газет и ничего не знал об убийстве. Как же он мог подкупить меня? Он просто решил, что я ненормальный. Кто же в здравом уме по полтора месяца не читает газет? Взвесив все это, он тут же придумал вариант с шантажом.

Кто-то из ваших людей вел за мной наблюдение, а вы с Натали тем временем торчали где-нибудь поблизости, — продолжал Митч, обращаясь к Максуэллу, и, заметив, что полицейский пожал плечами, быстро добавил: — Иначе как могло получиться, что в день возвращения в Лос-Анжелос я наталкиваюсь на Натали, одетую, кстати, совершенно так же, как в тот вечер?

— А кто может подтвердить, что она одета так же? — невозмутимо сказал Максуэлл.

— В ресторан, — продолжал Митч, — она вошла одна...

— Я задержался, чтобы позвонить по телефону, — снова перебил его Максуэлл.

— Одна, — настойчиво повторил Митч, не обращая внимания на замечание Максуэлла. — А почему? Потому, что ей нужно было привлечь мое внимание, подтолкнуть на разговор с ней. Тот же самый костюм потребовался, чтобы я узнал ее. Потом она делает вид, будто совершенно не знает меня, и в игру включается Максуэлл. Подкупив несколько человек, вы, Максуэлл, решили, что ваша позиция неуязвима, и попытались представить меня шантажистом. «Браун — писатель, — рассуждали вы, — стало быть, сумасшедший. Никто не поверит ни единому его слову». Чтобы дискредитировать меня, вы и разыграли сцену в ресторане и заранее обеспечили свидетеля — вот этого полицейского.

— Но зачем? — глухо пробурчал лейтенант.

— Что «зачем»? — удивился Митч.

— Зачем нужно было все это придумывать да еще и меня приплетать?

— Очень просто. Что, если бы я все-таки прочитал газеты и узнал по фотоснимкам его жену? Что, если бы я пришел к вам в полицию и заявил обо всем, что знаю? Кем бы я тогда был? Порядочным гражданином, выполнившим свой долг. Не так ли? А теперь, после инсценировки, которую устроил Максуэлл в ресторане, все выглядит так, будто я пришел к ним, чтобы воспользоваться удобным моментом. А он, Максуэлл, как порядочный гражданин, обратился к вам.

Лейтенант с шумом выдохнул воздух, но лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Хитроумная затея, ничего не скажешь! — воскликнул Митч. («Настолько хитроумная, — добавил он про себя, — что никто в нее не поверит».) Плохо же вы знаете людей, Максуэлл!

— Да, буйная у вас фантазия, ничего не скажешь! — криво улыбнулся Максуэлл, сидевший до этого с невозмутимым видом. — Только это даже не фантазия, а бред.

— Одну минуту, Браун, — к удивлению обоих, вдруг заговорил полицейский. — По вашим словам, Максуэлл знает, что его жена — убийца, и он, стало быть, действует как укрыватель преступника? Вы это хотели сказать?

Митч заколебался.

— Он еще не придумал конца своей сказки, — вставил Максуэлл. — Послушайте, лейтенант, а все-таки он мастерски разыграл роль безвинной жертвы! Хорошо, согласен: вы ловкий малый, Браун, и доказали, что умеете сочинять дешевые детективные романы. Могу засвидетельствовать: попытка ваша оказалась удачной...

Митч сообразил, что ему предлагают путь для почетного отступления.

— А может, — Максуэлл добродушно улыбнулся, — а может, он просто решил завести интрижку с хорошенькой женщиной?

Да, да, подумал Митч, ему действительно подсказывают способ спасти свою репутацию. Больше того, если он пойдет навстречу Максуэллу, ему обеспечены деньги и все, что вытекает из обладания ими.

— Максуэлл лжец, — медленно, отчетливо произнес он. — И укрыватель убийцы. Именно это я и хотел сказать, лейтенант.

— Докажите! — крикнул Максуэлл, и лицо его потемнело. — Если вы не докажете это фактами, я подам в суд и сотру вас в порошок. Я не позволю называть себя лжецом.

— А вы думали, я позволю? — ответил Митч и с любопытством взглянул на Максуэлла, словно впервые его видел.

— Послушайте, вы! — Лейтенант внезапно вспылил. — Дайте мне доказательства. Мне нужны факты.

— Ничего он дать не может, — пренебрежительно скривился Максуэлл. — Все это вздор!

Митч лихорадочно пытался припомнить какую-нибудь деталь, за которую мог бы ухватиться.

— Я как-то не подумал о машине... — пробормотал он. — Даже по туфлям миссис Максуэлл можно было догадаться, что она не пешком добиралась до Лос-Анжелоса. Да и вообще, с тех пор, как она стала женой этого мешка с деньгами, вряд ли ее устраивает пеший способ передвижения.

Митч видел, что Максуэлл с трудом сдерживает ярость, то ли искреннюю, то ли наигранную, а Натали вся превратилась в слух. Он решил, что в ней все еще осталось что-то человеческое.

— Почему вы ушли от Карлайла? — обратился он к миссис Максуэлл. — Что это был за человек? Вы поссорились? Вы ненавидели его? Он вас мучил?

Полуоткрыв от изумления рот, женщина не сводила с Митча заблестевших глаз. Ее муж порывался вскочить, пустить в ход кулаки, и Митч знал, против кого.

— Сидите, Максуэлл! — остановил его полицейский. — А вы попридержите-ка язык, — повернулся он к Брауну. — Бросьте заниматься тут всякой психологией и приписывать людям черт знает что. Миссис Максуэлл доказала свое алиби. И если уж вам хочется его опровергнуть, то закон требует надлежащих доказательств.

— Но с чего бы я стал лгать? — спросил Митч. — В расчете на деньги? Смешно!.. — Он умолк и удивленно уставился на Натали; она вдруг открыла сумочку, достала губную помаду и спокойно принялась подкрашивать губы. Убийство... Тюрьма... А она красит губы. Клевета... Шантаж... А она... губы...

— Приведите доказательства, — сердито настаивал полицейский.

— Одну минуту, — ответил Митч, откидываясь на спинку стула и чувствуя, как у него забилось сердце. — Давайте продолжим разговор о деньгах. Видимо, у Натали есть все, что можно купить на деньги. Все ее расходы оплачиваются, но у нее есть свой текущий счет.

— Уйдем отсюда, — встал Максуэлл. — Этого типа снова прорвало.

Полицейский тоже собирался уходить из кабины и подталкивал Митча к выходу.

— А знаете, что я могу доказать? — сказал вдруг Митч.

— Ну? — нетерпеливо буркнул Принс.

— Что днем шестнадцатого марта и в ночь на семнадцатое я безвыходно сидел и работал в своей квартире. Стены у нас тонкие, соседи слышат каждое мое движение.

— Ну хорошо, вы работали. И что же?

— И, значит, я не мог быть в это время в Санта-Барбара! — бодро продолжал Митч.

Протянув руку, он вдруг схватил сумочку Натали — ту самую, зеленую, под цвет ее туфель.

— Позвольте, позвольте! — Максуэлл попытался помешать ему, но опоздал.

— Посмотрите, тут ли чековая книжка,— сказал Митч, передавая сумку полицейскому.— Толстая чековая книжка. На первой странице проставлена фамилия Натали и все остальное. Вряд ли она часто выписывает чеки. Так что книжка — та же самая.

Принс с недоумевающим видом держал сумку в руках.

— Найдите чековую книжку. Это улика,— потребовал Митч.

— Собственно, имеете ли вы право...— начал было Максуэлл, но под взглядом полицейского осекся и замолчал.

— Да, она здесь,— сказал Принс и достал из сумки чековую книжку.— Начата двадцать первого февраля. И что же?

Митч Браун откинулся на обитую красной искусственной кожей стенку кабины и поднял глаза к потолку.

— Никто на свете не знает... разумеется, кроме Натали, если она не страдает потерей памяти, в чем я сомневаюсь... какая сумма остатка указана в чековой книжке на утро дня святого Патрика. Никто. Даже банк. А я знаю. Почему? Потому, что я заглянул в чековую книжку миссис Максуэлл, когда она спала на моей кушетке: я ведь пытался узнать, кто она, чем ей можно помочь и нуждается ли она в деньгах.

Лейтенант Принс перелистывал корешки чеков.

— Ну, ну?

— Назвать вам сумму? С точностью до одного цента? — На лбу Митча выступил пот.— Четыре тысячи шестьсот четырнадцать долларов и шестьдесят один цент! — медленно и внятно произнес он.

— Правильно! — удивился полицейский и холодно взглянул на Джулиуса Максуэлла.

Но Митч Браун не испытывал торжества. Он словно забыл о присутствии лейтенанта.

— Натали,— сказал он.— Жаль, что так получилось. Но я думал, что у вас какая-нибудь мелкая неприятность, и хотел вам помочь. Почему вы ничего мне не рассказали там, в ресторане?

У женщины задрожали подкрашенные губы.

— Конечно, вам так или иначе пришлось бы отвечать перед законом: мне ведь не оставалось бы ничего другого, как обратиться в полицию. Но я бы хоть выслушал вас.

Натали бессильно опустила голову на красную клетчатую скатерть.

— Я не хотела. Я не хотела! — проговорила она сквозь рыдания.— Но Джо все оскорблял и оскорблял меня, и я перестала владеть собой.

— Замолчи! — крикнул Максуэлл; до него, очевидно, только теперь дошло, какой удар неожиданно нанес Митч.

Полицейский поднялся и направился к телефону.

Митч молча сидел около рыдающей женщины.

— Натали, если...— холодно и сурово заговорил Максуэлл, но вдруг отодвинулся от жены, как от прокаженной. Было ясно, что теперь он с пеной у рта станет доказывать свою непричастность.

— Нет, это ты замолчи! Да, замолчи! — истерически выкрикнула женщина.— Сколько раз говорила я тебе, а ты не хотел даже понять меня. Ты посоветовал дать Джо тысячу долларов, ты уверял, что он отстанет от меня, что только деньги ему и нужны. Ты даже не пытался почувствовать, как я мучилась... А Джо все твердил... все твердил о нашем ребенке... Он сказал, что ребенок умер от голода, потому что у него не стало матери... Мой ребенок! — крикнула она.— А ты запретил мне взять его к себе!..

Она обхватила голову руками, ее пальцы с розовыми ногтями запутались в волосах.

— Как я раскаиваюсь! Я не знала, что револьвер заряжен... Я больше не могла переносить... Он терзал меня... Он сводил меня с ума... И никакие деньги не могли его остановить...

Сердце Митча сжималось от жалости к этой женщине.

— Что же, по-вашему, главное в жизни? — гневно крикнул он Максуэллу.— Меха, бриллианты и прочее?

— Ребенок умер естественной смертью,— огрызнулся Максуэлл.

— Да, да! Он всегда думал, что главное — деньги! — простонала Натали.— Для него больше ничего не существует. Теперь-то я поняла... Он сказал, что все уладит... Но он никогда не заставит меня забыть...

Она снова опустила голову на стол и застыла.

В кабину вернулся полицейский, и лицо Джулиуса Максуэлла посерело.

— Придется подождать здесь,— сказал лейтенант; было видно, что его что-то тревожит.

— Скажите, Браун,— обратился он к Митчу,— как вы смогли целых полтора месяца сохранять в памяти шестизначное число? Уж не математический ли вы гений? Или, может, у вас... как это говорят... фотографическая память?

Митч несколько мгновений не мог собраться с мыслями. Потом он сказал:

— Цифры врезались мне в память... Они повторяются: 4-6-1, 4-6-1... Не так уж трудно запомнить. Да и сумма внушительная — для меня, по крайней мере.

— И для меня тоже,— сказал полицейский.— Надеюсь, все слышали, что говорила здесь эта женщина?

— Разумеется, все, — подтвердил Митч.— Она созналась и уличила Максуэлла как укрывателя. Взгляните-ка на Тоби. Уж он-то все слышал! В общем, недостатка в уликах и свидетелях у вас не будет.

Принс взглянул на чету Максуэллов.

— Вот и я так думаю,— сухо произнес он.

В тот же вечер, попозже, Митч Браун сидел в одном из лос-анжелосских баров и разговаривал с барменом.

— Скажи-ка, тебе известно, что семнадцатое марта — вовсе не день рождения святого Патрика, а день его смерти?

— Да что вы говорите! — из вежливости удивился бармен.

— Вот именно. Я писатель, понимаешь? Мне приходится много читать, и кое-что застревает в памяти. Обычно-то я не очень хорошо запоминаю цифры, а вот на этот раз... Ты знаешь, в каком году умер святой Патрик? В 461-м!

— Так. И что же?

— Напиши число «461» два раза и отдели запятой последние две цифры. Получится 4614,61. Совпадение почти невероятное, но, как видишь, оно произошло в утро дня святого Патрика. И знаешь, что я тебе еще скажу? — Митч постучал кулаком по стойке бара.— Не все можно купить за деньги!

С английского перевел Ан. ГОРСКИЙ.

ПЕСНЯ О КУБАНИ

«Эх, Кубань, Кубань! Край родимый, сторона речная, привольная! Помню тебя, с твоими станицами и хуторами, с твоими буйными садами, когда ветви, кланяясь тебе, роняют краснобокие яблоки, и они плывут, плывут, краснея и подпрыгивая на бурунах. На что ни взгляни, о чем ни подумай, и уже роятся мысли и встают перед глазами картины, люди, словно бы виденные только вчера...»

Семен Бабаевский знает Кубань, чувствует всей душой ее прелесть. Любы ему ее люди с их самобытными нравами, в которых отразились и сложное историческое бытие этого края, изобилующее драматическими событиями, и немеркнущая красота кубанской стороны с ее привольем и несчетным богатством. Когда писатель искренне любит то, что он описывает, тогда и рождается тесная связь между ним и читателями, которых невольно захватывает воодушевление автора. Они охотно простят ему промахи и недомолвки в характеристике героев, неровности в построении сюжета, некоторую завышенную восторженность, ради главного — искренности. Свойство это не такое уж частое. У нас немало выходит книг, в которых преобладает холодноватая рассудочность, в которых автор как бы картинно гарцует перед читателем, приглашая его полюбоваться ловким литературным фехтованием: «Глядите, какой я умный и как я все отлично понимаю». Но холод авторского сердца оставляет холодным и читателя.

Роман Семена Бабаевского «Родимый край» — это лирические раздумья автора о прошлом, настоящем и будущем Кубани, это песня о родимом крае, любимом и дорогом с детства. Здесь возникают картины недавнего и далекого прошлого и нынешних дней, выписанные широко и просторно. Все они связаны прямым или косвенным образом с историей семьи Голубковых — Шаповаловых, в центре которой стоит Евдокия Ильинична Голубкова — простая станичная хуторская женщина, прошедшая жизнь трудную, которая запросто сломила бы иную слабую натуру. Но Евдокия Голубкова не из тех, которых легко сломить. Суровые испытания закалили ее, выработали в ней твердый характер. Колхоз взрастил ее, дал ей смысл жизни, она стала ветвью могучего дуба, имя которому — коллектив. Пятерых детей воспитала Евдокия, и все они стали добрыми людьми, каждый нашел свой путь, никто не потерялся, не сгинул, как это непременно получилось бы в «добрые старые времена» у брошенной мужем бабы. Кому они были нужны в прежней станице, где заправляли богатеи и мошна была мерилом всех достоинств человека?

Широкое полотно повествования разворачивает автор. Годы коллективизации, кулацкие мятежи, левацкие перегибы — с трудностями всходило новое на старинной казачьей земле, а все-таки поднялось, пошло в рост, набрало сил и дало буйное цветение. Не все выписано автором в полную меру — в романе многие действующие лица, интересные и значительные, появляются и быстро уходят, оставляя у читателя чувство неудовлетворенности, желание еще раз увидеть, ближе познакомиться с ними. Так, например, сожалеешь о кратковременности знакомства со Светличным — человеком мужественным и смелым, который своей революционной энергией спас станицу от жестокой и несправедливой кары. За пределами романа осталась Отечественная война, пламя которой дошло и до кубанской земли. А ведь в пламени войны выковывались характеры, война создавала героев из самых, казалось бы, неприметных, невидных людей.

Впрочем, лирические раздумья не требуют от автора хронологической последовательности в повествовании.

Автор мозаично лепит сюжет. Какие-то пропуски приходится мысленно дописывать, восполнять своим воображением. Но из того, что создано автором, встают картины жизни правдивые, яркие — пусть это не вся история, а лишь частицы ее.

Разлетелись дети из хутора Прискорбного, из материнского гнезда, один лишь младший сын Илья прилепился накрепко к земле, полюбил машины, стал известным механизатором. И когда старую материнскую хату, подмываемую водами Кубани, сам Илья сносит бульдозером и сбрасывает в реку, мать не идет к старшим сыновьям, а остается здесь же, неподалеку, в станице Трактовой. Сыну Игнату, зовущему ее к себе, мать отвечает: «У тебя тут, верно, и приволье, и степи широкие, и озера, а только трудно, ох как трудно оторвать сердце от тех мест, к каким оно приросло издавна, еще с детских годов... Свой край, родимый, и милее и краше, сынок...»

Этими словами и кончается роман Семена Бабаевского, в них сущность творческого замысла автора, в них его основная идея.

Ник. КРУЖКОВ

Семен Бабаевский. Родимый край. Роман. «Роман-газета» № 2 (326). 1965.

Слава этому Гомеру живописи — где он затмевает всех не столько совершенством, сколько тайной силой и жизнью души, которую он вносит во все.

Эжен Делакруа.

Рубенс. Автопортрет. 1638—1640. Вена.

ПИТЕР ПАУЛЬ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЗЕМЛЯ УЛЕНШПИГЕЛЯ

Рубенс. Как случилось, что живописец из Фландрии, страны, никем до него столь не прославленной в искусстве, раздвинул шеренгу великих, потеснил их и занял место в первой десятке художников всех времен и народов?..

«Принимая во внимание, что вы, Якоб Махаркейзус, были признаны виновным в ереси и укрывательстве еретиков и ввиду этого присуждены к пребыванию на костре до тех пор, пока не наступит смерть...»

Ян Рубенс оторвал взгляд от бумаги. По подоконнику хлестал град. Ветер гнал по небу грязные тучи. Ян Рубенс, доктор прав, служил в магистратуре города Антверпена, в его обязанности входило снимать допрос с еретиков.

Еретики. Их ровно столько, сколько граждан в бедной Фландрии, потому смерть косит их всюду: на эшафотах, на кострах, распинает на колесе. В городах, куда ни глянешь, шесты с торчащими на них страшными головами. В ушах звучат вопли женщин, зарываемых живьем в землю.

Города полны сыщиков...

Нет, Ян Рубенс, тебе надо бежать от собак герцога Альбы, пока не дошел черед и до тебя.

И Рубенс с семьей бежит из Фландрии. Бежит в город Кельн, ко двору Вильгельма Оранского, по прозвищу Молчаливый.

Там он становится поверенным в делах жены Вильгельма — Анны Саксонской, а затем и ее возлюбленным. Об их любви вскоре узнает двор. По местным законам Яна Рубенса ожидает казнь.

И в это время на сцену вступает Мария Пейпелинкс — скромная супруга Яна Рубенса.

«...как я охотно...— пишет она мужу,— если бы это только было возможно, спасла Вас ценой моей крови... Я уверена, если бы эти добрые господа увидели мои слезы, они имели бы ко мне сострадание, даже если бы у них были деревянные или каменные сердца... И никогда больше не пишите «Ваш недостойный супруг», так как все забыто...»

Любовь и верность Марии победили. Рубенс помилован. Он уезжает с семьей в город Зиген, где живет под строгим запретом «где-нибудь показываться», «заниматься торговым или юридическим делом под угрозой казни колесованием».

В 1577 году в Зигене у четы Рубенсов рождается сын — Питер Пауль Рубенс.

В 1587 году в изгнании умирает Ян Рубенс. Вдова принимает католичество и получает разрешение вернуться с детьми на родину в Антверпен.

ПИТЕР СЕДЛАЕТ КОНЯ

«Всем, кто прочтет или услышит настоящее письмо, бургомистр и городской совет Антверпена желают счастья и благополучия. Мы подтверждаем, что в нашем городе и округе по благому промыслу божьему можно дышать здоровым воздухом и что здесь не свирепствует чума, ни какая другая заразная болезнь». Далее там указано: «Петрус Рубенс, сын Иоганна... в настоящее время едет в Италию по делам...»

9 мая 1600 года двадцатитрехлетний Рубенс, полный надежд, сел на коня. Новый век он начинал отлично.

Он был молод, красив, хорошо воспитан. Знал английский, испанский, французский, итальянский и латынь. Диплом свободного художника гильдии святого Луки и кошелек матери в кармане помогали ему верить в свою звезду. А это уже много.

Судьба приводит его ко двору герцога Мантуанского. Винченцио Гонзага быстро убедился в одаренности художника и полюбил его за превосходные манеры и образованность.

В коллекции герцога Рубенс открыл для себя сокровища. Он усердно копирует Тициана, Корреджо, Веронезе. Гонзага доволен его работами и вскоре посылает юного мастера в Рим для выполнения копий с картин великих художников.

В письме к кардиналу Монталетто герцог просит протекцию «Питеру Паулису, фламандцу, моему живописцу».

Не прошло и года, как Питер Пауль снова в пути. На этот раз герцог Мантуанский посылает Рубенса в Испанию с подарками для короля Филиппа III. В дороге юного посла настигают неудачи: ливни портят картины, денег не хватает до конца пути. Вот одно из горьких писем к секретарю герцога — покровителю художника:

«Если мне не доверяют, то дали мне слишком много денег, а если доверяют, то слишком мало».

В этой своей первой миссии Рубенс проявляет незаурядные качества дипломата, которым впоследствии суждено было доставить ему больше забот, нежели славы.

Много лет художник пробыл в Италии, копировал Рафаэля, Микеланджело, Караваджо, глубоко изучал античность, но его художе-

Питер Пауль Рубенс. АВТОПОРТРЕТ С ИЗАБЕЛЛОЙ БРАНДТ. 1609—1610.

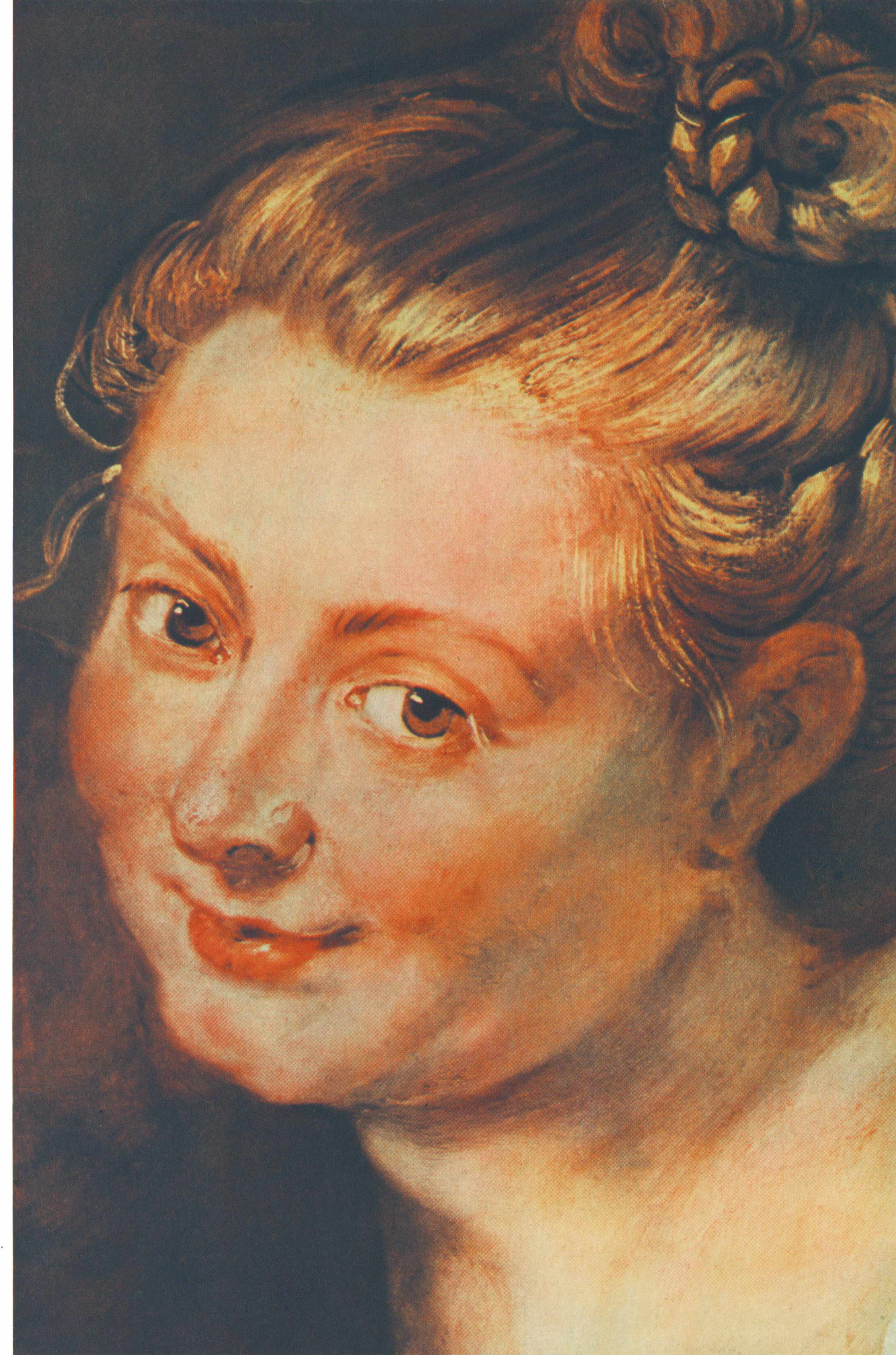
Пинакотека. Мюнхен.

ОХОТА НА ЛЬВОВ.

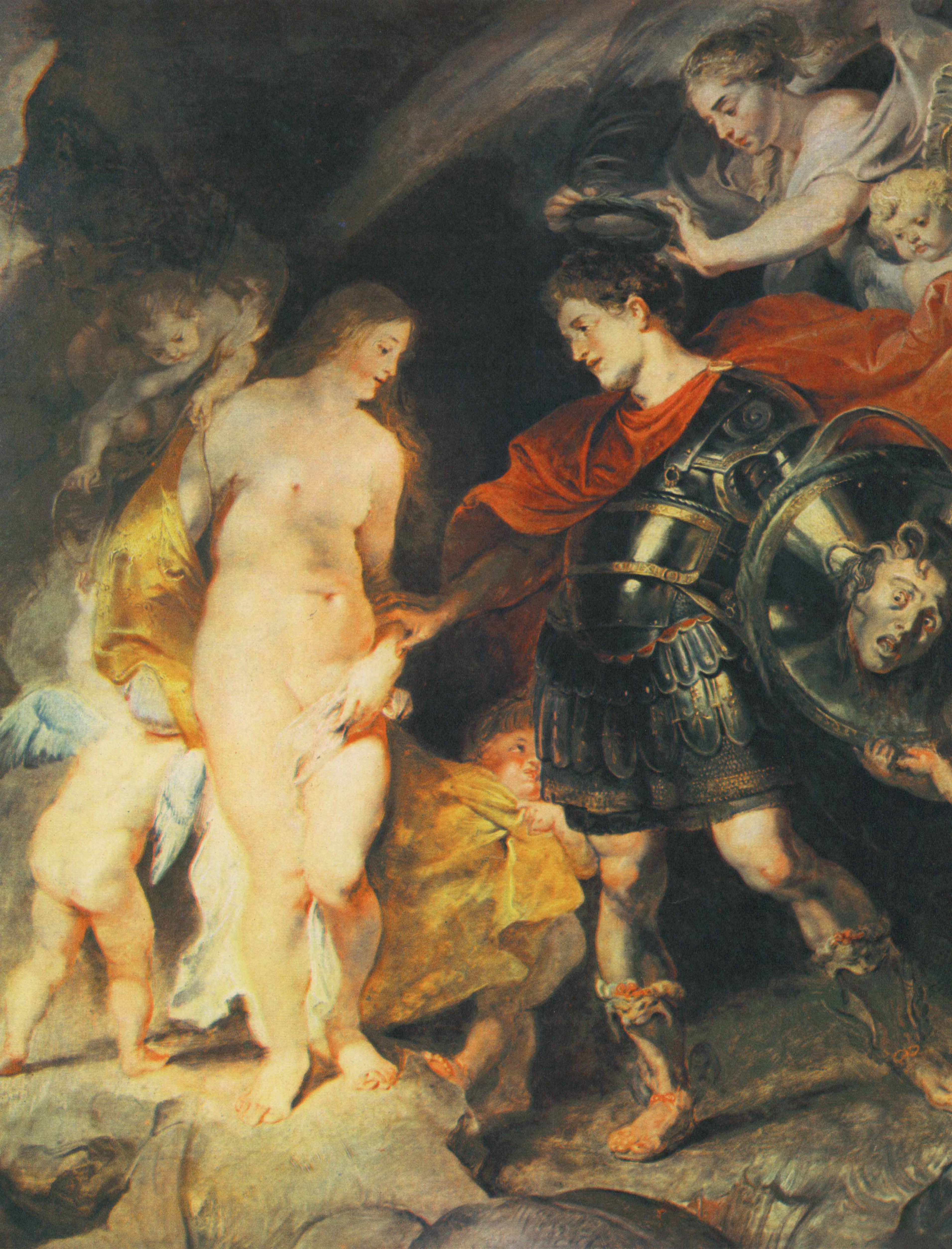
ОХОТА НА КАБАНА.

Дрезденская картинная галерея.

Питер Пауль Рубенс. ДЕТАЛЬ КАРТИНЫ «ПЬЯНЫЙ СИЛЕН». 1618.
Пинакотека. Мюнхен.

«Огонек». 1965.

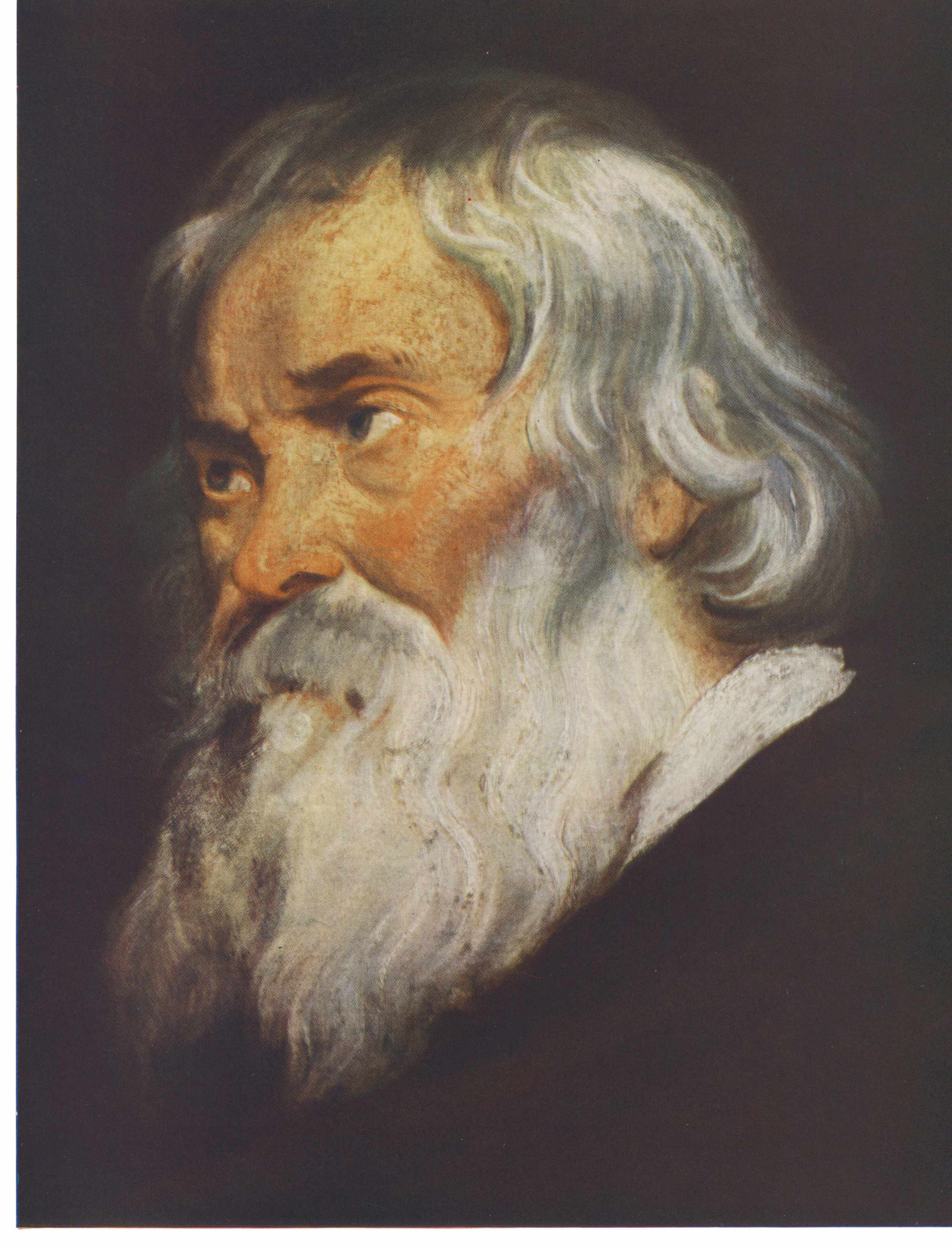

Питер Пауль Рубенс. ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА. 1620—1621.
Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Питер Пауль Рубенс. ГОЛОВЫ МАВРОВ.— Этюд. Музей в Брюсселе.

МЕРКУРИЙ И АРГУС. Около 1638—1640. Дрезденская картинная галерея.

ГОЛОВА СТАРИКА. 1615—1620. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ВИРСАВИЯ. Около 1635 года.

Дрезденская картинная галерея.

ственная натура оказалась могущественнее этих влияний, и на родину он вернулся фламандцем.

В конце 1608 года Питер получает из Антверпена известие о серьезном недуге матери. Немедля он спешит к ней.

Но, когда конь мчал его первые версты, мать была уже мертва; сын прибыл на ее могилу.

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ ИНФАНТЫ

«Антверпен — большой город и большая пустыня; потому что в течение того времени, которое мы здесь провели, я ни разу не видел на протяжении одной улицы сорока человек одновременно; я не видел ни одной коляски и ни одного всадника; никто из нас не видел, чтобы в магазинах или на улицах продали или купили хотя бы на один грош, несмотря на то, что оба дня, которые мы здесь провели, были рабочими днями... На улицах во многих местах растет трава».

Горько и одиноко чувствовал себя молодой Рубенс в Антверпене. Он вспоминал людные и солнечные города Италии, шумных друзей. Он тяжело переживал смерть матери.

Но все же старые друзья уговаривают его поехать в Брюссель и там представляют художника инфанте Изабелле и эрцгерцогу Альберту.

Блистательный, великолепно образованный Рубенс пришелся ко двору. Вскоре он получает звание придворного художника, годовое содержание в 1 500 гульденов и в знак особого внимания золотую цепь.

...В 1609 году Фландрия заключает перемирие с Голландией сроком на двенадцать лет. Кровопролитная война окончилась. Наступил мир.

Католическая церковь и двор полны желания утвердить свое величие. Они превосходно знают, что власти и вере нужен ореол, нужны грандиозные храмы, статуи, монументальные полотна. И тут Рубенс оказывается незаменимым.

Его новая — мощная, жизнеутверждающая — манера письма, его стремление наполнить холст насыщенным, бурным движением чаруют титулованных меценатов. Рубенса заваливают заказами, он не отказывается ни от одного. Золото течет к нему рекой.

«Мой талант таков,— пишет о себе Рубенс,— что, как бы огромна ни была работа по количеству и качеству сюжетов, она еще ни разу не превзошла моих сил».

Триумф мастера в Антверпене заставляет его забыть об Италии. 3 октября 1609 года он венчается с 18-летней Изабеллой Брандт, дочерью секретаря регентства Иоанна Брандта.

Художник покупает особняк на улице Ваттер, которая сейчас носит его имя. В большом саду он строит ротонду со стеклянным куполом, где экспонирует свои работы и хранит коллекции.

В его мастерской работают десятки учеников, но еще больше просят принять их. «Я до такой степени осажден просьбами со всех сторон, что многие юноши уже несколько лет ждут у других мастеров, чтобы я принял их к себе... был принужден отклонить более ста кандидатов...»

Рабочий день Рубенса уплотнен до предела. Вот что вспоминает один из современников: «Мы посетили знаменитого художника Рубенса, которого мы застали как раз за работой, причем он заставлял себе в то же время читать вслух из Тацита и одновременно диктовал письмо. Так как мы молчали и не хотели ему мешать разговорами, он сам начал с нами говорить и при этом продолжал, не прерывая свою работу, заставлял себе дальше читать, не переставал диктовать письмо и отвечал на наши вопросы».

Режим его дня крайне строг. Он встает в четыре утра и приступает к работе. Короткий перерыв на обед, и опять труд. Труд с полной отдачей сил. Певец вакханалий, Рубенс почти не пил, не играл, ложился рано спать.

На нашей вкладке вы видите «Автопортрет с Изабеллой Брандт». Эмоционально этот холст предельно сдержан. Вспомним автопортрет Рембрандта с Саскией, где он не скрывает своих чувств к жене и ликующей радости бытия.

Рубенс очень любил Изабеллу Брандт, он был в эти годы очень счастлив, но вы не найдете в его картине ни одного мазка, открывающего это состояние. Портрет абсолютно светский, почти холодный. Только бережное касание рук супругов подчеркивает их близость.

ХОЛСТЫ, БОГИ, ФЛОРИНЫ

...Четыре утра. Рубенс встал, быстро оделся. Пора в мастерскую.

Художник шел по коридорам дворца, его шаги гулко звучали в утренней тишине, нарушаемой лишь храпом гостей, оставшихся после вчерашнего пира. Рубенс перешагивал через тела придворных. Сон застал их в самых невероятных позах, и они, озаренные ярким утренним солнцем — в роскошных одеждах, залитых вином, помятые, с расплывшимися румянами и сбитыми париками,— были особенно неприглядны. Рубенс споткнулся о ноги разметавшегося кавалера и чуть не сшиб сонного стражника. Большие окна были растворены, и из них лился птичий гомон и был слышен шелест деревьев. Пели петухи.

Рубенс распахнул дверь дворцовой залы, служившей ему мастерской. Огромный холст был только начат. Работа ждала мастера.

...Гвидо Рени не без основания говорил Рубенсу, что он примешивает кровь к своим краскам. Да, кровь, настоящая, живая кровь играет в напоенных светом рубенсовских телах, она просвечивает сквозь тонкую человеческую кожу богинь, она везде, вплоть до розовых пяток летающих амуров...

Взгляните на деталь картины «Пьяный Силен», которую мы печатаем на вкладке, и вас поразит к а р н а ц и я — живопись человеческого тела.

Сама жизнь сверкает в глазах этой белокурой женщины, она в пылающем румянце щек, в сочных вишневых губах, во вздрагивающих ноздрях красавицы.

Рубенс порою напоминает вулкан, временно закрытый застывшей лавой условности и традиций. Но иногда темперамент и долго сдерживаемое творческое напряжение побеждают, и тогда появляются произведения, в которых Рубенс раскрывает свою титаническую натуру. Таковы его полотна, изображающие охоту. Два из них мы публикуем на вкладке. Они написаны в 1616—1618 годах. Невероятны ракурсы фигур, яростны движения, грозны звери. В картине «Охота на львов» победителей нет. Смерть и ужас витают над каждым ее участником.

В 1620—1621 годах Рубенс пишет «Персея и Андромеду». Дочь царя Кефея Андромеда принесена в жертву морскому чудовищу. Ее гибель неминуема. Но нежданно на помощь к ней является сын Данаи и Зевса — Персей. Потрясенная девушка благодарит героя. Персей отвернул от нее боевой щит с головой Медузы-Горгоны, при помощи которой он убил чудовище.

В известный мифологический сюжет художник внес биение жизни. Изумительное владение цветом и светом насыщает эту картину непередаваемым трепетом и движением.

Рубенс — гениальный колорист, и хотя его палитра очень сдержанна, он достигает поистине симфонических решений.

Фромантен пишет о мастере: «У него мало красящих веществ и в то же время величайший блеск красок, пышность при малой затрате средств, свет без преувеличений освещения, чрезвычайная звучность при малом количестве инструментов».

«Я ЗАДЫХАЮСЬ ПРИ ДВОРЕ...»

Копыта коней гремят по подъемному мосту. Старые башни, черные стены тесно окружили всадников, и они, спешившись, вошли под низкий свод. Долгий путь был окончен. Позади остались дороги, поля, высокое небо.

Придворный, разодетый и чопорный, проводил Рубенса до тяжелых дверей покоев и, церемонно поклонившись, исчез. Художник остался один на один с двумя застывшими стражами. Скрестив алебарды, они были немы, будто вырублены из скалы.

Рубенс подошел к окну. По аллее парка одиноко бродила девушка в голубом платье, впереди нее, как верная собака, важно шествовал павлин, сверкая драгоценным оперением.

«Мы рады вас видеть, Рубенс»,— раздался тихий голос. Художник вздрогнул. Перед ним стояла королева Мария Медичи.

...Через час Рубенс спускался по маленькой винтовой лестнице.

«О, эта знаменитая лестница,— думал он,— сколько ты видела тайных гостей. Лестница, твои стертые ступени ведут либо к славе, либо в небытие. Куда ведешь ты меня?...»

«...Я задыхаюсь при парижском дворе»,— писал позднее Рубенс своему другу Пейреску.

В другом письме он пишет, что устал быть так долго вдали от дома, он мечтает вернуться скорее в Антверпен, «где, слава богу, чума уменьшается с каждым днем».

Но злой рок рассудил по-иному, и Рубенс во второй раз приезжает в Антверпен к могиле. На этот раз к могиле любимой жены, погибшей во время эпидемии чумы.

«Воистину я потерял превосходную подругу...— пишет Рубенс о смерти Изабеллы Брандт.— Она не обладала никакими недостатками своего пола; она не была ни суровой, ни слабой, но такой доброй и такой честной... Эта утрата поражает меня до самых глубин моего существа. Я думаю, что путешествие помогло бы мне... ибо она одна наполняет мой опустелый дом, она одна покоится на моем опустелом ложе...»

И Рубенс вновь бросается в омут дипломатической деятельности. Он посещает Англию, Францию, Испанию. Он встречается с Карлом I, Букингэмом, Филиппом IV, Ришелье...

Не каждый выдержал бы нервное напряжение, которое предложила судьба Рубенсу.

Десятки картин каждый год выходят из-под его руки. Он пишет огромный, в 4,5 метра, холст «Поклонение волхвов» з а ш е с т ь д н е й!

Инфанта Изабелла дает ему одно за другим секретные поручения. Он ведет огромную переписку, часто тайную...

РУБЕНС РУБИТ УЗЕЛ

«В виду порта непрерывно крейсируют 32 голландских корабля, и легко может случиться, что между этими флотами произойдет столкновение. Тем не менее я полагаю, что мы будем придерживаться оборонительной тактики и первыми не нарушим мира. Но,— и здесь в голосе автора письма появляется металл,— буде английский флот хотя бы на шаг подвинется против флота Испанского Короля, тогда, поверьте, мир увидит скверную игру».

Трудно поверить, что это письмо написано великим художником, настолько профессионально сух и лаконичен его язык. В другом письме мы читаем: «Относительно Букингэма я вместе с Вашей Милостью полагаю, что он идет к гибели. Я откровенно написал об этом господину Жербье».

Жербье — это политический авантюрист родом из Антверпена, с ко-

торым судьба столкнула Рубенса. И он жил у него в Лондоне. Сам Букингэм, который покровительствовал Жербье, называл его «прожженным мошенником». На его совести было не одно темное дело. Так, например, он продал за 20 тысяч гульденов тайну заговора нидерландского дворянства, имевшего целью свергнуть владычество Испании.

Рубенс пишет: «Я очутился в настоящем лабиринте, днем и ночью осажденный множеством забот».

Он содействует ведению мирных переговоров между Англией и Испанией. Причем секретные совещания с Карлом I он проводил, одновременно писав его портрет. Его дипломатическая деятельность получает высокую оценку: Карл I пожаловал его в кавалеры Золотых шпор, Филипп IV облекает его званием секретаря тайного совета.

Но, несмотря на все эти почести, в душе художника зреет бунт. Рубенс отказывается от своей тяжкой миссии тайного дипломатического агента, он с удовлетворением пишет своему другу Пейреску: «Судьба и я, мы испытали друг друга... Я мог бы доставить историку точные и правдивые сведения, весьма отличные от тех, которым придают веру вообще.

...Вот тогда-то я и решился рассечь золотой узел... и вернуть себе свободу... и, воспользовавшись коротким секретным путешествием в Брюссель, бросился к ногам Ее Светлости и умолил ее... позволить мне служить ей, не покидая дома».

Итак, золотая цепь инфанты Изабеллы рассечена, но ее звенья еще крепко связывают художника. И только смерть инфанты принесет ему желанную свободу.

САД ЛЮБВИ

«Я решил снова жениться,— пишет Рубенс другу,— потому что не чувствовал себя созревшим для воздержания и безбрачия. Я взял молодую жену, дочь честных горожан, хотя меня со всех сторон старались убедить сделать выбор при дворе... Я хотел иметь жену, которая бы не краснела, видя, что я берусь за кисти, и, сказать по правде, мне показалось жестоким потерять драгоценное сокровище свободы в обмен на поцелуи старухи».

6 декабря 1630 года состоялось бракосочетание Питера Пауля Рубенса, «кавалера, секретаря тайного совета его величества и камер-юнкера ее высочества принцессы Изабеллы», с Еленой Фоурмен.

Елене было в ту пору шестнадцать лет. Белая, румяная, веселая, точно языческая богиня, она была воплощением мечты Рубенса. Художник любуется ею. Счастливый, он и в своих картинах воплощает стихийную силу всепобеждающей любви. Почти все лучшее, написанное Рубенсом в последнее десятилетие, освещено этим чувством.

Стремясь покончить с парадными заказами, он покупает загородное имение Стен, куда и переезжает из Антверпена.

Он пишет пейзажи, в которых воспета родная земля Фландрии.

«Я глубоко преклоняюсь перед величием античного искусства, по следам которого я пытался следовать»,— говорит художник.

В эти годы им создан прелестный эскиз «Меркурий и Аргус» и «Вирсавия», воспроизведенные на вкладке. «Меркурий и Аргус» — трогательный миф о возлюбленной Юпитера, которую Юнона — гневная жена владыки богов — превратила в корову. Охрану несчастной Юнона поручает стоокому Аргусу.

Меркурий убивает Аргуса и освобождает Ио.

«Вирсавия». В этой картине мощно звучит основная тема живописи Рубенса: восхищение неиссякаемой, бьющей ключом жизнью и всепобеждающей ее красотой.

Темой картины служит история любви царя Давида к жене Урии Хеттянина — Вирсавии. Однажды при прогулке царь увидел ее во время купания и полюбил ее.

Какой-то удивительной, чарующей свежестью веет от картины. Она написана будто вчера. Легкая, в одно касание живопись порою почти акварельна по манере, но в то же время мощна по пластике, по полноте жизненных сил.

Делакруа говорил Эдуарду Манэ: «Надо видеть Рубенса, надо Рубенсом проникнуться, надо Рубенса копировать, ибо Рубенс — Бог».

Вершина творчества последних лет — картина «Шубка» из собрания Вены. Возможно, художник не задавался целью специально писать портрет жены. Он, видимо, создан всего лишь в перерывах, когда Елена Фоурмен отдыхала от утомительного позирования. Эта незаданность, эта полная раскованность и помогли создать шедевр.

Рубенс переживает самую счастливую пору своей жизни, он счастлив так, как только может быть счастлив смертный.

Но недуг, много лет терзавший художника, властно заявляет о себе. Приступы ревматизма резко участились, страдания стали невыносимыми.

27 мая 1640 года Рубенс составляет завещание. 29 мая нечеловеческие боли истощают его силы. У изголовья художника молодая жена. Беременная, она вдвойне беспомощна. Сутки продолжается сражение Рубенса со смертью, сердце не выдержало, и днем 30 мая 1640 года великого художника не стало.

В приходских книгах значилось:

«2 июня была отслужена заупокойная месса по мессеру Питеру Паулю Рубенсу... Тело сопровождал хор церкви Богоматери и 60 факельщиков, причем факелы были украшены крестами из красного шелка...»

Он умер. Наследники быстро распродали коллекции, часть которых была приобретена Людовиком XIV и положила начало Луврской галерее.

КОРОЛЬ ЖИВОПИСЦЕВ И ЖИВОПИСЕЦ КОРОЛЕЙ

Энциклопедическая натура Рубенса феноменальна. Славнейший живописец своего времени, эрудит, блестящий дипломат и в довершение всего ученый-антиквар, он умел не только ценить и приобретать, но и ловко пристраивать свои коллекции.

Его искусство вести ажурную, а порою весьма опасную игру с самыми представительными государственными деятелями эпохи, его макиавеллизм достойны удивления. В нем поразительно сочетался гениальный художник с деловым человеком, взлеты таланта — с весьма ординарными заботами купца средней руки. Калейдоскопическая ткань его карьеры дипломата, наполненная бесконечными странствиями, со сложным переплетением интриг, удач и поражений, великолепно уживалась в нем с поистине вулканической энергией творца. Любой, изучая его наследие, поразится масштабности созданий Рубенса.

Рубенс умел находить в давно известном, банальном сюжете ему одному ведомый ключ; и под прикосновением его кисти история сразу озарялась волшебным светом неисчерпаемой фантазии, порою, правда, окрашенной легкой улыбкой все знающего и много повидавшего человека. Самыми драгоценными в наследии Рубенса стали картины, в которых художник свободно и увлеченно, порою используя мифологические или библейские сюжеты, пишет своих любимых, пишет саму жизнь.

Ученики. Это слово звучит особенно, когда мы вспоминаем имена его помощников: Ван-Дейка, Иорданса, Снайдерса. Но, кроме этих, по существу, соратников Рубенса, были десятки ныне забытых художников, помогавших выпускать огромную, почти фабричную по размеру продукцию «фирмы Рубенс». Собрания мира буквально заполнены подобного рода картинами, где сам автор, создав эскиз, лишь проходил в конце готовый холст. И все же размах поставленного дела (более двух тысяч картин) и уровень выучки и мастерства помощников создали Рубенсу мировую славу.

Но не за это ценим мы сегодня Рубенса. Художник в течение своего долгого творческого пути, а особенно в поздний период, создал произведения, в которых с особенной, ему одному присущей жизнерадостной мощью воспел бытие, воспел жизнь со всеми ее усладами.

Много воды утекло с тех пор, как жил и творил Рубенс. Многое произошло в мире, многое изменилось в искусстве. Много сломано копий в поисках истины. Но так же, как столетия тому назад, каждый день восходит солнце, люди любят и страдают, как и столетия назад, смеются дети.

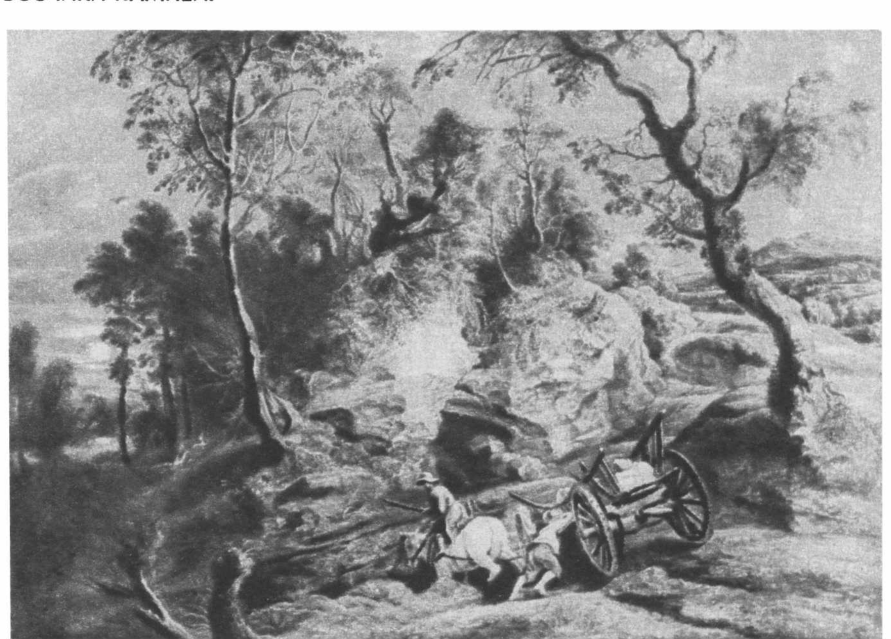
И, глядя сегодня на картины великого художника, мы с особенной остротой вспоминаем слова Крамского:

«Говоря по правде, мы лепечем. Вот старые мастера говорили».

П. П. Рубенс. ПЕЙЗАЖ С РАДУГОЙ.

ВОЗЧИКИ КАМНЕЙ.

Остановись, человек!

Ия МЕСХИ

«Больно вновь возвращаться к пережитому. Ведь ничего, кроме стыда, не может вызвать это воспоминание. Конечно, я мог молчать, думая, что время в конце концов поможет забыть совершенное. Но думать так было бы нечестно. Во-первых, ни время, ни что-либо другое не в силах вычеркнуть из сознания урока, преподанного жизнью. Во-вторых, молчание само по себе — неопределенность. А людям, имевшим все основания оттолкнуть меня, но тем не менее пошедшим навстречу, я просто обязан ответить, насколько верно понято мной их отношение и в какой степени происшедшее оказало на меня воздействие...»

Длинное-предлинное письмо, в котором подкупает искренность и в то же время настораживает какая-то излишняя словесная вязь. А в общем, сквозит характер, каков он есть,— сложный, нелегкий характер человека, только что начавшего выкарабкиваться из большой беды. А в конце письма — подпись: «Александр Оболадзе, проходчик бригады коммунистического труда на строительстве Тбилисского метрополитена».

Итак, факты, одни только факты.

В кафе «Метро», в районе площади Руставели, он знакомится с неким иностранным журналистом и, неплохо владея английским, завязывает с ним беседу о разных, преимущественно нелучезарных сторонах житья-бытья.

Через несколько дней он встречается с тем же журналистом в другом кафе (подвальчик, экзотика, горячие хачапури!) и за бутылкой шампанского сообщает ему, что в Закавказье действует подпольная организация молодежи, которая борется против существующего строя. Может быть, нужны доказательства? Они будут. Хотя бы даже завтра, в таком-то часу, на горе Мтацминда.

На следующий день, забежав на почту, он сочиняет в один присест «Воззвание к американскому народу» якобы от имени грузинской молодежи. Вместе со своим приятелем, посвятив его во все, он поднимается на Мтацминда, в Пантеон писателей и общественных деятелей Грузии. Здесь он вручает журналисту «воззвание».

Под праздник он пишет мелом на стенах домов провокационные лозунги.

На следующий день срывает выставленный у входа в магазин Государственный флаг республики, заворачивается в этот флаг и паясничает на улице.

Во время концерта артистов эстрады из ГДР он врывается на сцену и танцует дикий твист, который прерван уничтожающей репликой конферансье: «Теперь я уже нисколько не сомневаюсь в происхождении человека от обезьяны!..»

После встречи в кафе он «трудится» с фотоаппаратом в руках. На улицах старого Тбилиси его привлекают давно не ремонтируемые, предназначенные к сносу дома, плохо одетые люди, калеки... Причем пленку он хранит не дома, а у другого своего приятеля. И там же — вырезанные из газет и журналов самые резкие критические материалы.

Что еще? Как будто достаточно.

Майор государственной безопасности Георгий Матвеевич Двалидзе, в руках которого сосредоточивается весь этот букет, имеет все основания поставить вопрос о том, чтобы оградить общество от подобного субъекта. Подпольная организация—это, конечно, миф. Газетные вырезки и фотографии не государственная тайна. Все это неважно. Важно то, что ходит по родной земле и паскудит человек, переполненный злобой (можно сказать, бессильной злобой!) ко всему, что его окружает. И он может принести и уже в какой-то степени приносит вред обществу, государству, народу.

Но прежде чем что-либо предпринять, Георгий Матвеевич приглашает его к себе.

И вот перед ним — юноша примерно двадцати лет. У него, можно сказать, славное лицо. Говорит он искренне и горячо. Как ни странно, нет в нем ни цинизма, ни развязности. Неужели этот кривлялся?

Живет с родителями, в хорошо обеспеченной семье. Учился в Ленинграде, в лесотехнической академии, но ушел, потому что «стало неинтересно». В Тбилиси бездельничает, пописывает стихи, но главным образом занят тем, что, болтаясь по ресторанам и кафе, пытается определить свое отношение к действительности. В такое-то время и появляется внимательный собеседник с импонирующими взглядами на жизнь. Много ли нужно, если человеку нет и двадцати лет, если он, как говорится, не нюхал жизни и в голове у него страшная путаница!

И Георгий Матвеевич решает: нет, его не надо так легко в чужие руки отдавать, за него стоит побороться.

С Георгием Матвеевичем соглашаются. И вот что происходит дальше...

В клубе битком набито. Торжественны судьи. На скамье подсудимых трое. В передних рядах родители. Зал взволнован только что оглашенным обвинительным заключением. Летят реплики. Идет Суд Чести тбилисской молодежи.

Из выступления Сулико Хабейшвили, председателя суда, секретаря горкома комсомола:

— Всюду, куда только дотянется его рука, наш Суд Чести призван выносить истину на свет. Мы поднимем голос против тех, кто своими поступками, словно грязью, обдает сегодняшнее поколение.

Из выступления Гии Абашидзе, студента Тбилисского государственного университета:

— Оболадзе и его приятели прежде всего виноваты перед нами, перед молодежью столицы нашей республики, от имени которой они пытались порочить нашу Родину. Они заслуживают самого сурового наказания, и мы с вами должны здесь решить их дальнейшую судьбу.

Из выступления М. Менабде, инженера:

— Помогите,— пишут,— американский дядюшка! Посылаем вам фотографии. Покажите их американскому народу. Пусть узнают, как у нас один дом покосился, как у нас хромые по улицам ходят. Ой, когда же у нас в Закавказье будут ковбои?!

А из Америки неутешительные сообщения: — Хелло, мальчики! Держите так! Но придется вам держаться одним... Нам сейчас не до вас, мистер Оболадзе! У нас много своих хлопот. Один только совет даем: не надо учиться и не надо работать. Пусть все увидят, как трудно строить коммунизм без вас. Смотрите, чтобы покосившийся дом не выпрямился, чтоб люди не стали одеваться элегантнее! С приветом!..

Конфуз. Конфуз!.. Сколько ты, Шурик, мыслил-мыслил, а получился пшик...

Из выступления Наиры Чихория, студентки мединститута:

— У вас есть возможность проанализировать ваши поступки. И если вы действительно придете к выводу, что нельзя жить в обществе, не считаясь с ним, мы вам поможем, ибо знаем, что в душе даже самого отпетого человека есть чуточку хорошего.

Из выступления Давида Ломадзе, члена партии с 1916 года:

— Я был за границей. 11 лет жил там и знаю, что ни один порядочный немец, француз, итальянец не станет фотографировать свой свинарник и показывать приезжему: смотрите, мол, как живет моя страна! Это просто невежественно и гнусно. Тем более, что сам Оболадзе живет великолепно. Но дело сейчас не в том, чтобы посадить его в худшие условия жизни, а в том, чтоб сделать так, чтоб в скором времени можно было сказать: вот и Оболадзе стал человеком!

Из выступления Ираклия Цицишвили, профессора, Героя Советского Союза:

— Когда мы защищали Москву, мне было 20 лет, то есть столько, сколько им теперь. Некоторые думали: проиграли войну и все рушится. Но неужели все, что завоевано кровью наших отцов, могло вдруг исчезнуть? Конечно, нет! Нас держало чувство любви к Родине. Самое страшное, когда люди живут на свете без этого чувства. Но бывает и так. Сядут приятели за стол, поднимают тосты за Родину, за народ. Выглядят патриотами. А любовь к Родине — это ведь каждый полезно прожитый час жизни...

Из выступления Тамаза Вашадзе, бригадира бригады коммунистического труда на строительстве метрополитена:

— Я очень возмущен, просто потрясен вашим поведением! Особенно вашим, Оболадзе! Вы никогда не работали и не знаете цены труда. Если б вы знали, что значит ждать зарплату, получить ее и понести домой, никогда бы этого не сделали!

Когда вы встретились с иностранным журналистом в кафе «Метро» (Оболадзе, смотрите в мою сторону! Перед вами стою я, рабочий, которого вы оскорбили!), сказали ли вы ему, что на этом месте будет станция метрополитена и ее строит грузинская молодежь? Настоящая грузинская молодежь — это такие, как наши шахтеры. Нашему начальнику шахты тридцать лет, а всем остальным— от двадцати до двадцати пяти. Наша молодежь — это такие, как Наира Гоготадзе, которая по две тысячи тонн чая собирает. А что ты

собираешь, Оболадзе, объясни? В сорном ящике что-то ищешь?

Тут есть снимки, которые сделал Оболадзе. Якобы вот так люди в Тбилиси ходят... В каждом городе есть люди, одетые лучше и хуже. Но у нас на проспекте Руставели ходят одетые так, как во многих городах не одеваются. Как же тебе не стыдно, Оболадзе!

Когда ты встретился с тем журналистом на Мтацминда, у могилы Важа Пшавела, ты не сказал ему, что вот здесь лежит грузинский поэт, юбилей которого недавно справлял весь Советский Союз? Нет, ты плел чепуху от имени грузинской молодежи и позорил нас. И еще помощи просил! Никто тебе не поможет. Это ты, Оболадзе, запомни и не отворачивайся, смотри мне в глаза, как я в твои смотрю. Ты достоин большого наказания. Но я хочу сказать: давайте попробуем сделать из него человека!

Из выступления Александра Оболадзе:

— Мне нечего говорить. Оправдываться на моем месте просто глупо, и я не собираюсь этого делать. Я только одного хочу: чтоб вы поверили, что я говорю искренне. Измениться за час, за день невозможно. Все мои поступки были результатом моего неправильного мировоззрения...

Из зала:

— О каком мировоззрении вы говорите?

Оболадзе:

— ...Я хочу сказать, что у каждого человека есть свое мировоззрение, и его нельзя так сразу изменить...

Из зала:

— Ты, подлец, говори, почему ты это делал?!

Оболадзе:

— ...Я хочу, чтоб мне поверили...

Из зала:

— Ты осквернил всю нашу молодежь!

Оболадзе:

— Я многое понял, но разве вы сейчас можете мне поверить? Вы же не можете залезть в мою душу и увидеть, что сейчас в ней! Я только одного хочу, чтоб вы поняли, что я все понял.

Из зала:

— Работать будешь?

Оболадзе:

— Конечно! Буду делать все, если только мне поверят...

Из зала:

— Как складывалось твое мировоззрение?

Оболадзе:

— Это трудно сказать. Я был эгоистом. Я считал, что все создано для меня, что я должен совершить необыкновенное. Мне всегда хотелось казаться особенным...

* * *

Вечер закончился так: подсудимых отдали на поруки молодым рабочим Тбилиси. Оболадзе попал в бригаду Тамаза Вашадзе, что работает в забое под тем самым пресловутым кафе.

И вот через полгода — письмо в адрес Суда Чести: «...В редкие минуты отдыха мы мечтаем о том, как по одетым в бетон тоннелям помчатся первые поезда. А потом снова начинается бой за каждый сантиметр породы, за каждый шаг вперед. Борьба и победа, которые стоят усталого тела и соленого пота...»

Это правда — человеку не измениться ни за час, ни за день. Даже за полгода не вытряхнешь весь мусор из головы. И все же полгода — это уже кусок жизни. Можно за это время сделать ряд небольших личных открытий. Например, увидеть, что утро — лучшая пора дня. И не потому, что хорошо вокруг, а потому, что хорошо внутри тебя. Вот ты идешь в смену вместе с другими, и тебя уже не шатает от усталости, не ноет спина, как это было в первое время. Ты преодолел свои слабости, стал выносливым и крепким, как все. Удивительно, но, оказывается, приятно быть таким, как все. Оказывается, когда толкаешь вчетвером вагонетку, главное не в том, чтобы показать свое усилие и усердие, а в том, чтобы сделать это усилие незаметным для других. Оказывается, мировоззрение — это ви́дение мира, в котором ты живешь, а не созерцание его со стороны. И многое еще оказывается...

Я спустилась в шахту под площадью Руставели. Это самый заводненный участок метростроя. Вода тут сочится из трещин в крепком скальном грунте, бьет по каске, хлюпает под ногами. Воду еле успевают откачивать электронасосы.

Я посмотрела, как работает бригада Вашадзе; четверо крепких парней, и Шура Оболадзе среди них. Никак не отличишь. Бригадир отзывается о нем односложно: мол, парень держится вровень с бригадой, не тянет ее назад. Поговорили о том, о сем, кто где учится (двое — студенты-горняки) и далеко ли еще до площади Ленина (да мы почти под ней!). Видимо, на этом и беседе конец. Но тут случилось непредвиденное: город отключил электроэнергию, авария какая-то случилась, и шахта погрузилась во тьму. Умолкли механизмы, вода таинственно зашевелилась под ногами. Сначала мы стояли в напряженном ожидании. Потом, свыкнувшись, разговорились. Никогда так не разговоришься, как в обстановке, выходящей из ряда вон.

Вот тут-то Шура и сообщил мне о своих «открытиях». Спрашивал, может ли служить темой произведения просто процесс труда. Ему кажется интересным и возвышенным сам по себе этот процесс. Потом он рассказывал о своих новых товарищах и говорил, что ему с ними хорошо. А то вдруг загорячился, что хочет уехать на большие стройки, в Сибирь, где природа посуровее, и, следовательно, человек там быстрее освобождается от дурного в характере своем...

Однако прошло чуть ли не два часа, насосы по-прежнему стояли, и шахту начало основательно заливать. Пришлось идти. Это было под проспектом Руставели. «Где мы сейчас?» — спрашивала я, чтоб вызвать образ города, который шумел там, наверху. «В районе Дома связи». «А сейчас?» «Около консерватории...»

Но бывает, наверно, и так: идет Оболадзе по проспекту и представляет: «Здесь поворот к нашему забою, а теперь штольня, которая ведет к наклонному стволу... Кто сейчас в смене? Сколько прошли?..»

Совсем другим голова занята.

А началось с того, что в человеке увидели не только черное. Потом показали ему, что такое гнев многих живых сердец. Наконец, кончились речи и пошла обыкновенная, простая и мудрая в своей простоте жизнь. Никто не поскупился ни на время, которого всегда мало, ни на душевное тепло.

Сашина

Александр РЕШЕТОВ

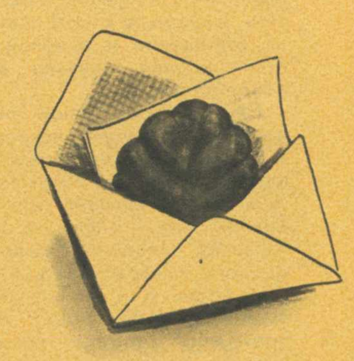

Не из сказки,
Не царевну —
Городскую девочку
Привезли весной в деревню
К бабушке и дедушке.
Рад был дед белобородый,
Рада бабушка была,
Говорила:
— За полгода
Саша очень подросла.
Папа с мамой поглядели:
— Все равно невелика.
— А у нас за две недели
Подрастет наверняка!
— Почему за две недели?
Пусть живет здесь до зимы.
— Мы бы сами так хотели,
Но ведь служащие мы.
— И служите на здоровье,
А у нас с ней службы нет,—
Так сказал,
Пригладил брови,
Бороду потрогал дед.

* * *

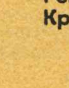

Пролетели две недели,
Словно гуси-лебеди.
Яблони цвели-белели
В солнце,
В громе,
В лепете.
Словно бабочки, легки,
С дедушкиной яблоньки
Облетают лепестки,
Скоро будут яблоки.
Будут яблоки расти,
Станут краснобокими.
Можно будет потрясти
Веточки высокие!

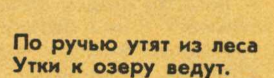
* * *

А за яблонями грядки.
Их полоть и поливать
Не поможет мама бабке:
Надо маме уезжать.
Может быть, поможет внучка,
Может быть, поможет дед,
Может быть, польет их туча?
И чего на грядках нет!
Словно елочки, морковка
Поднимает хохолки,
Репа выбросила ловко
Круглые свои листки...

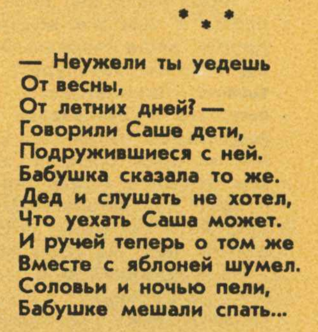
* * *

А за грядками малинник,
За малинником — ручей.
То он черный,
То он синий,
То он рыжий от лучей.
Что есть сил бежит он мимо,
Мимо горок,
Гнет кусты.
Дед поймал в ручье налима,
Папа наловил плотвы.
У ручья есть гнезда птичьи,
Есть гнездо и над ручьем,
Скоро пять рябых яичек
Станут птенчиками в нем.
Неизвестно, что за птаха
Дом решила строить свой,
Выводить птенцов без страха
Над бегущею водой.
Но должна быть дома птица,
Прилетит в гнездо свое.
Надо выждать, притаиться,
И посмотришь на нее.
Из ручья, здесь всем известно,
Летом лоси воду пьют.

По ручью утят из леса
Утки к озеру ведут.

* * *

— Неужели ты уедешь
От весны,
От летних дней? —
Говорили Саше дети,
Подружившиеся с ней.
Бабушка сказала то же.
Дед и слушать не хотел,
Что уехать Саша может.
И ручей теперь о том же
Вместе с яблоней шумел.
Соловьи и ночью пели,
Бабушке мешали спать...

Пролетели две недели,
Папа с мамою жалели,
Что им надо уезжать.

Все ответа Саши ждали.
И она дала ответ.
— Вот и умница! —
Сказали
Папа,
Мама,
Баба,
Дед.

МАЛЫ

поэма

* * *

Ходит к станции машина
Из колхоза. Вот на ней
Папа с мамой:
— Помаши нам,
Дочка, рученькой своей!
Всех ее ручонка выше,
Машет с дедова плеча.
— Скоро мы тебе напишем!
— Мы приедем!
— Не скучай!

Но когда, шурша, колеса
Заработали, пошли,
Ослепили Сашу слезы,
Слезы Сашу подвели.
Раньше всех не видно стало
Нашей Саше, ей одной,
Ни того, кому махала,
Ни машины той большой.

* * *

Ей четвертый годик — мало.
Письма пишут за нее.
Саша к письмам рисовала
Приложение свое.
Нажимала с чувством, с толком
На свои карандаши.
Вот утят рисует желтым,
А зеленым — камыши.
Правда, бабке было надо
Пояснять припиской тут:
Рисовались, мол, утята,
В камыши они плывут.

Может, ястреб напугал их,
Может быть, нечаянно
Саша их вспугнула, малых,
С берега песчаного.

Но однажды отложила
Саша все карандаши.
И к письму она решила
Не рисунок приложить,
А листок пахучей мяты.
Одобряли Сашу все.
«Как додуматься могла ты?» —
Папа спрашивал в письме.
Только дед сказал:
— А все же
Не ленись ты рисовать,
Ведь в конверт никто не может
Яблоню запаковать
И дроздят, летящих в поле,
Распрощавшихся с гнездом;
Скакунов-телков тем боле
Не послать никак письмом...

Целый сад,
Подпорки даже,
Помогавшие ему,
В Ленинград послала Саша
Приложением к письму;
Даже парус над водою
И дорожку на воде,
Даже деда с бородою
И с пчелой на бороде!..

Знать, не зря купил цветные
Папа ей карандаши.
Говорит он, что иные
Из рисунков хороши.

Лето длилось, не скупилось —
Сколько помнится всего!
А про то совсем забылось,
Как от слез не видно было
Ни машины,
Ничего.

Ленинград.

ШАМ

Горсть загадок

Франтишек
ГРУБИН

1

Сдунул ветер на ходу
Тучку-шапку с рога,
И горит уже в пруду
Рог тот недотрога:
Блещет рыбкой золотой —
Не схватить его рукой!
(Месяц.)

2

Едва только солнце над
лугом взойдет,
Как тотчас в травинках
часы заведет:
— Цвр! Цвр! Цвр!
Чуть солнце смежит свой
единственный глаз,
Как месяц будильник
заводит тотчас:
— Цвр! Цвр! Цвр!
(Сверчок.)

3

Задрав головку, свысока
Зазнайка смотрит вдоль
лужка.
Нет, он не скинет нипочем —
И просить напрасно—
Перед солнечным лучом
Красивой шляпки красной.
Но только ветер набежит,
Зазнайка шляпку снять
спешит.
(Мак.)

Перевела с чешского
Ирина Воробьева.

Рисунки В. Черникова

Карл Маркс—И. Кваша, Матильда Гейне—А. Будницкая.

Кадр из нового фильма

Пришла весна на крупнейшую киностудию нашей страны — «Мосфильм».

Стремясь не упустить солнце, многие съемочные группы вышли на натуру — во двор студии.

Но и в павильонах горячая пора.

Григорий Рошаль ведет съемку фильма «Карл Маркс». По замыслу авторов картины, деятельность Карла Маркса и Фридриха Энгельса будет показана на фоне исторических революционных событий. В фильме поэтому много массовых сцен. Некоторые сцены снимались в Германской Демократической Республике, куда ездила съемочная группа.

Широко известен роман Александра Чаковского «Свет далекой звезды». Герои одноименной картины, поставленной Иваном Пырьевым,— наши современники. Главную женскую роль играет молодая актриса Л. Скирда.

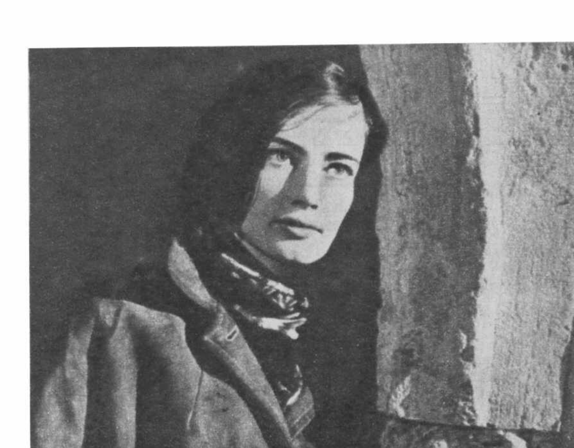

Коль скоро речь зашла о кинематографической молодежи, то нам хочется упомянуть картину «Герой нашего времени». Она снимается на студии имени Горького Станиславом Ростоцким. В ролях лермонтовских героев — молодые киноактеры: Владимир Ивашов, Светлана Светличная, Коля Бурляев,— с ними вы уже не раз встречались. Роль самого Лермонтова — дебют Александра Орлова.

А это Виктория Федорова. Она недавно дебютировала в короткометражном фильме «Двое», поставленном на Рижской киностудии режиссером-дебютантом Михаилом Богиным.

Успех Виктории доказывает преемственность таланта: она дочь известной киноактрисы Зои Федоровой.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОГОНЁК КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КРЫЛЬЯ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Борис БУРКОВ

Фото автора.

II

Мы едем по побережью Карибского моря. Шофер показал место, где будет поставлен памятник погибшим в битве на Плайя-Хирон. Едем по хорошей асфальтированной дороге, построенной уже после революции. А вот и аэродром, на который пытались высадиться непрошеные пришельцы.

— Но мы этот аэродром тогда разбили,— поясняет Хорхе, наш гид.

Когда проезжаешь мимо кубинских деревень, то каждый раз кажется, что не хватает каких-то деталей в домах. Только после догадываешься, что все здания без труб! Тут ни в одном доме нет отопления, нужды в этом нет: зимой — в январе, декабре — примерно +20°, а летом — совсем жарко...

В Санта-Клара, столице провинции Лас-Вильяс, нашу делегацию встречает первый секретарь провинциального комитета партии товарищ Арнольдо Милиан. Он уже не молод. Добродушное лицо, приятная манера задушевно разговаривать — все располагает к себе.

— В Санта-Клара,— рассказывает Милиан,— с помощью советских инженеров построен механический завод, оборудованный уникальными станками. Специалистами Чехословакии построен завод по производству холодильников и других бытовых аппаратов. В провинции 47 сахарных заводов.

Мы узнали, что в провинции 5 тысяч членов партии. Кубинские товарищи рассказали о порядке приема в партию. В ее ряды принимают людей, отвечающих высоким требованиям революции. На общем собрании рабочих объявляется о тех, кто принят в партию. В торжественной обстановке им вручаются партбилеты.

Пять основных требований предъявляется к тому, кто хочет быть членом Единой партии социалистической революции Кубы:

1. Вступающий не должен быть участником выборов 3 ноября 1958 года, проведенных Батистой.
2. Вступающий в партию должен быть примером в труде.
3. Должен быть честным и справедливым в отношениях к товарищам.
4. Должен принимать участие в народном ополчении, то есть в народной милиции.
5. Должен быть морально устойчивым человеком.

Одна из секретарей Гаванской федерации женщин, Айде Дуран Фернандес, сопровождающая нас в путешествии, показала свой партийный билет Единой партии социалистической революции Кубы. Взносы отмечаются марками. На марках изображены Маркс, Ленин и герои кубинского народа: Сьенфуэгос, Кастро, Мелья, Паис...

Мы посетили механический завод, построенный с помощью Советского Союза. Здесь станки из Краснодара, Рязани, Москвы, Одессы, Коломны, Воронежа, Краматорска, Минска, Киева. Несколько станков особенно высокой точности.

— Это наша гордость!— говорят рабочие.

Рядом с механическим заводом Польская республика помогает кубинцам строить сталеплавильное предприятие.

На Кубе три университета: в Гаване, Сантьяго, Санта-Клара. Ректор Центрального университета (так называют университет в Санта-Клара — городе, расположенном в Лас-Вильяс —центральной провинции) встречает нас словами:

— Мы рады принять советских гостей. Крепка дружба наших народов. Будьте как дома!

На четырех факультетах этого университета обучаются 2 300 студентов. Сельскохозяйственный факультет обращает особое внимание на подготовку специалистов для сахарной промышленности. У всех университетов Кубы установлены дружеские связи с учебными заведениями социалистических стран. Центральный университет особенно тесно дружит с нашим Киевским.

Здесь недавно был ректор Киевского университета. Он подробно рассказывал о жизни своих студентов, о различных студенческих организациях.

У Центрального университета хорошие опытные поля, где выращиваются большие урожаи. В университете учатся три советских аспиранта, а также студенты из стран Латинской Америки.

Мы осмотрели библиотеку, театр на тысячу мест, великолепный спортивный зал, который, как нам объяснили, считается лучшим во всей Латинской Америке, два бассейна.

Вечером товарищ Милиан продолжил свой рассказ о центральной провинции Кубы.

35 процентов площади провинции занимают индивидуальные хозяйства, а 65 процентов земли принадлежат государственным предприятиям. В провинции насчитывается 45 тысяч крестьянских хозяйств; из них 26 тысяч выращивают сахарный тростник и 15 тысяч — табак.

Оргсекретарь провинциального комитета партии Рене Атильо познакомил нас с тремя формами кооперирования в деревне.

Первая форма — крестьянская ассоциация, объединяющая около 35 процентов крестьян провинции; группы единоличников от 50 до 170 семей каждая выбирают руководство, определяют взносы. Этим и заканчивается, по существу, их кооперирование. Кредиты от государства единоличные хозяйства получают отдельно на каждое хозяйство.

Вторая форма — кредитный кооператив, объединяющий более 60 процентов крестьян. Это более высокая форма организации, имеющая общий фонд. Из этого фонда кооператив приобретает необходимую коллективную собственность: машины, помещение и т. д. Земля остается частной собственностью.

И, наконец, третья форма кооперирования — коллективное хозяйство, когда крестьяне совместно обрабатывают землю, получают оплату по трудодням, имеют общий кооперативный фонд. Таких хозяйств на Кубе пока еще мало.

По дороге в провинцию Камагуэй встречаются ярко-желтые комбайны для уборки сахарного тростника. Узнали их: наши, советские машины! Несколько сот таких комбайнов привезено в этом году на Кубу из Советского Союза.

Дорогу все чаще и чаще окружают поля сахарного тростника. Иногда они тянутся на многие километры — высокий сочный тростник стоит сплошным лесом.

Наша спутница Айде Дуран Фернандес рассказывает о своей семье. У нее 9 сестер и 7 братьев. И лишь один из братьев не захотел примкнуть к борющемуся народу, остался просто обывателем.

Ежегодно в начале второй недели мая на Кубе проводится День матери, и вот тогда Айде и ее братья и сестры, все их огромное семейство собирается в Гаване у матери. Приезжают родные, их иной раз набирается человек 40—50.

— Целая армия!— смеется Айде.

Не успели мы проехать и сотни метров по провинции Камагуэй, как к нам подъехали два мотоциклиста в белых шлемах и военной форме.

— Советская делегация?— поинтересовались они.

И узнав, что не ошиблись, возглавили небольшую автоколонну. За 10 километров до Камагуэя к нашему небольшому эскорту присоединяются еще 15 мотоциклистов. На окраине Камагуэя нас встречают первый секретарь комитета партии Филипе Торрес и оргсекретарь Хосе Фуэртэс. На небольшой площади, заполненной народом, воздвигнута трибуна. Нашу машину здесь ждут уже более трех часов.

Хосе Фуэртэс приветствует делегацию. Затем выступает Владимир Комаров, встреченный бурными аплодисментами. Комарова буквально заваливают цветами и сувенирами. Наши машины проезжают по улицам города, и мы оказываемся в заново отстроенном поселке, названном народом «Ленинский мир».

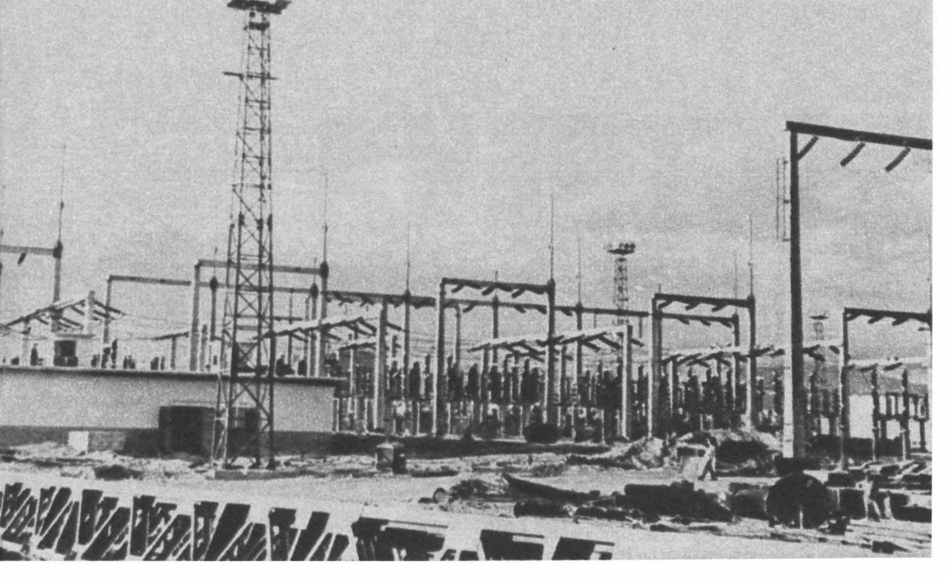
В загородном ресторане торжественный обед в честь нашей делегации. Здесь много кубинских друзей и наших советских специалистов. Выступают руководители провинции, выступает поэт Рауль Ферер; трио гитаристов исполняет в честь делегации свои песни, а потом полюбившийся кубинцам танец «мосамбике» танцуют и партийные работники, и советские специалисты, и молодежь, и пожилые. В зале приподнятое, праздничное настроение. Рауль Ферер горячо призывает крепить дружбу народов.

— Мы любим советский народ!— восклицает поэт.— В этой любви наша сила!

В зал вбегают пять молодых рубщиков сахарного тростника в спортивной форме. Один из них держит горящий факел. Молодые рабочие рапортуют советской де-

---

Окончание. См. «Огонек» № 21.

Электростанция, построенная совместно с Советским Союзом.

В парке Дружбы народов в Санта-Мария. Кубинские школьники и секретарь Ждановского райкома КПСС Москвы Алла Шапошникова.

легации о выполнении ими сегодняшнего производственного плана и вручают на память Владимиру Комарову мачете...

* * *

Провинция Ориенте. Еще ярче, чем прежде, солнце. Еще богаче природа. Вдали видны силуэты гор. Вдоль дороги пальмы вперемежку с какими-то другими деревьями, кроны которых похожи на огромные стога сена. Пальмы и эти пышные деревья то сходятся в рощу, большую или малую, то спешно разбегаются по полю в одиночку или группами, уступая место пастбищам, огороженным деревянными изгородями.

В тридцати километрах от Сантьяго находится местечко Сибоней. Здесь в 1953 году молодые кубинские революционеры сосредоточили свои силы, чтобы отсюда начать наступление на кубинскую реакцию. В небольшом домике сейчас находится музей. У калитки дома памятная табличка сообщает о гибели Абеля Сантамария. Памятными табличками помечена вся дорога от Сантьяго до Сибонея. На них имена погибших героев, тех, кто героически сражался 26 июля 1953 года, участвуя в штурме казарм Монкада.

Выставка в музее рассказывает о подготовке этого дерзкого и смелого штурма. Фотографии воскрешают образы погибших молодых революционеров. Здесь же фотографии Фиделя Кастро и его брата Рауля Кастро. Нельзя без волнения смотреть на фотографию сестры Абеля Сантамария — Айде Сантамария с ее подругой Мельбой Эрнандес за тюремной решеткой.

Посетители осматривают цементный колодец, где революционеры прятали оружие. А дальше забор, который скрывал приходящие машины от взора полиции. В музее военные костюмы, снаряжение повстанцев. Под стеклом титульный лист из двухтомника Ленина: эту книгу читал Абель.

Сибоней — тихое живописное место. И трудно представить себе, что совсем недавно в этих местах шли упорные бои молодых смельчаков с армией Батисты, что недалеко отсюда в военной тюрьме истязали Абеля Сантамария и его сподвижников.

Спустя несколько лет повстанческая армия смелыми маневрами заставила сдаться обученные и отлично вооруженные войска наемников американских империалистов...

Несколько часов мы провели в центральном школьном городке имени 26 июля на территории бывших казарм Монкада. Здесь сейчас свыше 6 тысяч учащихся. Начальная и средняя школы, подготовительные отделения в высшие учебные заведения, различные курсы повышения образования...

Директор подмосковного совхоза «Красный луч» Вячеслав Никулин передает школьникам письмо от советских ребят и пионерский вымпел. Юные друзья из Сантьяго передали нам ответное письмо и свой вымпел. Дети продолжают традиции своих родителей, братьев и сестер...

Вечером того же дня советская делегация возложила венок у памятника Хосе Марти и молча стояла, склонив головы, у могилы Абеля Сантамария и его тридцати двух боевых товарищей.

Братья Франк и Хосе Паис были убиты в 1957 году. К этой могиле часто приходит их старая мать. Мы заехали к ней домой и выразили свое восхищение жизнью стойких революционеров, каких сумела воспитать она, мужественная женщина. На память мы оставили ей медаль Максима Горького с надписью:

В песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым примером,
Призывом гордым к свободе, к свету!

Матери Паис 63 года. Она напомнила мне Долорес Ибаррури. Такое же энергичное лицо, живые карие глаза и седая голова. Сама она испанка, но давно уже живет на Кубе. Она была очень тронута нашим вниманием и живо интересовалась новостями из Москвы.

* * *

Нашу делегацию принял президент Освальдо Дортикос. Он долго расспрашивал меня о деятельности агентства печати Новости, интересовался нашими контактами с агентством Пренса Латина. Мне доставила искреннюю радость возможность рассказать президенту о том, что материалы Пренса Латина, кроме Советского Союза, мы будем распространять в странах Арабского Востока и в странах Африки. А Пренса Латина, в свою очередь, будет распространять наши материалы не только на Кубе, но также и в странах Латинской Америки.

Мы поделились с Освальдо Дортикосом впечатлениями о поездке. Владимир Комаров рассказал о будущих планах советских космонавтов. Отвечая на вопрос президента, В. Комаров сказал:

— Конечно, личные качества космонавтов имеют какое-то значение. Но главное — в успехах нашей науки, нашей советской промышленности, наших инженеров и рабочих.

— Скромность—это первое качество космонавтов,— заметил Освальдо Дортикос.—Я встречался с Гагариным, с Терешковой. Вот встречаю вас сейчас. И в каждом из вас я вижу скромность — это благородное качество человека. Вас, наверно,— продолжал Дортикос,— осаждали наши юноши и девушки просьбами взять их с собой в космос. Но я вас прошу: порекомендуйте им прежде всего овладеть сельскохозяйственными машинами. Конечно, космос — увлекательное дело, почетное дело. Но наша молодежь пусть пока займется более земными делами...

* * *

Перед отъездом из Гаваны наша делегация выступала по телевидению. Настроение у всех нас было очень хорошее, мы были полны впечатлений. Каждый с большим воодушевлением говорил о встречах с кубинцами, восторгался их жизнерадостностью, энергией, их отношением к революции, к ее завоеваниям.

Через несколько часов делегация отбывала в Москву. Мы прощались с Гаваной, с островом Свободы. Тогда мы еще не знали, что ночью встретимся с Фиделем Кастро...

Бывают, конечно, протокольные встречи с государственными деятелями и бывают протокольные вежливые фразы о взаимном удовольствии. Но у нас с Фиделем не было протокольной встречи, как и не было протокольных фраз.

Может быть, потому, что встреча наша состоялась поздно ночью, Фидель выглядел немного усталым. Кроме того, как он сразу сообщил нам, у него была небольшая простуда.

Фидель Кастро радушно поздоровался со всеми нами, а мы передали ему привет от наших руководителей и пожелали успехов ему и всему кубинскому народу.

Рассказывая нам об экономике республики и особенно о развитии сельского хозяйства, Фидель все время заглядывает в записную книжку, что-то подсчитывает, что-то сверяет.

— Мы хотим поставить наше животноводство и птицеводство на научную основу,— говорит он.— Мы усиленно развиваем овощеводство. Мы обещали и будем полностью снабжать ГДР свежими овощами. Если бы Советское государство организовало 200 рейсов рефрижераторов, мы могли бы вас снабжать свежими овощами в зимние месяцы. Я прошу, чтобы ваши товарищи изучили эту возможность. Мы можем вам поставлять помидоры, огурцы, салат. Через год мы сможем снабжать вас и цитрусовыми. Мы хотим также увеличить урожаи бананов.

Фидель опять перелистывает записную книжку.

— В этом году будет значительно больше сахара,-у нас хороший урожай. В таких провинциях, как Матансас, Лас-Вильяс, увеличим производство мяса в два раза. Часть мяса будем экспортировать.

Фидель Кастро рассказывает о хозяйствах, где содержится до 300 голов скота на 100 гектаров.

— Мы готовим сейчас кадры животноводов,— говорит Фидель.— Кстати, у нас нет никаких эпидемий скота.

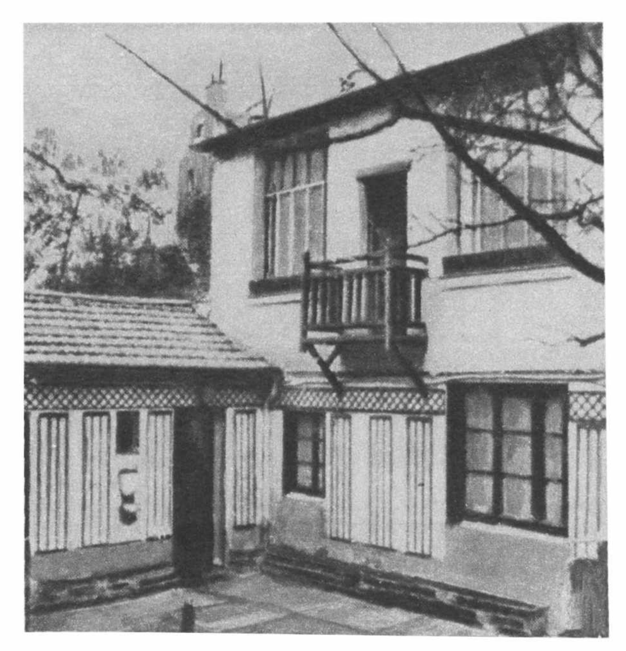
Советские специалисты помогают нам. Я думаю, что дело у нас идет неплохо. Контрреволюция подавлена — это главное!

Мы вручили Фиделю Кастро русские сувениры: самовар, большую матрешку от Терешковой и Николаева. Фидель очень оживился, тепло прощался с нами, просил передать самые лучшие пожелания товарищам Брежневу, Косыгину, Микояну.

Мы возвращались в гостиницу, когда время шагнуло уже далеко за полночь. Луна поднялась выше, разлилась по всему водному океану. Потухли огни реклам. Расходились по домам заядлые рыбаки-спиннингисты.

Хосе Марти когда-то сказал: революции нужны крылья... У кубинской революции есть такие крылья.

Дом на улице Пьер-Герен.

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ ПЬЕР-ГЕРЕН

В. ВЛАДИМИРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Силуэт Эйфелевой башни остался далеко позади. Такси везет меня по улице Моцарта. Шофер оборачивается и переспрашивает адрес.

— Улица Пьер-Герен, 38-бис,— повторяю я и, чтобы не было сомнений, добавляю:—Дом Юсупова! Феликс Юсупов!

— О да, мосье. Ле пренс рюсс!

Для парижского водителя Юсупов — только «русский князь», каких в Париже немало. Для нас это человек, который убил Распутина.

Кажется, что это было в незапамятные времена. Люди моего поколения были тогда детьми. Мы помним краткие газетные сообщения: «Исчез без вести Г. Е. Распутин... Тело найдено в проруби на Невке... Пять ранений револьверными пулями... При вскрытии обнаружены следы отравления цианистым калием...»

Все это на фоне более чем двух тяжких лет мировой войны казалось второстепенным эпизодом. Только люди, знавшие темную обстановку политической жизни Петрограда и имевшие представление о роли, которую Распутин, этот сибирский «варнак» и сектантский шарлатан, играл при деморализованном, прогнившем императорском дворе, улыбались.

— Наконец-то нашлись люди, которые покончили с этим позором! Кто это сделал?

Ища пути спасения идущей к гибели монархии, это сделал представитель аристократии, которую никак нельзя было заподозрить даже в самых ничтожных симпатиях к левым,— князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, родственник царствующей фамилии, муж племянницы Николая II. Помогали ему великий князь Дмитрий Павлович, сын двоюродного брата Николая II, и крайне правый депутат Государственной думы, черносотенец В. Пуришкевич. Обреченная на полный распад правящая верхушка царской России пыталась таким образом удержаться у власти.

Пока такси лавирует в автомобильном потоке, вспоминаю: если верить семейным преданиям Юсуповых, то они происходят прямо от пророка Магомета. Во всяком случае, их дальним предком считается Абубекр-бен-Райок, эмир аль Омра, «князь князей», «султан султанов», потомок легендарного Али, племянник пророка.

Князь Николай Борисович Юсупов, екатерининский вельможа, обладал несметными богатствами. Он приобрел подмосковную усадьбу Архангельское и приступил к коренной перестройке. Многие видели Архангельское, прекрасный памятник русской архитектуры, созданный руками крепостных. Теперь, когда хозяином Архангельского стал народ, тысячи экскурсантов ходят по великолепным террасам и паркам. Тысячи людей любуются во дворце полотнами Ван-Дейка, Рокотова, единственными в мире подлинными декорациями П. Гонзага.

Бывший владелец этого дворца, ныне живущий в Париже, вспоминает все это как далекое видение юности. Кое-чего он и помнить не может. Я имею в виду современные музейные экспозиции — работы крепостных архитекторов, живописцев и мастеров фарфора: Стрижакова, умершего от туберкулеза в 1819 году, сосланных Юсуповыми Борунова и Сотникова, Шебанина, Полтева и многих других.

Здесь, в Архангельском, бывали Пушкин, Вяземский, Герцен. Сюда в 1921 году приезжал В. И. Ленин.

Юсуповы были много богаче Романовых. Принадлежавшие им дворцы рассеяны по всей стране. Ленинградцы знают дворец на Мойке (ныне Дом учителя). Москвичи — боярские палаты Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. Миллионы отдыхающих на Южном берегу Крыма видели юсуповские виллы в Кокозе и Кореизе — ныне санатории...

Шофер тормозит. Улица Пьер-Герен узка, дальше начинается переулочек, напоминающий тупики старой Москвы.

— Извините, мосье, я не могу сюда въехать: тут не развернуться.

До дома 38-бис я дошел пешком. Встречная дама на мой вопрос расплылась в улыбке.

— О! Ле пренс! Это вот там, чуть дальше, видите, калитка?

Дом более чем скромный. Два этажа с небольшим балконом. Дворик, мощенный плитами, окруженный высокими деревьями, в тишине парижского квартала Отейль напоминает деревню. Маленькая собачка, выбежавшая мне навстречу, заливается на весь переулок.

Выходит служанка-француженка. Я называю свою фамилию.

— Пожалуйста, мосье, вас ждут.

По внутренней лестнице спускается человек, возраст которого определить трудно, ибо он строен, как юноша, дымчатые очки скрывают взгляд (у Юсупова болят глаза от света). Нет, решительно он не выглядит на свои годы.

Хозяин повел меня наверх. В глубине комнаты сразу бросается в глаза большая белая кровать под балдахином. У нас такую теперь можно увидеть только в театре.

Мебель белая, просторная, дворцового типа. На стенах картины, среди которых портрет отца хозяина дома. Кавалергард, держащий под уздцы лошадь, великолепно изображен В. Серовым.

Юсупов расспрашивает меня об Архангельском, о ленинградском дворце.

По поводу своего домика на улице Пьер-Герен Феликс Феликсович с усмешкой сообщил, что это здание когда-то было конюшней. Работа по превращению его в жилой дом заняла порядочно времени и производилась бригадой русских рабочих. Осенью Юсупов и его жена сидели, закутавшись в пальто, у старой дымящей печки — такую у нас в годы гражданской войны называли «буржуйкой». Окна были открыты настежь, чтобы выходил дым. Крыша была дырявая, и в дождь Юсуповы спали под зонтиком. Наконец все было приведено в порядок: внизу гостиная и столовая, наверху—бывшем сеновале— две комнаты хозяев.

Юсупов подарил мне два тома своих воспоминаний, изданных в Париже на французском языке. Первый называется «До изгнания», второй — «В изгнании».

В этих книгах немало интересного. Многое освещено пристрастно. Но подробности убийства Распутина могли бы стать сюжетом приключенческого романа.

«Старец», замышлявший в 1916 году дворцовый переворот (отстранение Николая II и возведение на престол наследника Алексея под регентством императрицы, то есть предоставление фактической власти Распутину), оказался необыкновенно живуч. Отравленные пирожные и вино на него не подействовали. Выстрел в сердце распластал его на полу лишь на считанные минуты. Он даже сумел выбежать во двор. Понадобились еще четыре револьверные пули, чтобы эта зловещая личность закончила свое существование.

Все это произошло в доме, который и поныне возвышается на Мойке, и сделано это руками человека, который сидит передо мной.

Феликс Юсупов в гражданской войне не участвовал. Он уехал за границу.

Он перепробовал множество предприятий, но, по его словам, не был счастлив ни в одном из них.

С улыбкой вспоминает он один из дней 1924 года, когда, находясь в Лондоне и не имея денег, чтобы поесть, набрел на ресторан, у входа в который было вывешено меню:

«Пулярка по-юсуповски...»

Голодный князь вошел в ресторан, заказал пулярку своего имени и бутылку лучшего вина. Счет оказался явно непосильным для его кармана. Он вызвал хозяина и показал ему свой паспорт.

Хозяин округлил глаза и разорвал счет.

— Я злоупотребил вашим именем, князь, прошу вас быть на сегодня моим гостем...

Феликс Юсупов имеет дарование художника, но никогда систематически не учился. В столовой дома на улице Пьер-Герен

он показал мне свои картины — действительно незаурядные.

«Кому бы из художников-профессионалов я ни показывал эти странные произведения,— пишет он в своих воспоминаниях,— все в один голос восхищались мастерством, которое обычно достигается годами учения. Я же ни разу не держал в руке ни карандаша, ни кисти вплоть до этой полосы исступленного творчества, а как только она кончилась, я совершенно потерял вкус и охоту к этому занятию...»

Юсупов находился в Париже во времена гитлеровской оккупации, о которой он говорит с нескрываемым отвращением. Ему не раз делались самые заманчивые предложения, его пытались шантажировать, обещая возвратить хранившуюся в сейфе банка драгоценнейшую черную жемчужину его матери, если он согласится быть агентом гитлеровской разведки. Ему предлагали... российский престол! Ему предлагали любые формы сотрудничества с гитлеровцами. Но он отвечал решительным отказом.

Жизнь Ф. Юсупова прошла главным образом за границей. Но в свои 78 лет он не теряет надежды увидеть родную землю и надеется, что ему когда-нибудь представится эта возможность.

Париж.

Мы публикуем отрывок из воспоминаний Ф. Ф. Юсупова (в переводе с французского) об убийстве Распутина.

* * *

...Война началась успешно — глубоким прорывом в Восточную Пруссию. Наше командование хотело таким образом прийти на помощь Франции, разрядив напряжение на Западном фронте. В конце августа ввиду недостатка тяжелой артиллерии корпус генерала Самсонова, составленный из отборных частей, попал в окружение под Танненбергом. Генерал покончил с собой. Успешное наступление было предпринято затем на австрийском фронте, но в феврале 1915 года новая попытка наступления в Восточной Пруссии закончилась разгромом под Августовом. 2 мая наш фронт был прорван на юго-западе соединенным натиском австро-германских сил. Русские войска, терпевшие недостаток и в питании и в снабжении, в ужасающих условиях сражались против великолепно оснащенной германской армии. Целые полки гибли, не имея возможности защищаться, не получая вовремя боевых припасов. Геройство войск было бессильно против бездарности командования, неналаженности коммуникаций и недостатка снаряжения — отступление превратилось в бегство.

В тылу подняло голос общественное мнение. Заговорили об измене: упоминались имена государыни и Распутина, всех возмущало безволие государя.

В те времена большинство крупных предприятий, особенно в Москве, было в руках немцев, которые держали себя в высшей степени вызывающе.

Среди командования и придворных чинов было много сановников с немецкими фамилиями.

Однажды моя мать заметила государю, какое тягостное впечатление производит на общество такое количество немецких фамилий среди высших придворных чинов.

— Что я могу поделать, княгиня?— возразил он.— Все они очень мне преданы! Правда, некоторые от старости стали выживать из ума. Вот, например, бедняга Фредерикс, мой министр двора. Он на днях подошел ко мне, похлопал меня по плечу и спросил:— Тебя тоже пригласили к завтраку?

* * *

В 1915 году государь назначил моего отца московским генерал-губернатором. Ему не суждено было удержаться на этой должности. Один человек не мог бороться с немецкой камарильей, захватившей все ответственные посты. Видя вокруг шпионаж и измену, отец принимал самые крутые меры, чтобы оградить Москву от происков врага. Но большинство министров, получивших портфели через Распутина, были германофилами. Они противились всем распоряжениям генерал-губернатора. Мой отец, возмущенный систематическим противодействием со стороны членов правительства, отправился в Главную ставку, где имел беседу с царем в присутствии верховного главнокомандующего, штаба и министров.

Ничего не смягчая, он открыто изложил положение, которое застал в Москве, вскрыл имевшие место факты, назвал имена виновных. Его страстная речь произвела ошеломляющее впечатление. К несчастью, выстрел оказался холостым. Окружавшая царя немецкая клика была достаточно влиятельна, чтобы мигом стереть впечатление от доклада генерал-губернатора. Возвратившись в Москву, мой отец узнал, что он отставлен от должности.

Почти тогда же, в конце августа 1915 года, было официально объявлено, что великий князь Николай Николаевич снят с поста верховного главнокомандующего и отправлен на Кавказский фронт, а командование принял на себя сам государь. Известие это было встречено неприязненно: все знали, что столь важное решение принято под нажимом «старца» и является плодом его интриг. Хотя Николай II и оказывал Распутину очень слабое противодействие, все-таки «старец» предпочитал иметь руки полностью развязанными, отправив его в ставку. Теперь Распутин почти ежедневно стал бывать в Царском Селе. Его советы и мнения имели силу закона и немедленно сообщались в ставку. Ни один важный военный приказ не издавался без предварительной санкции Распутина. Царица питала к нему неограниченное доверие и выдавала ему самые серьезные государственные тайны. Через нее Россией правил Распутин.

Великие князья и представители высшей аристократии втайне замышляли отстранить императрицу от власти и вынудить ее удалиться в монастырь. Распутина намеревались сослать в Сибирь, царя низложить, а на престол возвести наследника. Все строили заговоры, в том числе и генералитет.

В 1916 году положение на фронтах день ото дня становилось тяжелее, царь все больше терял волю благодаря снадобьям, которые прописывали и давали ему ежедневно по указаниям Распутина, власть которого к этому времени достигла апогея. Ему уже недостаточно было отставлять и назначать министров, генералов и держать в подчинении даже высшее духовенство.

Надежды раскрыть глаза царю и царице отпали после многократных бесплодных попыток. Каким же способом можно было избавить Россию от ее злого гения? Такой вопрос, помимо меня, задавали себе великий князь Дмитрий Павлович и депутат Государственной думы Пуришкевич. Не сговариваясь, мы все трое пришли к одному выводу: Распутина надо убрать, даже если придется его физически уничтожить...

В свое время председатель совета министров Владимир Николаевич Коковцов заклинал царя сослать Распутина в Сибирь. Но Распутин тут же позвонил к одному из близких друзей Коковцова:

— Твой приятель пытался запугать папу. Наговорил про меня всяких пакостей, но успеха не имел. Папа и мама любят меня по-прежнему. Можешь от моего имени сообщить об этом Владимиру Николаевичу.

Под давлением Распутина и его клики Коковцов был отстранен.

Председатель Государственной думы Родзянко сказал мне однажды:

— Что можно поделать, когда все министры и все приближенные государя — ставленники Распутина? Единственным средством спасения было бы убийство этого негодяя, но в России нет никого, кто бы на это отважился. Я бы пошел на это, не будь я так стар.

Его слова утвердили меня в моем решении. Но легко ли хладнокровно подготовить убийство?

Великий князь Дмитрий находился в ставке. В его отсутствие я часто встречался с капитаном Сухотиным, раненным на войне и находившимся на излечении в Санкт-Петербурге. Я доверил мое намерение этому верному другу и спросил, согласен ли он мне помочь. Он без минуты колебания выразил свою готовность.

В тот день, когда мы вели эту беседу, из ставки возвратился Дмитрий. Он признался мне, что мысль уничтожить Распутина давно не дает ему покоя, но он еще не видит способов осуществить это намерение.

Вечером ко мне пришел Сухотин, я передал ему разговор с великим князем, и мы принялись вырабатывать план действий. Решено было, что мне прежде всего надо приблизиться к Распутину и войти к нему в доверие, чтобы от него самого узнать его политические замыслы.

Мы не отказывались от мысли убрать его мирными способами, например, дав ему крупное отступное. А уж если придется прибегнуть к насилию, надо заранее решить, как осуществить этот план. Я предложил тянуть жребий, на кого падет обязанность прикончить «старца» выстрелом из револьвера.

Несколько дней спустя моя приятельница, м-ль Г., у которой я познакомился с Распутиным в 1909 году, позвонила ко мне и пригласила назавтра к своей матери, где будет Григорий Ефимович, который очень желает со мной встретиться.

Случай нам благоприятствовал, хотя мне и было тягостно злоупотребить дружбой м-ль Г., которая и отдаленно не подозревала о причинах моего согласия.

На следующий день я отправился в семейство Г., куда вскоре явился и «старец». Он сильно изменился, растолстел, обрюзг. На нем теперь была синяя шелковая вышитая рубаха и бархатные шаровары. И держал он себя еще бесцеремоннее, еще наглее, чем раньше.

Увидев меня, он ухмыльнулся, подмигнул мне и расцеловал меня. Я с трудом скрыл гадливость, которую мне внушило его прикосновение. Он был чем-то озабочен и взволнованно шагал по комнате. Вдруг раздался телефонный звонок.

— Должно быть, меня,— забеспокоился Распутин.— Подойди спроси,— приказал он м-ль Г.

Она покорно поднялась, ничуть не удивившись этому повелительному тону.

Действительно, звонили Распутину. Он вернулся от телефона в полной растерянности и тут же уехал.

Я решил не искать с ним встреч, пока он сам этого не пожелает.

Ждать мне пришлось недолго. В тот же вечер м-ль Г. прислала мне записку, в которой передавала извинения Распутина за быстрый отъезд. Она просила меня приехать завтра и захватить гитару по просьбе «старца», который узнал, что я пою, и хотел меня послушать. Я не замедлил принять приглашение. Я приехал раньше Распутина. Воспользовавшись этим, я спросил хозяйку дома, почему он так поспешно уехал накануне.

— Ему сообщили, что одно очень важное дело принимает неблагоприятный оборот. Но теперь все уладилось. Григорий Ефимович вспылил, поднял крик. «Там» испугались и уступили.

— Где это «там»?— спросил я.

— В Царском Селе,— с запинкой ответила моя собеседница.

В конце концов я выяснил, что делом, так взволновавшим «старца», было назначение Протопопова на пост министра внутренних дел. Распутинская клика настаивала на этом назначении, а другие приближенные отговаривали государя. «Старцу» было достаточно собственной персоной пожаловать в Царское Село, чтобы добиться своего.

На этот раз, когда Распутин приехал к господам Г., он был в превосходном настроении.

Наши отношения, необходимые для осуществления моего плана, налаживались успешно. Но как мне было тягостно общение с Распутиным! После каждой встречи я чувствовал себя как бы замаранным.

Однажды я встретил м-ль Г.

— Как вам не стыдно?— сказала она.— Григорий Ефимович ждет, чтобы мы с вами приехали к нему.

Я согласился поехать с ней на следующий день к «старцу».

— Наконец-то! — сказал он мне.— А я уже начал сердиться. Столько дней заставил себя ждать!

Квартира Распутина производила впечатление жилища зажиточных мещан.

Распутин угощал нас чаем.

В столовую принесли огромную корзину цветов, в которую была всунута записочка.

Распутин даже не взглянул на корзину.

— Григорий Ефимович,— заметил я,— вам подносят цветы, как знаменитой примадонне.

— Дуры все эти бабы, балуют меня, каждый день посылают цветы,— смеясь, сказал он и обратился к м-ль Г.: — Выйди-ка в соседнюю комнату. Нам надо с ним поговорить.

Когда мы остались одни, Распутин придвинул стул и взял мою руку.

— Ну как, дружок, нравится тебе у меня? Приходи почаще, не пожалеешь.

Он пристально смотрел мне в глаза.

— Не бойся меня,— вкрадчивым голосом продолжал он,— когда ты узнаешь меня поближе, ты поймешь, что я за человек. Если уж папа и мама меня слушаются, тебе и вовсе не грех меня послушаться. Я сегодня увижусь с ними и скажу, что ты пил у меня чай. Они будут очень довольны.

Мне совсем не улыбалось, чтобы о моем визите к Распутину узнали в Царском Селе.

— Послушайте, Григорий Ефимович, лучше не говорите обо мне. Если мои родители узнают, что я бываю у вас, они будут недовольны.

Распутин обещал молчать. Он заговорил о политике и принялся критиковать Государственную думу.

— Там только и делают, что ругают меня, а это беспокоит государя. Но это недолго будет продолжаться. Я скоро распущу Думу и отправлю депутатов на фронт. Они там поймут, чего стоит их болтовня, и вспомнят меня.

— Неужели вы действительно можете распустить Думу, Григорий Ефимович? Как это возможно?

— Что ты, голубчик! Это проще простого. Когда ты станешь моим другом и союзником, я все тебе открою. Пока скажу только одно: царица поистине мудрая и сильная духом монархиня, от нее я могу добиться всего. А он простая душа, он не из того теста, из которого делают самодержцев: он создан для семейной жизни, для того, чтобы любоваться природой и цветами, но царствовать — нет. Это ему не под силу — мы и помогаем ему с благословения божия.

Надежды убрать «старца», не прибегая к насилию, казались мне все более несбыточными. Он чувствовал свое могущество и считал, что ему ничего не грозит. Предлагать ему деньги было явной бессмыслицей: он, по-видимому, располагал значительными средствами, а если верно, что он, хоть и не вполне сознательно, действовал в пользу Германии, то, конечно, в его распоряжение могли быть предоставлены куда большие суммы, чем те, какие мы были в состоянии ему предложить.

Это был неграмотный мужик, циничный, жадный, беспринципный, стечением обстоятельств вознесенный на вершины власти. Неограниченное влияние на царя и царицу, поклонение светских дам, непрерывные оргии и непривычная растлевающая праздность вытравили из него последние остатки совести.

Но кто же были люди, умевшие

вертеть им, как марионеткой, и управлявшие им на расстоянии, без его ведома? Маловероятно, чтобы Распутин был осведомлен об истинных намерениях своих наставников и даже чтобы он знал, кто они такие,— он вообще не запоминал имена тех, с кем встречался. Большинству он сам придумывал прозвища. Во время одного из наших разговоров, коснувшись вопроса о своих таинственных друзьях, он назвал их «зелеными». Весьма вероятно, что он их никогда не видел и сносился с ними через третьих лиц.

— «Зеленые» живут в Швеции. Ты поедешь с ними знакомиться,— сказал он мне.

— А в России тоже есть «зеленые»?— спросил я.

— Нет, здесь есть только «зеленоватые», друзья их и наши. Это умные, толковые люди.

Я теперь часто бывал у Распутина.

— Ты, голубчик, человек с головой,—сказал он мне однажды.—Ты все понимаешь с первого слова. Хочешь, я назначу тебя министром?

— Я готов и так помогать вам, только ради бога не вздумайте назначать меня министром,— смеясь, ответил я.

— Отчего ты смеешься? Думаешь, я не смогу это сделать? Я все могу. Я делаю, что хочу, и все меня слушаются. Вот увидишь, я тебя сделаю министром.

— Прошу вас, не надо, Григорий Ефимович. Я не гожусь в министры. Да и ни к чему это! Лучше я буду без огласки помогать вам.

— Пожалуй, ты прав, но не все рассуждают по-твоему. Люди по большей части приходят ко мне и просят: сделай то-то, устрой это. Каждый чего-то хочет.

— А как вы исполняете их просьбы?

— Посылаю их с записочкой к министру или другому влиятельному лицу, а то и прямо в Царское Село. Вот так я и раздаю должности.

— И министры вас слушаются?

— Все до единого!— воскликнул Распутин.— Ведь они все обязаны мне своим положением, как же им не слушаться меня? А заупрямятся, так они знают, что это для них добром не кончится... Меня все боятся, все без исключения. Чтобы добиться своего, мне достаточно стукнуть кулаком по столу. Вот как с вами, с аристократами, надо обращаться! Вы мне завидуете, что я в своих сапожищах разгуливаю по дворцовым залам. Вы преисполнены гордыни, а гордыня, голубчик, порождает грех. Хочешь быть угоден богу, убей в себе гордыню...

Казалось, сама судьба привела меня к нему, чтобы я собственными глазами увидел, какую пагубную роль он играет. Тогда к чему проволочки? Щадить его — значит умножать число убитых на фронтах и длить бедствия всей страны. Найдется ли в России хоть один порядочный человек, который не желал бы его смерти?

Вопрос теперь заключался не в том, надо ли убрать Распутина, а в том, я ли должен его пристрелить.

Первоначальный план убить его у него на квартире оказался несостоятельным. В самый разгар войны, когда готовилось наступление на широком фронте, а в тылу нарастало возбуждение умов, открытое убийство Распутина могло быть истолковано как враждебный выпад против императорской фамилии. Значит, надо было убрать его так, чтобы никто и никогда не узнал ни обстоятельств его смерти, ни имен тех, кто это осуществил.

Пуришкевич тоже считал, что Распутина надо устранить тайком. Собравшись вместе с Дмитрием и Сухотиным, мы решили, что яд — лучший способ убить «старца» так, чтобы не осталось следов убийства.

Местом действия был выбран наш дом на Мойке.

Распутин давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она находится в Петербурге, и зная, что родители мои в Крыму, он охотно принял мое приглашение. На самом деле Ирина тоже была в Крыму, но я рассчитывал, что Распутин скорее примет мое приглашение, если у него будет надежда встретиться с ней.

Дмитрий и Пуришкевич как раз вернулись с фронта, и решено было, что я приглашу Распутина приехать на Мойку вечером 29 декабря.

Он поставил мне единственным условием, что я сам заеду за ним и привезу его обратно, и посоветовал мне подняться по черной лестнице, а он предупредит швейцара, что за ним в полночь приедет приятель.

С изумлением и ужасом я констатировал, как легко он на все соглашался и сам устранял возможные осложнения.

НОЧЬ НА 29 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА

Решено было, что я приму Распутина в подвальном помещении, только что мною оборудованном. Оно было разделено сводами на две комнаты. Та, что больше, должна была служить столовой; из второй винтовая лестница вела в мои покои в первом этаже; на полдороге была дверь, выходившая прямо во двор. Чтобы не возбудить подозрений Распутина, надо было так обставить первую комнату, чтобы она имела вполне жилой вид. Когда я вошел туда под вечер 29-го числа, обойщики кончали раскладывать ковры и вешать портьеры. С чердака принесли отобранную мною мебель: резные дубовые кресла с высокими спинками, столики, покрытые старинной парчой, чаши слоновой кости и другие ценные предметы. Как сейчас, вижу обстановку этой комнаты во всех ее подробностях, и в особенности шкафчик черного дерева с инкрустациями, зеркалами и секретными ящичками. На шкафчике стояло распятие из горного хрусталя и чеканного серебра итальянской работы XVI века.

Посреди комнаты был поставлен стол, где Распутину предстояло выпить последнюю чашку чая.

В 11 часов все было готово в подвальных апартаментах. На столе уже пыхтел самовар, кругом были расставлены вазы с пирожными и любимыми распутинскими лакомствами. Поднос с бутылками и бокалами стоял на поставце. Старинные фонари с цветными стеклами освещали комнату сверху; тяжелые красные штофные занавеси были спущены. Казалось, мы здесь отгорожены от всего мира. И что бы ни произошло здесь нынче ночью, все будет похоронено за толщей этих стен.

Раздался звонок — это приехал Дмитрий и остальные мои друзья. Я провел их в столовую. Несколько мгновений они молча созерцали то место, где Распутина ждет смерть.

Я достал из шкафчика с инкрустациями коробку с ядом. Доктор Лазоверт надел резиновые перчатки, взял кристаллы цианистого калия и измельчил их в порошок. Потом приподнял верхушку пирожных и засыпал донышко такой дозой яда, которой, по его словам, хватило бы, чтобы мгновенно убить нескольких человек. Молча, с волнением следили мы за каждым жестом доктора. Еще предстояло насыпать яду в бокалы. Решено было сыпать его в последнюю минуту, чтобы он, испаряясь, не утратил своей силы.

Надо было сделать вид, что мы кончили ужинать. Я предупреждал Распутина, что мы обычно ужинаем с гостями в этой столовой, а потом я остаюсь один внизу, читаю или работаю, пока гости поднимаются наверх покурить в моем кабинете.

Мы устроили на столе беспорядок, отодвинули кресла, разлили чай по чашкам. Было уговорено, что Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин поднимутся на первый этаж и заведут граммофон, выбирая пластинки с веселыми мотивами.

Когда приготовления были закончены, я надел шубу и нахлобучил до ушей меховую шапку, совершенно скрывавшую мое лицо. Доктор Лазоверт, переодетый шофером, завел мотор, и мы сели в машину, дожидавшуюся во дворе. У Распутина я поднялся по черной лестнице, света не было, мне пришлось пробираться ощупью, я едва отыскал нужную мне дверь и позвонил.

— Кто там?— послышался голос Распутина. Я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами.

Засов заскрипел. Мне было очень не по себе. Дверь отворилась, и я вошел на кухню. Там было темно, и мне казалось, что кто-то следит за мной из соседней комнаты. Я еще выше поднял воротник и надвинул шапку.

— Чего ты так прячешься?— спросил Распутин.

— Ведь было решено, что никто не должен знать о нашем сегодняшнем выезде.

— Верно, верно. Я никому и не сказал и даже отослал своих шпиков. Ну, надо одеваться.

Я помог ему надеть шубу. Мы вышли на темную лестницу, и Распутин запер за собой дверь.

Я почувствовал, как его пальцы впиваются мне в руку.

— Давай-ка я тебя поведу,—сказал «старец» и повлек меня вниз. Его рука клещами сжимала мою руку, мне хотелось закричать, хотелось поскорее выбраться на свет и не чувствовать больше прикосновения этой страшной руки.

Мы сели в машину и поехали.

Войдя в дом, я услышал голоса друзей и мелодию американской шансонетки.

Распутин насторожился.

— Что тут такое? Пирушка, что ли?— спросил он.

— Нет, у моей жены собралось несколько друзей. Они скоро уедут. А мы пока что пойдем в столовую и выпьем чаю.

Мы спустились в подвал. Войдя, Распутин скинул шубу и с любопытством оглядел обстановку. Шкафчик с инкрустациями особенно заинтересовал его. Он, как ребенок, забавлялся тем, что выдвигал и задвигал многочисленные ящички.

В эту решительную минуту я сделал последнюю попытку убедить его уехать из Санкт-Петербурга. Отказ решил его судьбу.

Я предложил ему чая и вина и был обескуражен, когда он поначалу от всего отказался. «Может быть, он догадывается?» — подумал я. Но я твердо решил, что он ни при каких обстоятельствах не выйдет отсюда живым.

Мы сели за стол. Завязалась беседа.

— Григорий Ефимович, зачем к вам заезжал Протопопов? Что он, по-прежнему боится заговора?

— Ну конечно! Моя прямота многим не по нутру. Знать, злится и завидует мне... Но я никого не боюсь. Со мной ничего не может случиться. Сколько раз меня пытались убить, но господь всегда разрушал козни нечистого. Несдобровать тому, кто поднимет на меня руку.

Эти речи «старца» злой насмешкой звучали в той комнате, где ему предстояло погибнуть. Меня уже ничто не могло смутить. Пока он разглагольствовал, у меня была одна только мысль: заставить его выпить вина и съесть пирожные.

Наконец Распутин попросил чаю. Я налил чай и придвинул к нему вазу с пирожными, начиненными цианистым калием.

Сначала он отказался:

— Не хочется, они слишком сладкие.

Но затем он все-таки взял одно пирожное, второе... Я с ужасом следил за ним. Действие яда должно было сказаться сразу, а между тем Распутин продолжал разговаривать как ни в чем не бывало.

Я предложил ему отведать нашего крымского вина. Он опять отказался. Время шло, я начал нервничать. Несмотря на его отказ, я наполнил два бокала, но по непонятной мне самому причине не те, где был яд. Распутин выпил с удовольствием.

— Налей мне мадеры,— попросил он. На сей раз я хотел налить в бокал с ядом, но «старец» запротестовал:

— Налей в тот же бокал.

— Нехорошо мешать эти вина.

— Говорю тебе, налей.

В эту минуту я как бы нечаянно уронил тот бокал, из которого он пил раньше, и налил ему мадеры в бокал с цианистым калием.

Я стоял позади него, следил за каждым его движением и ждал, что он вот-вот рухнет наземь.

Но он невозмутимо, мелкими глоточками пил вино, смакуя его, как настоящий знаток, и при этом ничуть не менялся в лице. Только время от времени подносил руку к шее, словно ему трудно глотать. На мой вопрос, что с ним, он ответил:

— Так, что-то в горле першит.

Яд, очевидно, не действовал. Распутин теперь преспокойно расхаживал по комнате.

Тогда я взял второй бокал с ядом, наполнил его вином и протянул Распутину. Тот выпил и его с тем же результатом. На подносе оставался третий и последний бокал.

От отчаяния я и сам принялся пить, чтобы подать ему пример. Так мы молча сидели друг против друга и пили.

Внезапно его лицо исказилось яростью. Ни разу я не видел его таким страшным. Он вперил в меня взгляд, полный сатанинской злобы. В этот миг он был мне так ненавистен, что я готов был голыми руками задушить его. Между нами как будто шла безмолвная, таинственная и беспощадная борьба.

Наконец я овладел собой и предложил ему чаю.

— Налей, у меня сильная жажда,— слабеющим голосом сказал он. Увидев на стуле гитару, он попросил:

— Спой что-нибудь веселенькое, мне нравится, как ты поешь.

Мне нелегко было петь в такую минуту, да еще веселую песню. Однако я взял гитару и запел что-то грустное. Сперва он слушал внимательно, потом опустил голову и как будто задремал. Когда я кончил, он открыл глаза.

— Спой еще, мне нравится такая музыка. Прямо за душу берет.

Время шло. Часы показывали половину третьего. Этот кошмар длился уже два часа.

Наверху явно нервничали и шумели вовсю. Я боялся, как бы мои друзья, потеряв терпение, не ворвались сюда.

— Почему там так топочут?— спросил Распутин.

— Наши гости, должно быть, уходят, пойду посмотрю, что там творится.

Наверху Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин с револьверами в руках кинулись мне навстречу.

— Ну как, все кончено?

— Яд не подействовал.

— Но ведь доза была огромная? И он все выпил?

— Все.

Посовещавшись, мы решили спуститься все вместе, наброситься на Распутина и задушить его. Но потом я испугался, что это погубит все предприятие. Распутин поймет, что дело нечисто, а кто знает, на что способен этот дьявол?

Я уговорил остальных, чтобы они предоставили все мне одному, взял у Дмитрия револьвер и спустился в столовую.

Распутин сидел на прежнем месте, склонив голову и тяжело дыша.

— Вам плохо?— спросил я.

— Да, голова тяжелая и в желудке что-то жжет. Налей мне еще рюмочку мадеры.

Выпив, он опять повеселел.

Как его зоркие глаза не видели, что я держу за спиной револьвер, который в любую минуту будет направлен на него?

— Григорий Ефимович,— сказал я,— посмотрите на распятие и помолитесь богу.

Распутин бросил на меня удивленный, почти испуганный взгляд. Он встал, подошел ко мне, глядя прямо мне в лицо.

Я понял, что роковая минута настала.

«Куда целить: в висок или в сердце?» — подумал я.

Содрогаясь всем телом, я протянул руку, прицелился в сердце и спустил курок. Распутин со звериным ревом рухнул на медвежью шкуру.

На выстрел прибежали мои друзья. Впопыхах они задели выключатель, и мы оказались в темноте. Кто-то натknулся на меня и вскрикнул. Я не шевелился, боясь наступить на труп. Наконец свет был зажжен.

Распутин лежал на спине. По лицу временами пробегала судорога. Руки были сжаты, глаза закрыты. На шелковой рубахе расплывалось кровавое пятно.

Через несколько минут «старец» перестал шевелиться. Доктор констатировал, что пуля попала в область сердца. Сомнений не было: Распутин мертв. Дмитрий и Пуришкевич перенесли его с ковра на плиты пола. Мы погасили электричество и поднялись наверх, заперев на ключ дверь подвала.

Согласно нашему плану, Дмитрий, Сухотин и доктор сделают вид, будто отвозят Распутина домой. На случай, если тайная полиция все-таки выследила нас, Сухотин будет играть роль «старца», наденет его шубу и шапку и уедет в сопровождении Дмитрия и доктора. Потом они все вернутся на Мойку, заберут труп и отвезут его на Петровский остров.

Мы с Пуришкевичем остались на Мойке.

Вдруг меня охватила непонятная тревога, я бросился вниз.

Распутин лежал на том же месте, где мы его оставили. Я пощупал пульс и не услышал ни малейшего биения. Да, действительно он мертв.

Сам не знаю почему, я вдруг схватил труп обеими руками и встряхнул его. Он наклонился на бок и снова упал. Я уже собрался уйти, но вдруг увидел, что его левое веко чуть подрагивает, затем судорога пробежала по всему лицу, и приоткрылся левый глаз, а за ним и правый. И оба эти змеиные глаза уставились на меня с выражением сатанинской злобы. Я застыл на месте, хотел бежать, но ноги мне не повиновались.

Тут произошло нечто невообразимое. Резким движением Распутин вскочил на ноги. Он был страшен: пена на губах, руки судорожно бьют по воздуху.

И вдруг он накинулся на меня, стараясь схватить меня за горло, точно клещами впиваясь пальцами мне в плечо, и при этом глухим, хриплым голосом непрерывно выкрикивал мое имя. Как описать охвативший меня ужас? Я старался высвободиться из этих тисков. Жестокая борьба завязалась между нами.

Нечеловеческим усилием мне удалось вырваться. Он упал на спину с ужасающим хрипением, сжимая в руке погон, который сорвал с моей тужурки.

Спустя несколько мгновений он опять зашевелился. Я бросился на лестницу и стал звать Пуришкевича.

— Идите скорее, он жив! — кричал я.

В эту минуту я услышал позади какой-то шум и бросился вниз по лестнице, Пуришкевич за мной следом с револьвером в руке.

Ползя на животе и на коленях, хрипя и рыча, как дикий зверь, Распутин быстро взбирался по ступеням. Весь подобравшись, он сделал прыжок и очутился возле потайной двери, ведущей во двор. Зная, что дверь заперта, я остановился на верхней площадке.

Каково же было мое изумление и мой ужас, когда дверь отворилась и Распутин исчез в темноте! Пуришкевич ринулся за ним следом. Во дворе раздалось два выстрела. Мне страшно было подумать, что он улизнет от нас. Я выбежал с парадного крыльца и побежал по Мойке, чтобы перехватить Распутина у ворот на случай, если Пуришкевич промахнулся. Во дворе было трое ворот, из них центральные не были заперты на замок.

Через решетку я увидел, что Распутин направляется именно к ним. Раздался третий, затем четвертый выстрел... Распутин зашатался и упал на снег. К нему подбежал Пуришкевич, постоял несколько мгновений над трупом и, убедившись, что на сей раз все кончено, зашагал к дому.

Я вошел во двор и приблизился к сугробу, за которым лежал Распутин. Он не подавал признаков жизни. В эту минуту я увидел бегущих с одной стороны двух моих слуг, с другой — городового. Всех троих всполошили выстрелы.

Я пошел навстречу городовому и заговорил с ним, встав так, чтобы он оказался спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, здесь кто-то стрелял? — спросил он, узнав меня.

— Пустяки, глупая шутка, у меня сегодня были гости. Один из моих приятелей выпил лишнего и принялся стрелять в воздух. Если тебя спросят, скажи, что ничего особенного не произошло.

Я проводил его до ворот. Потом вернулся к трупу, возле которого стояли мои слуги. Распутин лежал на прежнем месте, но мне показалось, что он переменил положение.

«Боже мой, — подумал я, — неужели он жив?»

В ужасе от одной мысли, что он может встать, я бросился к дому. Пошатываясь, я вбежал к себе в комнату и выпил стакан воды.

Слуга явился сообщить мне, что тело Распутина положили на нижнюю площадку лестницы.

Он лежал на площадке, кровь текла из многочисленных ран. При свете люстры была видна малейшая черточка его искаженного лица.

Мне хотелось закрыть глаза, убежать, чтобы хоть на миг забыть это ужасное зрелище.

Вскоре приехали Дмитрий, Сухотин и доктор Лазоверт, чтобы увезти труп Распутина.

Пуришкевич рассказал им все, что произошло. Они решили пощадить меня и обойтись без моей помощи. Завернув труп в мешковину, они погрузили его в автомобиль и повезли на Петровский остров. Там они швырнули его с моста в реку.

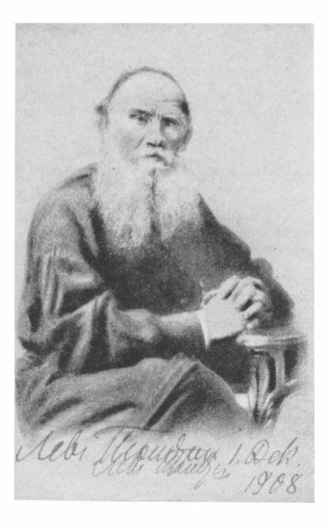
ПИСАТЕЛИ—ДЕТЯМ

У доктора сельскохозяйственных наук Льва Леонидовича Балашева (Москва) хранится открытка — портрет Л. Н. Толстого. Над факсимильной подписью Толстой расписался собственноручно и поставил дату: «1 дек. 1908».

— Этот автограф Толстого я получил, когда мне было четырнадцать лет, — сообщил профессор.

В отделе рукописей Музея Л. Н. Толстого сохранилось следующее письмо Льва Балашева: «Дорогой Лев Николаевич! Пожалуйста, подпишитесь под приложенной к письму карточкой Вашей. Это Вам, конечно, не трудно. Прошу Вас!»

Толстой выполнил просьбу мальчика.

В архиве В. Г. Короленко (Отдел рукописей Ленинской библиотеки) хранится записка, написанная детским почерком: «Писатель Короленко. Мама читала мне Ваш рассказ «В дурном обществе». Мне он очень понравился. Кланяюсь Вам. Девочка 8 лет Силя Русс».

Ответное письмо Короленко нашлось у московского коллекционера Э. Ф. Ципельзона. Короленко отвечал:

«Милая Силя. Я очень рад, что мой рассказ Вам понравился и что Вы мне написали письмо. Желаю Вам всего хорошего. Поклонитесь Вашей маме. Вл. Короленко. 22 мая 1912».

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Вышли в апреле:

Издательство «Художественная литература»

Великая Отечественная. Том первый.

Подписное издание в двенадцати томах включает повести, рассказы, стихи и публицистические статьи о событиях Великой Отечественной войны. Отобраны произведения военных и послевоенных лет, нашедшие наиболее глубокий отклик в душе читателей. В первом томе — повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен», рассказы А. Н. Толстого, Л. Соболева, В. Катаева, Г. Березко, Г. Николаевой и других советских писателей. В издание включены и те произведения братских литератур Советского Союза, которые в переводах на русский язык получили широкое признание во всех уголках нашей страны.

Выпуск нового подписного издания рассчитан на два года.

•

Данте. Новая жизнь.

К 700-летию со дня рождения Данте Алигьери вышло новое издание его бессмертной книги — проникновенной поэтической исповеди, повествующей о любви поэта к прекрасной Беатриче. В поэзии «Новой жизни» нашли отражение характерные для Данте и его современников мысли о соотношении между личными человеческими чувствами и стремлением к общему нравственному очищению. Юбилейное издание «Новой жизни» иллюстрировано художником В. Фаворским.

•

Роберт Эйдеман. Степной ветер. Повесть и рассказы. Перевод с латышского.

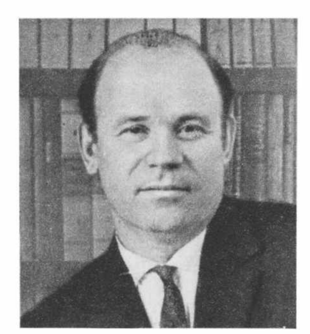
Характеризуя творчество Р. Эйдемана, видный латышский революционер и деятель культуры П. Дауге писал: «Стих Эйдемана — подлинно большевистский стих — такой, какой может написать лишь закаленный в борьбе и труде большевик». Прозу Эйдеман начал писать рано, как и стихи. Главные темы его рассказов и повестей — революция и гражданская война. Пламенный революционер, соратник М. В. Фрунзе, видневший командир Красной Армии, Роберт Эйдеман ушел из жизни, когда ему было всего сорок два года. Героическое время, в которое он жил и творил, нашло свое отражение в лучших произведениях писателя, составляющих этот сборник.

•

Себастиан Брант. Корабль дураков. Перевод с немецкого.

Одно из выдающихся произведений мировой сатирической литературы увидело свет в 1494 году в Базеле. Автор этого блестящего памфлета, бичующего глупцов, пошляков, невежд, ханжей и святош, — видный немецкий ученый, юрист и писатель. Популярности книги содействовали великолепные гравюры, автором которых был молодой Альбрехт Дюрер. Гравюры Дюрера сопровождают и это издание книги Себастиана Бранта, впервые переведенной на русский язык.

НОВЫХ СВЕРШЕНИЙ!

Александру Андрееву 50 лет. Даты в документах неопровержимо свидетельствуют об этом, и все-таки в это трудно поверить. Не только потому, что даже внешне — в манере поведения, в общении с друзьями, читателями — он по-настоящему молод. Молодость Андреева прежде всего в свежести его дарования, кипучем общественном темпераменте, тесных связях с жизнью народа.

...1942 год. В редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо с фронта. Под ним стояла подпись: «С красноармейским приветом А. Андреев». Письмо было напечатано. С него и началась литературная деятельность Александра Андреева, ставшего вскоре военным корреспондентом «Комсомольской правды».

Фронтовые корреспонденции Андреева писались не в штабах, не во втором эшелоне. Капитан Андреев всегда был на переднем крае. Эту особенность — находиться на переднем крае событий — сохранил и писатель Андреев. Именно в ней заключается секрет популярности его книг. Писательская судьба Александра Андреева сложилась на редкость счастливо. И «Ясные дали», и «Очень хочется жить!», и «Грачи прилетели», и «Рассудите нас, люди!» сразу нашли дорогу к сердцам читателей, выдержали несколько изданий и пользуются постоянным спросом. А пьеса, созданная по острой, ставящей сложные и интересные моральные проблемы повести «Рассудите нас, люди!», обошла десятки театров страны.

Быть может, именно этот успех побудил Александра Андреева вновь обратиться к жанру драматургии. Нет сомнения в том, что его новая пьеса, «От имени любви», которая в дни его юбилея появилась на страницах 5-го номера журнала «Октябрь», привлечет внимание театров.

Новых книг Александру Андрееву, новых пьес, новых свершений!

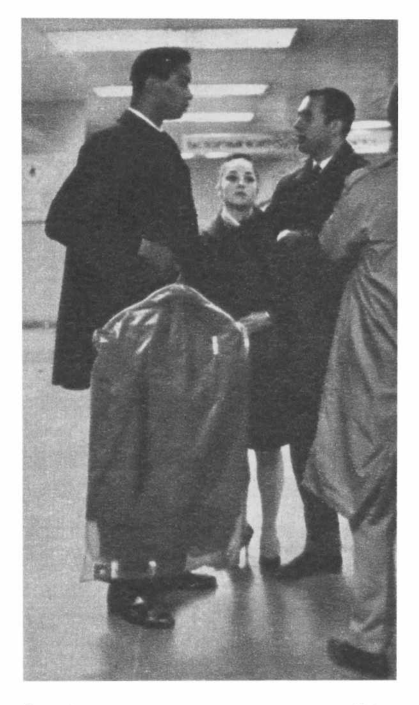
Юрий ИДАШКИН

В одном из ближайших номеров «Огонек» начинает печатать роман-памфлет с продолжением

«ОБ ЭТОМ ПОМАЛКИВАЮТ»

известного финского писателя Мартти Ларни.

Рисунки Виталия Горяева.

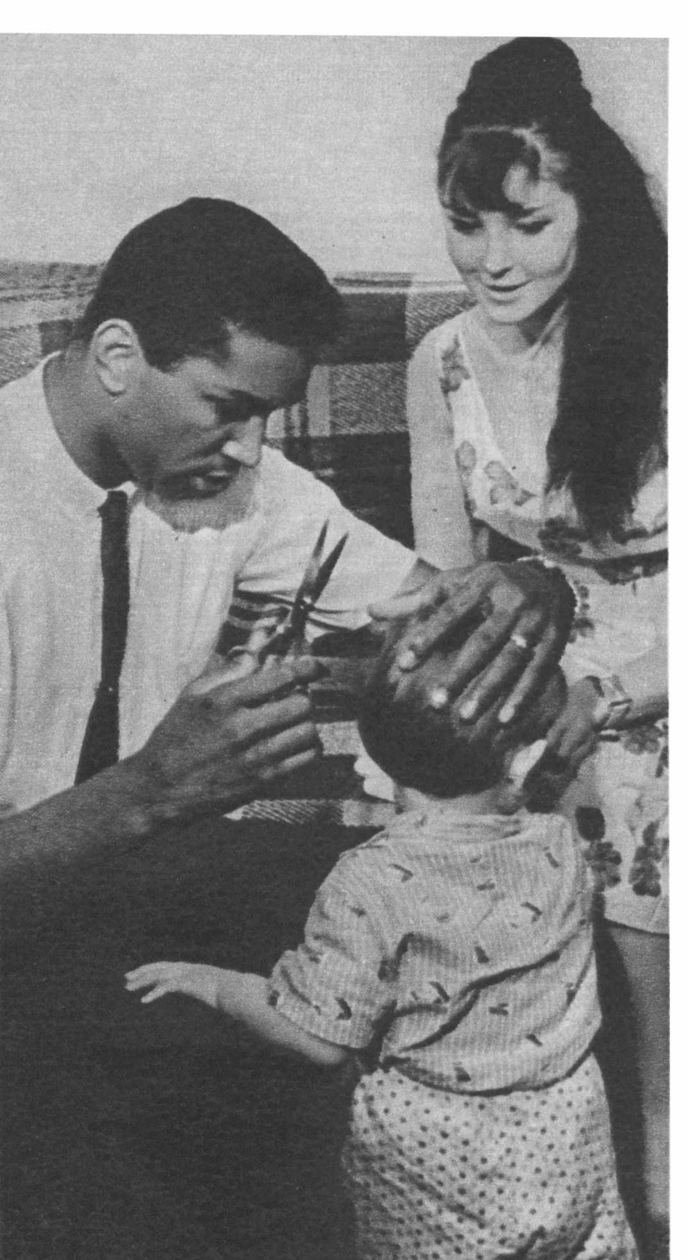

Брумели встречали гостя на Шереметьевском аэродроме.

Идут последние приготовления к тренировке.

Привет, Джон!

Томас в роли парикмахера.

А. КОЛОДНЫЙ, А. БОЧИНИН

Мы не будем представлять наших героев. В этом нет никакой надобности. Кто не знает Джона Томаса и Валерия Брумеля? Вот уже пятый год на радость любителям спорта они выясняют свои отношения где-то на высоте более 220 сантиметров. Глядя на их захватывающие поединки, каждый раз думаешь невольно о том, до чего же устарела поговорка: выше головы не прыгнешь!

Да, мы привыкли видеть Томаса и Брумеля в боевых доспехах — майках и шиповках — в секторе для прыжков в высоту. Здесь они соперники, ярые конкуренты. Так их и числят почитатели «Королевы спорта». И, пожалуй, мало кто знает, что, надев костюм и галстук, эти два покорителя высоты становятся самыми настоящими друзьями.

Дружба эта особая, беспокойная. Ведь успех одного обязательно приносит огорчение другому. Но каждый из них умеет радоваться не только своим удачам, и потому соперники остаются друзьями. Нам довелось убедиться в этом, проведя со спортсменами три дня.

«Бостонский кузнечик» приземлился в Шереметьевском аэропорту. Джон Томас приехал не на соревнования, как это бывало раньше. Он прибыл в гости к своему «сопернику номер 1», чтобы вместе с ним принять участие в съемках фильма о советском спорте, которые ведет американская телевизионная компания «Нейшнл бродкастинг систем» при содействии агентства печати «Новости».

Был поздний вечер, но друзья не спешили расставаться. У Томаса за эти месяцы было много затруднений. Вернувшись из Токио, он узнал, что потерял работу, так как хозяина не устраивали его частые разъезды. К тому же пришлось лечь на операцию аппендицита. Эти заботы отодвинули спорт на второй план. Сейчас, правда, Томас нашел более или менее постоянную работу в комиссии по трудоустройству подростков. Кроме того, он ассистирует хирургу во время операций: на это ему дает право диплом об окончании физиотерапевтического отделения Бостонского университета. Лишь разрешив все эти проблемы, экс-рекордсмен мира смог приступить к тренировкам.

Разговор, начатый на аэродроме, продолжался в гостинице. И неизвестно, когда бы он завершился, если бы не частые напоминания жены Брумеля Марины о том, что пора дать гостю возможность отдохнуть с дороги и что завтра предстоит много дел.

А дел действительно предстояло немало. С утра они отправились на дачу, где Томас встретился с тренером своего соперника Владимиром Дьячковым и с друзьями Брумеля по спортивной команде. Они вспоминали Токио, говорили о Мексике. Потом наступило обеденное время. Все принялись хлопотать вокруг стола, и тут выяснилось, что Валерий не все знает о своем друге. Оказывается, Томас любит стряпать и проявляет в этом деле немалые способности. Такое довольно редкое для мужчины увлечение сам Джон объясняет тем, что он пока холост. Его успехи в поварском искусстве оценивает лишь любимая обезьянка по имени Пигби.

За обедом друзья договорились провести совместную тренировку. Она состоялась на следующий день на стадионе Государственного центрального института физкультуры. Томаса особенно интересовала методика тренировок Валерия, и он получил самые исчерпывающие сведения по этому вопросу.

Прямо со стадиона легкоатлеты отправились домой к рекордсмену мира. За чашкой кофе они говорили о любимом спорте и о перспективах в прыжках в высоту. Валерий достает альбом, снимки которого зафиксировали все их предыдущие поединки. Счет встреч на высшем уровне пока 10 : 1 в пользу Брумеля. Но гость нисколько не обижен на хозяина дома.

Ход беседы прерывается появлением самого младшего представителя семейства Брумеля — полуторагодовалого Александра. Папа знакомит сына с гостем, и между ними завязывается оживленный разговор. Переводит Брумель-старший.

Знакомство с Брумелем-младшим кончилось тем, что Томас попросил разрешения подстричь ребенка. Мало кто из присутствующих верил в успех этой операции, но Джон оказался заправским парикмахером.

Друзья прощались, чтобы снова встретиться в конце июля. Ведь на сей раз матч легкоатлетов СССР и США состоится в Советском Союзе.

Приятно побродить по подмосковному лесу.

РАЗБЕГ

СССР — Греция, 3 : 1. Такой результат вписан в протоколы отборочных встреч футбольного чемпионата мира.

На один шаг стал ближе лондонский стадион, на котором в 1966 году будет разыгран футбольный чемпионат мира. Шаг сделан стремительный. Вне всякого сомнения, наша сборная играла уверенней, динамичней, сильней.

Греческие футболисты показали современную игру — с острыми проходами, с быстрым и внезапным наращиванием мощи атак. Достаточно вспомнить, что даже правый защитник Камарос не один раз реально угрожал нашим воротам.

А в день, когда выйдет наш журнал, на стадионе в Лужниках советские футболисты встретятся с мастерами Уэльса. Потом предстоит игра с датчанами. Весенняя страда отборочных игр должна, обязана быть для нас успешной. Ведь встречи происходят на нашем поле. Ответные октябрьские матчи будут, конечно, значительно трудней.

На снимке: атакуют советские футболисты.

ПОЛНАЯ ПОБЕДА

Прошла XVIII велогонка мира. Она принесла команде СССР полную победу. В личном зачете лучшее время показал Геннадий Лебедев, командное первенство также завоевали советские спортсмены — Гайнан Сайдхужин, Геннадий Лебедев, Юрий Мелихов, Станислав Шепель и Александр Дохляков.

На снимке: призеры XVIII велогонки мира совершают круг почета на варшавском стадионе. В центре — победитель гонки Г. Лебедев (СССР), слева — П. Долежал (Чехословакия) и Я. Кудра (Польша).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Десятая, решающая...

Победа в первой партии матча — большое преимущество и, кроме того, хорошая примета. Но никакие приметы не смутили Бориса Спасского, которому Пауль Керес нанес поражение в первой же партии их волнующего поединка из десяти партий.

Б. Спасский ответил на удар П. Кереса мощным троекратным ударом. Но и опытный П. Керес, как известно, далеко не из слабонервных. В восьмой встрече он сократил разрыв до минимума — одного очка. Исход матча решался в самой последней, десятой партии.

П. Кереса устраивала лишь победа. Эстонский гроссмейстер избрал острый вариант староиндийской защиты. Он «вытащил» из своего чемодана с вариантами очень удачную новинку. Положение Б. Спасского стало незавидным. За кулисами уже стали обсуждать шансы гроссмейстеров в «добавочном времени».

Но всего этого не случилось. Почему? На это «почему» лучше всего ответит сама партия, которую мы приводим с короткими примечаниями.

Староиндийская защита

П. Керес — Б. Спасский

1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 g7—g6 3. Kb1—c3 Cf8—g7 4. e2—e4 d7—d6 5. f2—f4 c7—c5 6. d4—d5 0—0 7. Kg1—f3 e7—e6 8.Cf1—e2 e6:d5 9. c4:d5 b7—b5 10. e4—e5 d6:e5 11. f4:e5 Kf6—g4 12. Cc1—f4...

Вот она, новинка П. Кереса! Обычно здесь играли 12. Cg5.

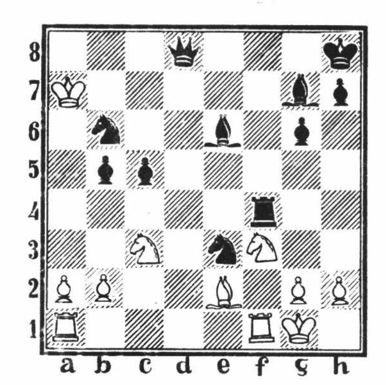
12. ... Kb8—d7
13. e5—e6 f7:e6
14. d5:e6 Лf8:f4

Эта позиция, вероятно, «стояла» в рабочем кабинете П. Кереса. Для Бориса Спасского она явилась сюрпризом (причем, весьма неприятным), и поэтому молодой гроссмейстер над этим ходом «задремал» минут на 40! Следует отдать должное тонкому чутью Б. Спасского: жертва качества — лучший выход из положения. При других продолжениях, как, скажем Kb6,— заметное преимущество на стороне белых.

15. Фd1—d5! Kpg8—h8
16. Фd5:a8 Kd7—b6
17. Фa8:a7 Cc8:e6
18. 0—0 Kg4—e3

Б. Спасский делает все, что можно. Но ничего особенного бы

Спасский

Керес

не получилось, если бы не помогли... партнер и «враг» шахматистов — шахматные часы.

19. Лf1—f2? ...

Серьезнейшая ошибка. Сам П. Керес после игры правильно указал, что не надо было жадничать (плохое качество для шахматиста и для любого человека!) и путем 19. С:b5 вернуть Спасскому качество. В этом случае у П. Кереса была лишняя пешка при относительно спокойной ситуации. Во всяком случае, Спасский не мог бы своими фигурами столь удачно «танцевать».

19. ... b5—b4
20. Kc3—b5 Лf4—f7
21. Фa7—a5 Фd8—b8
22. Лa1—e1 ...

Картина резко изменилась в пользу черных. Качество у белых есть, но силы черных расположены очень активно. Ход в тексте отражает угрозу 22. ... Kg4, на что Керес приготовил ответ 23. Cf1. Но Спасский не торопится...

22. ... Ce6—d5
23. Ce2—f1 Ke3:f1
24. Лf2:f1 Kb6—c4
25. Фa5—a6 Лf7—f6
26. Фa6—a4 Kc4:b2
27. Фa4—c2? ...

В этот момент у бедного П. Кереса оставалось всего пять минут времени. За пять минут, разумеется, такую позицию не спасти. Упорнее было 27. Фa5. На 27. ... Kc4 у белых есть ответ 28. Фc7. Ход П. Кереса приводит к потере коня, партии, матча и надежд на три года.

27. ... Фb8:b5

С удовольствием Спасский берет эту лошадочку, ибо Керес не может взять на b2 из-за 28. ... Л:f3. Борьба кончилась — результат ясен.

28. Лe1—e7 Kb2—d3
29. Фc2—e2 c5—c4
30. Лe7—e8+ Лf6—f8
31. Лe8:f8 Cg7:f8
32. Kf3—g5 Cf8—c5+
33. Kpg1—h1 Фb5—d7
34. Фe2—d2 Фd7—e7
35. Kg5—f3 Фe7—e3

В этой позиции у П. Кереса упал флажок на часах. Но белые все равно могут со спокойной совестью сдаваться.

Б. Спасский после матча скромно заявил: «Результата 6 : 4 я ожидал, но... в пользу Кереса». На вопросы «как», «почему» и т. д. П. Керес объективно признал: «Нечего гадать, рассуждать: Спасский этот матч провел лучше меня».

Творческий шедевр

Не менее напряженная борьба ожидалась и во втором четвертьфинальном матче, Е. Геллер — В. Смыслов. Но увы! Впечатление такое, что В. Смыслов недооценил силу одесского гроссмейстера. Е. Геллер оказался превосходно подготовленным во всех отношениях и в отличной спортивной форме. Он победил в первой, третьей и пятой партиях. Частично такую «регулярность» можно объяснить тем, что у В. Смыслова возобновилась его старая болезнь: он играет хуже черными.

С сокрушительной силой и изяществом Геллер провел пятую партию. Этот творческий шедевр, несомненно, обойдет всю мировую шахматную печать.

Защита Грюнфельда

Е. Геллер — В. Смыслов

1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 g7—g6 3. Kb1—c3 d7—d5 4. c4:d5 Kf6:d5 5. e2—e4 Kd5:c3 6. b2:c3 Cf8—g7 7. Cf1—c4 c7—c5 8. Kg1—e2 0—0 9. 0—0 Kb8—c6 10. Cc1—e3 Фd8—c7 11. Лa1—c1 Лf8—d8 12. f2—f4 e7—e6

Вместо встречавшегося на практике маневра 12... Ka5 13. Cd3—f5 В. Смыслов избирает другой план. Е. Геллер энергичным образом доказывает, что план В. Смыслова не из первосортных.

13. Kpg1—h1 b7—b6
14. f4—f5 ...

Первый сигнал к атаке!

14. ... Kc6—a5

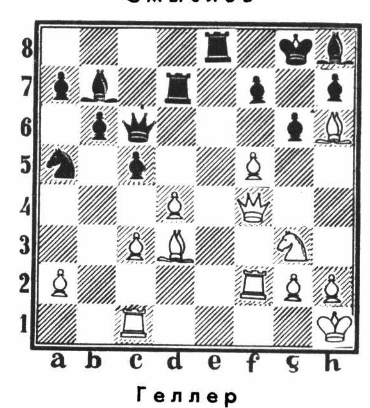
Из-за этого коня в офсайде черные в конце концов проигрывают партию. Лучше было 14... ef или даже 14... Ke5, не опасаясь хода 15. Cf4 Фe7.

15. Cc4—d3 e6:f5
16. e4:f5 Cc8—b7
17. Фd1—d2 Лd8—e8
18. Ke2—g3 Фc7—c6
19. Лf1—f2 Лa8—d8

Не спасает черных продолжение

19. ... Л:e3 20. Ф:e3 cd 21. cd C:d4 22. Фd2 Ф:c1+ 23. Ф:c1 C:f2

Смыслов

Геллер

24. Фh6 Cd4 25. fg hg 26. C:g6 fg 27. Ф:g6+ Kph8 28. Фh5+ Kpg8 29. Фg4+ и т. д.

20. Ce3—h6 Cg7—h8
21. Фd2—f4 Лd8—d7

22. Kg3—e4! ...

В подобных позициях промедление неуместно. Начиная с этого сильного хода Е. Геллер ведет атаку в лучшем стиле. Ход возможен потому, что для черных не годится 22. ... Л:e4 23. C:e4 Ф:e4 24. Фb8+.

22. ... c5—c4

Трудно дать черным хороший совет. На 22. ...Фc7 следует 23. Лe1 Ф:f4? 24. Kf6+ и мат следующим ходом.

23. Cd3—c2 Лd7—e7
24. Лc1—f1 Лe7:e4
25. f5:g6! ...

Эту эффектную жертву ферзя Е. Геллер, разумеется, имел в виду при предыдущем ходе. От разгрома по линии «f» даже такой блестящий защитник, как В. Смыслов, не может найти спасения. Его и нет.

25. ... f7—f6

Или 25. ... Ф:g6 25. C:e4 C:e4 26. Ф:f7+ Ф:f7 27. Л:f7 с неотразимой угрозой 28. Лf8+.

26. Фf4—g5! ...

Чисто алехинский ход!

26. ... Фc6—d7
27. Kph1—g1 ...

Возможно, было и 27. gh Kp:h7 28. Фh5, но ход в тексте подчеркивает беспомощность черных.

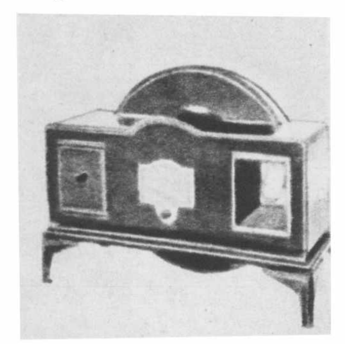
27. ... Ch8—g7
28. Лf2:f6 Лe4—g4

В случае 28. ... C:f6 29. Ф:f6 hg 30. Ф:g6+ Kph8 31. Cg5 Лe4—e6 32. Cf6+ Л:f6 33. Л:f6 партия также заканчивается.

29. g6:h7+ Kpg8—h8
30. Ch6:g7+ Фd7:g7
31. Фg5:g4 Черные сдались.

Таким образом, в четвертьфиналах пострадали 49-летний П. Керес и 44-летний В. Смыслов, старейшие из восьмерки претендентов. Теперь старейшим из шестерки оставшихся является 40-летний Е. Геллер. Как кончится его полуфинальная встреча с Б. Спасским, который моложе на двенадцать лет?

ПРАДЕД НЫНЕШНИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ

Перед вами на фото телевизор, выпущенный в 1936 году. Его сконструировал англичанин Джон Бэрд.

СЪЕДОБНАЯ ШЛЯПА

Появление двух девушек-манекенщиц в зоопарке города Франкфурта-на-Майне (ФРГ) больше всего привело в восторг козочку. Воодушевленная видом новых моделей, она принялась лакомиться украшениями на шляпе.

МАЛЕНЬКИЙ ГАРГАНТЮА

На юге Италии, в городе Бари, появился на свет новорожденный рекордсмен. Младший, четвертый по счету сын в семье рабочего Дженнаро Зотти весит 8 килограммов 750 граммов. Малыш здоров и развивается нормально.

ДОБРОДУШНЫЙ ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ

В клетку льва Негуса, популярного обитателя зоопарка в городе Маастрихте (Нидерланды), посадили четырех молодых бульдогов. Негус быстро привык к новоселам и не стал замечать их проказы. Сторожа зоопарка теперь, входя в клетку, боятся не царя зверей, а четырех озорников.

МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ

Французский пианист Мишель Бриге решил приблизить музыку к тем, кто не имеет возможности посещать концерты. Он установил рояль на прицепе своей машины и отправился в турне по Франции.

ВАМ, ЗНАТОКИ!

ФУТБОЛЬНЫЙ КОНКУРС

Перед вами четыре популярные футбольные команды. Спортивная биография каждой имеет немало славных страниц, многие футболисты, изображенные на снимках, вошли в историю советского футбола.

Назовите год, когда была сделана каждая фотография, составы команд и их место в турнирной таблице.

Пятеро читателей, приславших наиболее правильные ответы, будут премированы футбольными мячами с автографами игроков сборной СССР по футболу.

Последний срок отправки ответов в редакцию — 15 июля 1965 года.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Безлистное среднеазиатское дерево. 8. Спортивная лодка. 9. Спутник планеты Сатурн. 11. Итальянский композитор. 12. Степная лисица. 13. Вступительная часть литературного произведения. 15. Столица Нигерии. 18. Балет С. Прокофьева. 20. Серебристый металл. 22. Прибор для повышения или понижения напряжения электрического тока. 25. Виртуозная музыкальная пьеса. 27. Пункт остановки транспорта. 28. Цветок. 29. Потолок, украшенный живописью или лепкой. 30. Летательный аппарат. 31. Электронная лампа. 33. Газ. 34. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 35. Вид внешней торговли.

По вертикали:

1. Русский поэт XIX века. 2. Пьеса М. Горького. 4. Космодром в СССР. 5. Сорт хрусталя. 6. Вершина Кавказа. 7. Предприятие общественного питания. 10. Раздел математики. 14. Игра-пляска с песнями. 15. Словарный состав языка. 16. Приток Урала. 17. Помещение для подопытных животных. 19. Плато в Югославии. 21. Сорт яблок. 23. Стихотворение Н. А. Некрасова. 24. Высшее учебное заведение. 26. Дневная бабочка. 27. Площадка для постройки судов. 31. Картина В. Г. Перова. 32. Французский философ XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

7. Петрарка. 8. Минданао. 9. Осип. 10. Трек. 11. Менделеев. 13. Порог. 15. Карат. 17. Рогач. 19. Станиславский. 20. Клише. 22. Кокос. 24. Шпага. 26. Амальгама. 27. Опыт. 29. Плед. 30. Котлован. 31. Ангстрем.

По вертикали:

1. «Детство». 2. Трап. 3. Скорняк. 4. Чимкент. 5. Кант. 6. Капелла. 11. Магдалена. 12. Варакушка. 14. Росси. 16. Ролик. 18. Гайка. 21. Лампион. 22. Квадрат. 23. Станина. 25. Гобелен. 28. Толь. 29. Поти.

●

На первой странице обложки: В солнечный день. Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Куба. 1. Сахарный тростник — богатство страны. 2. Туристский центр, построенный после революции.

Фото Б. Буркова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02005. Подписано к печати 26/V 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Заказ № 1309. Тираж 1 960 000. Изд. № 803.

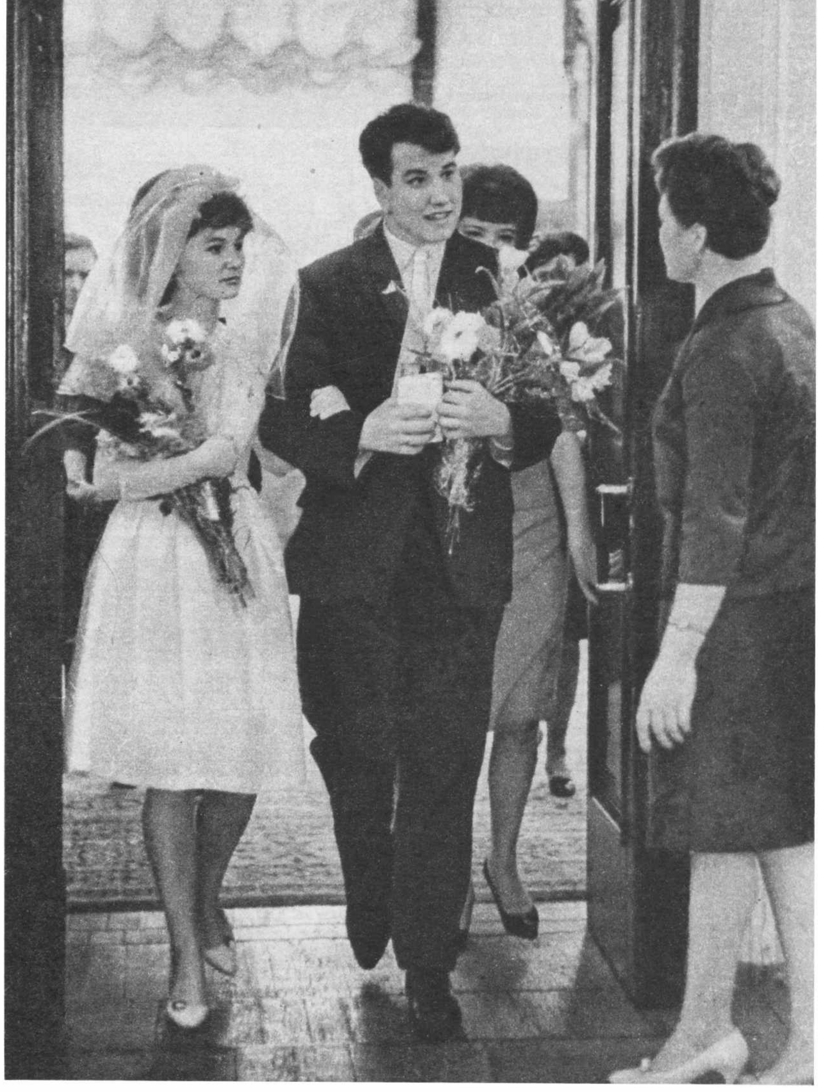
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

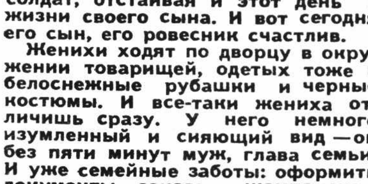
Римма ЛИХАЧ

В комнате невест.

Новая семья.

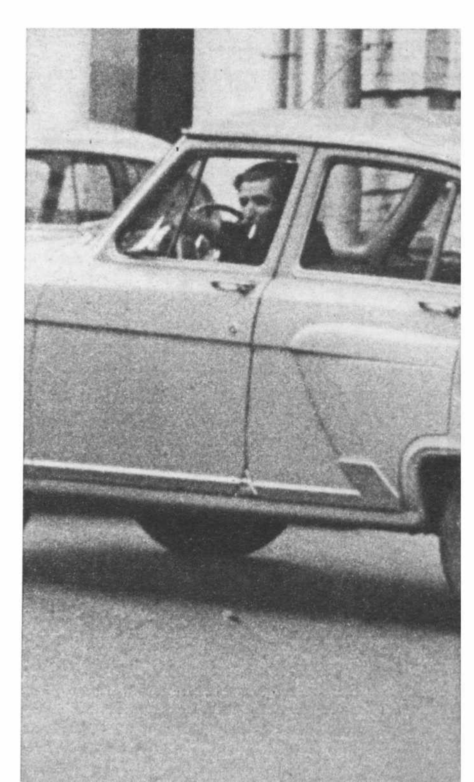

Здесь только счастливые. Они молоды, красивы и торжественны. Здесь Дворец бракосочетания.

У майских свадеб этого года есть одна особенность. Их справляет молодежь рождения 41, 42, 43 годов. Я видела много счастливых матерей, украдкой смахивающих слезу: нет отца сегодня. Погиб солдат, отстаивая и этот день в жизни своего сына. И вот сегодня его сын, его ровесник счастлив.

Женихи ходят по дворцу в окружении товарищей, одетых тоже в белоснежные рубашки и черные костюмы. И все-таки жениха отличишь сразу. У него немного изумленный и сияющий вид — он без пяти минут муж, глава семьи. И уже семейные заботы: оформить документы, заказать шампанское, купить цветы.

Но вот просят: «Борис Петрович, пригласите вашу невесту на торжественное заключение брака». Но Борис Петрович не сразу понимает — он же Боря! Веселая суматоха. Наконец торжественная притихшая процессия двигается в зал. На мгновение водворяется в комнатах тишина. Но опять раскрылась парадная дверь, подъехала еще свадьба. И снова смех, молодость, звонкое счастье. Тысяча свадеб в мае, две тысячи счастливых, рождения суровых годов минувшей войны.

— Теперь я Чередниченко.

Тещи и свекрови.

По улице идет счастье.

Первое семейное торжество.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663